

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел.: факс: 8 (495) 939-46-98

ЕЛИШЕВ Сергей Олегович — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии, ученый секретарь социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, зам. главного редактора, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна — сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

БАРКОВ Сергей Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

ВЕРШИНИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонов Анатолий Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru

Бабосов Евгений Михайлович — доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru

Вельц Франк — доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Водопьянов Павел Александрович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: pva1940@bk.ru

Данилов Александр Николаевич — доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел.: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Джаннотти Андреа — доктор политических наук, профессор, Департамент политических наук, Университет Пизы (Италия), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Ильхам Мамед-Заде — доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Кеничи Охаша — профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккью, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Михайленок Олег Михайлович — доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Института социологии РАН, e-mail: trudsociol@isras.ru

Мchedлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university

Скворцов Николай Генрихович — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Смирнов Владимир Алексеевич — доктор социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, e-mail: kano_igt@mail.ru

Тай-Лок Луи — доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tlouklui@eduhk.hk

Фарро Антимо Луиджи — доктор социологических наук, профессор Римского университета “Сапиенца”, г. Рим, Италия, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

FOUNDER

**Lomonosov Moscow State University;
Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)**

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: Sergey O. ELISHEV — Doctor of Sociology, Professor of the Department of Modern Sociology, Scientific Secretary at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

Managing Editor: Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Editor: Olga V. ILINIY, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: iliniy@socio.msu.ru

Editorial board: Sergey A. BARKOV — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-50-60, e-mail: antonov_ai_@mail.ru

Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Andrea Giannotti, PhD in Political Science, Professor, Department of Political Science, University of Pisa (Italy), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Maria M. Mchedlova, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university

Oleg M. Mikhailenok, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department for the Study of Socio-Political Relations, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, e-mail: trudsociol@isras.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Vladimir A. Smirnov, Doctor of Sociology, Associate Professor of Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: kano_igt@mail.ru

Lui Tai-Lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tlolkui@eduhk.hk

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone: +43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 1 • Том 31 • 2025 •

ЯНВАРЬ — МАРТ

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

**Выдающиеся ученые и выпускники Московского университета
(к 270-летию МГУ)**

Смолин М.Б. Этический монархизм Льва Тихомирова: политические учения7

Политическая социология

Елишев С.О. Осмысление сущности “Большой Игры” классиками русской школы геополитики (*Окончание*)21

Каневский П.С. К вопросу о разнонаправленной эволюции феномена лоббизма44

Социология управления

Барков С.А., Колодезникова И.В., Маркеева А.В. Институциональный и социально-управленческий контекст современного образования63

Васильев В.П., Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Социология государственного управления: принципы и механизмы99

Экономическая социология

Гребенюк А.А., Агеев А.Ю., Аверьянов А.А. Миграционные установки трудовых мигрантов из Украины, находящихся в Российской Федерации: особенности, факторы формирования, направленность115

Баркова А.С. Студенты социологического факультета на рынке труда (результаты эмпирического исследования).135

История и теория социологии

Батуренко С.А. Роль женщины в развитии культуры будущего: концепция В.М. Хвостова.155

Социология здоровья

Лядова А.В., Заплетнюк М.А. Психическое здоровье молодежи в условиях цифровой медиатизации178

Социология в Китае

Цзо Ци. Цифровая трансформация в Китайской Народной Республике: динамика и тенденции.202

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

N 1 • VOLUME 31 • 2025 •

JANUARY — MARCH

Four Issues per Annum

CONTENTS

Outstanding scientists and graduates of Moscow University (on the 270th anniversary of Moscow State University)

Smolin M.B. Ethical monarchism of Lev Tikhomirov: political
teachings7

Political sociology

Elishev S.O. Understanding the essence of the “Great Game” by
classics of the Russian school of geopolitics (*Ending*)21

Kanevsky P.S. On the issue of the multidirectional evolution of
the lobbying phenomenon.44

Sociology of management

Barkov S.A., Kolodeznikova I.V., Markeeva A.V. Institutional
and socio-managerial context of modern education.63

Vasiliev V.P., Dehanova N.G., Kholodenko Y.A. Sociology of
public administration: principles and mechanisms.99

Economic sociology

- Grebeniyk A.A., Ageenko A.Yu., Averianov A.A.*** Migration attitudes of labor migrants from Ukraine located in the Russian Federation: features, formation factors, orientation115

- Barkova A.S.*** Students of the sociology faculty on the labor market (results of empirical research)135

History and theory of sociology

- Baturenko S.A.*** The role of women in the development of the culture of the future: concept by V.M. Khvostov155

Sociology of health

- Liadova A.V., Zapletnuk M.A.*** Mental health of youth under the digital mediatization.178

Sociology in China

- Zuo Qi.*** Digital transformation in the People's Republic of China: dynamics and trends202

ВЫДАЮЩИЕСЯ УЧЕНЫЕ И ВЫПУСКНИКИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (к 270-летию МГУ)

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-1-7-20

ЭТИЧЕСКИЙ МОНАРХИЗМ ЛЬВА ТИХОМИРОВА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ

М.Б. Смолин, канд. историч. наук, проф. кафедры истории и философии Московского государственного института культуры, ул. Библиотечная, д. 7, г. Химки, Московская обл., Российская Федерация, 141406*

Основа данной статьи — доклад, прочитанный на Всероссийской научной конференции МГУ “Лев Тихомиров: его время и творческое наследие”, посвященный 100-летию со дня смерти Льва Александровича Тихомирова.

Государство, по мнению Л.А. Тихомирова, является высшей формой общечеловеческой ответственности и неизбежностью государства — это политическая аксиома. Доклад посвящен политическим учениям Л.А. Тихомирова о царской прерогативе, о распределении дел между Верховной властью и властями подчиненными, о национальном характере царской власти, об этической природе самодержавия и о монархе как третьей стороне социальных столкновений, составившим мировоззренческое ядро его системы этического монархизма.

Ключевые слова: верховная власть, государство, Российская империя, император, управление, самодержавие, царская прерогатива, верховное управление, социальный слой.

ETHICAL MONARCHISM OF LEV TIKHOMIROV: POLITICAL TEACHINGS

Smolin Michail B., Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History and Historical Archives of the Moscow State Institute of Culture, st. Library, 7, Khimki, Moscow region, Russian Federation, 141406, e-mail: fondiv@mail.ru

The basis of this article is the report read at the All-Russian Scientific Conference of Moscow State University “Lev Tikhomirov: his time and creative legacy”, dedicated to the 100th anniversary of the death of Lev Alexandrovich Tikhomirov. The state, ac-

* Смолин Михаил Борисович, e-mail: fondiv@mail.ru

cording to L.A. Tikhomirov, is the highest form of society and the inevitability of the state is a political axiom. The report is devoted to L.A. Tikhomirov's political teachings on the royal prerogative, on the distribution of cases between the Supreme Power and subordinate authorities, on the national character of the royal power, on the ethical nature of Autocracy and on the monarch as an arbitrator of social clashes who formed the ideological core of his system of ethical monarchism.

Key words: *supreme power, state, Russian Empire, emperor, administration, autocracy, royal prerogative, supreme administration, social stratum.*

Глубокий христианский переворот, преобразивший идейного лидера народолюбия, и особое внимание к государственно-правовой проблематике помогли Льву Александровичу Тихомирову стать крупнейшим монархическим русским государствоведом.

Мировоззрение, проникнутое религиозным смыслом бытия, сформировало у Л.А. Тихомирова особую и основательно продуманную государственно-правовую систему “этического монархизма”, суть которой была выражена формулой — верховная власть ограничена *содержанием своего собственного принципа*. Посвятив тридцать лет¹ своей жизни изучению монархической государственности, Л.А. Тихомиров всегда указывал на религиозно-нравственный элемент как на важнейшее содержание монархического принципа властвования.

Он неоднократно подчеркивал, что “чисто политическими условиями не исчерпывается задача построения сильной материально и духовно государственности. Человеческое общежитие основывается всегда на элементе этическом, вследствие чего для государства становится высоко важен вопрос об отношениях к вере и Церкви”².

Христианская вера и Православная Церковь, по мнению Л.А. Тихомирова, дают всемирно-исторический смысл существованию русского государства как опоры христианства и созданной им цивилизации. “Государство русского народа, — утверждал он, — покидая христианскую миссию, становится столь же *не нужным* для человечества, как делается незаменимым, необходимым и драгоценным, если блюдет эту миссию. А блюсти ее нельзя иначе, как в связи с верою и Церковью”³.

¹ Тридцать лет, если считать с 1888 г., когда вышла его первая книга монархического периода “Почему я перестал быть революционером?”, и заканчивая главой из “Религиозно-философских основ истории” (окончена в 1918 г.) о “христианской государственности”.

² Тихомиров Л.А. О Вере и Церкви в государстве // Московские ведомости. 1912. 12 июля. № 161.

³ Там же.

Если исходить из мировой значимости Русской империи и столь высокого понимания роли Церкви в государстве, то государственнo-правовая система Л.А. Тихомирова носит подчеркнуто этический характер как духовное основание для государства, общества и права.

Он считал, что теоретическая работа по выяснению принципа монархической власти, его внутреннего смысла и отличия от других принципов властвования является одной из важнейших составляющих укрепления и поиска путей развития государственного строя.

Формулируя роль науки государственного права в целом для государства, Л.А. Тихомиров пишет: "...наука не только рассказывает нам то, что существует, — она также помогает уяснить себе, что нам должно делать для постановки официального юридического строя государства в гармонию с природными государственно-правовыми силами и условиями, кроющимися в самой жизни нации"⁴.

В своих трудах исследователь сетовал на крайнее невнимание к научным построениям и со стороны правоконсервативной части общества, и особенно со стороны государственной власти, о неумении и нежелании "пользоваться умственными и научными силами". Он был глубоко убежден, что русскому обществу начала XX столетия не хватало сознательности в своей государственной жизни, а отсюда происходила определенная потеря национальной самобытности во многих сферах бытия русского народа.

Перед собою, а так же перед своими современниками Л.А. Тихомиров ставил задачу "вникать в основные государственные принципы, понимать их и, стало быть, пользоваться трудами тех, которые способны дать нам это понимание. Только при этом мы можем способствовать прогрессивной эволюции права в направлении наших идеалов. Нужно уметь пользоваться на практике тем оружием, которое выковывает труд ученого, прозрение философа. Те направления, которые к этому не способны — не способны и жить"⁵.

По мнению Л.А. Тихомирова, государство является высшей формой общественности, для него неизбежность государства — это политическая аксиома. Политические учения Л.А. Тихомирова о царской прерогативе, о распределении дел между верховной властью и властями подчиненными, о национальном характере царской власти, об этической природе самодержавия и о монархе

⁴ Тихомиров Л.А. Наша наука и государственный строй // Московские ведомости. 1912. 10 марта. № 58.

⁵ Тихомиров Л.А. Власть Всероссийского Императора // Московские ведомости. 1913. 28 августа. № 198.

как третейском судье социальных столкновений составили мировоззренческое ядро его системы этического монархизма.

Резко выступая против идеи разделения властей, он считал, что верховная власть должна быть “единая, сосредоточена и нераздельна” и всегда основана на каком-либо одном принципе. А вот власть правительственная представляет сочетание различных принципов и основана на специализации, порождая так называемое разделение властей.

Особо обращая внимание на изучение системы управления монархического государства, Л.А. Тихомиров прежде всего ставил вопрос о месте в этом управлении самого монарха и предложил разработанную им систему действия по “царской прерогативе”, т.е. чрезвычайного действия непосредственно в порядке верховного управления.

Без такого надправного действия верховной власти Л.А. Тихомиров отрицал существование самой неограниченной и самодержавной власти царя. Под действием по царской прерогативе Л.А. Тихомиров имел в виду особое действие по естественному царскому праву, которое не противоречит обычному юридическому праву, но которое находится вне конкретных его форм (статей) и требуется исключительными государственными обстоятельствами.

Пределы действия государства имеют в представлении Л.А. Тихомирова свои границы, очерченные “обязанностью служить личности и обществу как силам самобытным, а потому не делать ничего, уничтожающего и задушающего самостоятельность личности и общества”⁶.

“Правовое самоопределение и самоподчинение Верховной Власти, — утверждал Л.А. Тихомиров, — происходит в среде *меняющихся условий* государственности. Изменяются условия экономические, отношения между людьми и характер людей. Вечно живущее самоопределение Верховной Власти приводит ее поэтому к изменениям прежде установленного правопорядка, к новому законному выражению отношений между своим внутренним содержанием и внешними условиями”⁷.

Именно в силу этой исторической необходимости верховная власть и должна всегда оставаться *свободной*, “только при этом имея возможность создавать закон и право, которыми она себя ограничивает *условно*, впредь до того, пока установленное право соответству-

⁶ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1992. С. 400.

⁷ Тихомиров Л.А. О Верховной Власти // Московские ведомости. 1912. 19 июня. № 141.

ет внутреннему содержанию принципа Верховной Власти... Создавши самый полный кодекс законов, Верховная Власть *in potentia* остается так же полновластна, как была до создания и единого из параграфов этого кодекса”⁸.

Одним из характернейших и основных свойств человека, по мнению Л.А. Тихомирова, является его стремление к взаимоотношениям с другими людьми. Человек вступает в союзы с другими людьми для своей защиты, своего пропитания, продолжения рода и т.п. жизненно-необходимых вещей. Кооперируясь в общество, люди кооперируют свои чувства, представления и желания. Этот инстинкт общественности, такой же естественный человеческий инстинкт, как инстинкт борьбы за свое существование — оба они исходят из природы самого человека.

Общественность эволюционирует от союзов семейных и родовых к союзам сословным, а с развитием человеческих потребностей и интересов дорастает до возникновения высшей силы, объединяющей все социальные группы общества, — государства. По мнению Л.А. Тихомирова, государство является *высшей формой* общественности.

Всякая кооперация предполагает власть как регулятор социальных отношений, или иначе говоря, кооперация предусматривает направляющую силу. Власть является как бы следствием общественного развития, одновременно являясь необходимым условием совершения этого развития.

Регулируя отношения между людьми в обществе, власть становится силой, осуществляющей в обществе, в государстве высшие начала правды и порядка.

Для Л.А. Тихомирова неизбежность государства — это абсолютно непреложная политическая аксиома. Государство появляется как высший этап развития общества и Л.А. Тихомиров определял его, как: “...союз членов социальных групп, основанный на общечеловеческом принципе справедливости, под соответствующей ему верховной власти”⁹.

Самобытность самодержавной власти, состояла, прежде всего, в ее историчности. Форма самодержавной власти появилась и развивалась вместе с рождением и ростом самой русской нации, будучи плоть от плоти русского народа, включала в себя все религиозные, психологические, бытовые и культурные стереотипы русского мышления, психологии, веры и вкусов.

⁸ Тихомиров Л.А. О Верховной Власти.

⁹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 31.

Особое значение Царя, значение его власти в смысле всемирном, безусловно, определяется тем, что он является не только державным вождем русского народа, но и блюстителем и покровителем всей Православной Церкви — роль, какую он получил от своих царственных предков через посредство православных императоров Рима и Византии. Эта роль всемирно-историческая. “Вот где тайна, — утверждал Л.А. Тихомиров, — той глубокой особенности, которою Россия отличается среди других народов мира”¹⁰.

Учение Л.А. Тихомирова о верховной власти как о третейском судье социальных столкновений

“Монарх, — по утверждению Л.А. Тихомирова, — есть наиболее справедливый **третейский судья социальных столкновений**”¹¹.

Все разнообразие социальной жизни Российской империи, ее разноплеменность, противоположность экономических интересов, требовало разрешения их именно с этической высшей точки зрения справедливости.

“В человеческом обществе, — утверждал Л.А. Тихомиров, — есть несколько элементов силы, влияния на окружающее. Вся жизнь управления зависит от умения пользоваться внутренней связью, которая на тысячу пунктов существует между государством и **территориальными, классовыми, сословными, родовыми и т.д. союзами**, создаваемыми общественной жизнью. Тут существует множество центров влияния, основанных на различных способах иметь власть, а потому в многообразных проявлениях постоянно живут все принципы власти. Они не исчезают никогда и нигде, как не исчезают различного рода организации, возникающие на их основе, и для жизни социальной все в своем роде необходимы. Но когда возникает государство — это означает, что возникает идея некоторой Верховной Власти, не для уничтожения частных сил, но **для их регулирования, примирения и вообще соглашения**. Без такой влаждующей силы частные силы, по самой противоположности своей идеи, обречены на борьбу. **Смысл Верховной Власти состоит в общем обязательном примирении**”¹².

Верховная власть в государстве видится Л.А. Тихомирову как начало нейтральное, третейское, примиряющее различные элементы государственной и общественной жизни на почве общего блага своим авторитетом.

¹⁰ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. IV. С. 130.

¹¹ Там же. С. 17.

¹² Там же. Ч. I. С. 48.

Взгляд на верховную власть в государстве как на верховного судью характерен для многих русских государствоведов, даже и достаточно либеральных взглядов. Так можно привести мнение такого крупного юриста, как Б.Н. Чичерин: “Монархия, по независимости своей, непричастна духу партий. Монарх стоит вне частных интересов; для него все классы, сословия, партии совершенно одинаковы. Он в отношении народа есть **не личность, а идея**”¹³.

По учению Л.А. Тихомирова, государь является также и верховным судьей сил государственных.

«Монарх, — пишет он, — вовсе не какой-то “первый из бюрократов”, но Власть Верховная, единственный представитель нации. Его Верховная Власть охватывает **все силы и все власти**, какие порождаются социальной жизнью нации. Они все для Него одинаково близки, допустимы и одинаково находятся под Его верховенством»¹⁴.

Роль третейского судьи социальных столкновений вытекает, по Л.А. Тихомирову, из обязанности верховной власти организовывать государственную жизнь, давая простор для развития ее различных элементов, и направляет их на общее благо. Создавая государственные органы и организуя их, верховная власть необходимо сталкивается с необходимостью быть организующей силой и для самого общества, ради достижения наиболее эффективного управления. Об этом Л.А. Тихомиров говорит следующими словами:

“Монархия, будучи выразительницей нравственного идеала, а не какой-либо социальной силы, во-первых, наиболее **нуждается в поддержке со стороны социальных сил**, а потому легко дает им место в управлении. Во-вторых, монархия **не имеет основания бояться аристократии или демократии**, пока является действительно выразительницей нравственного идеала нации, ибо в этом отношении ни аристократия, ни демократия не способны ее заменить. Если монархии в истории нередко приходилось обуздывать узурпаторские стремления аристократии или демоса, то совершенно упразднить власть аристократии или демократии, то есть стать на чисто бюрократическую почву, — это есть не норма, а только болезнь монархии, ее абсолютизация”¹⁵.

Верховная власть крайне заинтересована в сглаживании как чисто социальных столкновений, так и межнациональных, поскольку нуждается при проведении своих административных мероприятий

¹³ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1894. Ч. III. С. 127.

¹⁴ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. IV. С. 194.

¹⁵ Там же. С. 19.

в общественном спокойствии. Государственная верховная власть заинтересована в этом еще и потому, что именно она приводит в действие всю государственную машину и не хотела бы тратить дополнительные властные усилия для преодоления ненужного ей сопротивления. Социальные или межнациональные трения являются, таким образом, понижающим фактором эффективности действий государственной власти.

Особенно важны социальное согласие, примирение в моменты крупных государственных преобразований, когда для верховной власти необходимо поддерживать непрерывную и преемственную деятельность всей государственной организации, обеспечивая плановость и согласованность государственного управления. Здесь примером может быть великая крестьянская реформа 1861 г., когда освобождение крестьян было проведено верховной властью, осознавшей их государственную и общественную необходимость.

Учение Л.А. Тихомирова о верховной власти и властях подчиненных

Суверенитет верховной императорской власти был основным началом русского государственного строя. Вся история русского государственного права состояла в постепенном освобождении верховной власти от обязанностей исполнения права, от исполнительной деятельности.

“Роль царственная, как верховная, — писал Л.А. Тихомиров, — состоит **в управлении управительными силами**, их направлении, их контроле, суде над ними, изменении их персонала и устройства. Монарх приводит в движение управительную машину, а не превращается в нее сам. Если задачей управительного искусства является вообще **произведение наибольшего количества действия с наименьшей затратой силы**, то это правило особенно важно соблюдать в отношении употребления силы самой Верховной Власти”¹⁶.

Вся государственная власть в Российской империи отправлялась непосредственно государем-сувереном, но это отнюдь не значит, что на нем лежали все функции государственной власти, утверждалось только, что управление всех государственных функций возводится к верховной власти государя.

Часть же государственной власти, т.е. функции исполнительные передавались властям управительным, подчиненным, которые действовали от имени государя и по его указанию и несли перед ним ответственность.

¹⁶ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. IV. С. 162.

Источник всякой государственной власти был государь. Подчиненным же органам предоставлялась каждому особая, строго определенная степень власти.

Идеальной же задачей распределения власти была передача подчиненным властям возможно большего числа государственных дел исполнительного значения для высвобождения верховной власти для дел действительно особой, верховной важности.

“Единоличная власть, — говорит Л.А. Тихомиров, — имеет свои хорошие управительные свойства (единство, энергию действия и т.д.), но эти качества подрываются, в смысле управительном, вследствие ограниченного предела прямого действия, доступного силам одного человека. Лишь в немногих случаях единоличного действия необходима именно монархия, так как диктатора способна выдвигать и демократия, и аристократия, причем они выдвигают человека за его способности, то есть даже со значительным преимуществом перед монархией. Но именно для задач Верховной Власти все основные природные свойства монарха наиболее пригодны и стоят положительно вне соперничества и даже вне сравнения со способностями аристократии и демократии”¹⁷.

“Непосредственное участие в управлении для Верховной Власти всегда ограничено самой силой вещей. По физической невозможности управлять всем одному развивается система передаточной власти. Это совершенно нормально и необходимо даже для того, чтобы Монарх, в случаях надобности, нашел силы и время вступить лично в какую-нибудь отрасль управления, не будучи подавляем всеми остальными частями его”¹⁸.

Идеальным управлением, по Л.А. Тихомирову, было бы такое, при котором в обычном порядке государственный механизм функционировал возможно более самостоятельно по писанному закону, находясь **“лишь под общим наблюдением”** верховной власти. По необходимости верховная власть должна иметь возможность “непосредственно вступить в дело, для исправления хода”¹⁹ государственной машины.

Все же хорошие управительные качества единоличной власти (единство, энергия действия, концентрация власти и т.д.) могут подрываться ограниченным пределом действия единоличной власти. Поэтому для монархии свойственно стремление создавать сочтенную управительную власть, привлекая к государственному

¹⁷ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. IV. С. 27–28.

¹⁸ Там же. С. 165.

¹⁹ Там же.

строительству все лучшие свойства двух других принципов власти (аристократии и демократии), что происходит из-за относительной ограниченности единоличной власти при непосредственном управлении всеми текущими государственными делами.

Верховная властная роль монарха в государстве состоит в руководстве управительными властями, жестком контроле над ними и усовершенствовании их личного состава и структуры. Не сливаясь с управительной машиной государства, он приводит своей волей ее в действие, придавая ей направление и цель движения. «Верховная власть находится среди этих специализированных властей, как единственная универсальная, сохраняющая в себе все функции (законодательную, судебную, исполнительную)»²⁰.

Задачей искусства управления, по Л.А. Тихомирову, является произведение наибольшего количества полезного действия с наименьшей затратой сил. Если исходить из этого правила, то становится понятна необходимость особенного контроля за его соблюдением в отношении верховной власти, силы которой ограничены личностью монарха.

Монархическая власть имеет множество управительных преимуществ, но область прямого действия, непосредственного участия у нее весьма ограничена, именно поэтому в монархическом государстве всегда сильно развита система передаточной власти. При такой системе монарх получает возможность не заниматься лично всеми делами государства, а лишь их контролировать и, если нужно, своим прямым вмешательством направлять ту или иную отрасль управительной власти в нужное русло. Государственный механизм должен функционировать самостоятельно в обычном порядке лишь под наблюдением монарха до тех пор, пока нет чрезвычайных ситуаций, выход из которых должен определяться верховной властью.

Идеальной целью управительных учреждений должно быть такое усовершенствование своей деятельности, чтобы монарху не требовалось непосредственно вмешиваться в обычный ход государственных дел. Но здесь же кроется и угроза узурпации управительными властями верховной власти, или, иначе говоря, опасность появления непроницаемого для мнений народа средостения и бюрократизации верховной власти. Избежать этого можно только при постоянном направлении и контроле верховной властью деятельности управительных бюрократических учреждений, а также налаженной системой контроля со стороны общественного самоуправления.

²⁰ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. IV. С. 214.

В организации административного управления монархического государства необходимо очень точно разграничивать сферы ведения народного самоуправления и бюрократического. Здесь надо заметить, что Л.А. Тихомиров утверждал необходимость вхождения института самоуправления в систему государственного управления, подведомственную верховной власти, поскольку не должно быть никакого государства в государстве, не подвластного верховной власти. При этом необходимо сочетать власть бюрократическую и общественную власть самоуправления.

“Система сочетания бюрократического и общественного управления, всегда бывшая во всех процветающих монархиях, не только прямо вытекает из смысла государства и монархического принципа, но составляет для Верховной Власти единственное средство создать действительно хорошее управление страной”²¹, — говорил знаменитый консервативный государствовед.

Учение Л.А. Тихомирова о “царской прерогативе” или праве чрезвычайных действий верховной власти

Действие по царской прерогативе относилось в русском до-революционном праве к верховному управлению, или к законодательству. Власть верховная имела возможность действовать в случае надобности во имя государственного блага, не обращая внимание на писанный закон, если он не способен был доставить необходимый для государства положительный результат.

«Действие по царской прерогативе, — говорил Л.А. Тихомиров, — обусловлено самым существом Верховной Власти, вне всего конституционно-условного, и может быть названо также действием по царскому естественному праву. Бывает действие по “праву”, установленному в правильные юридические нормы. Может быть, наоборот, действие по “прерогативе”, хотя и не противное праву, но находящееся вне его. Действие по прерогативе свойственно лицу или учреждению, в силу каких-либо исключительно ему принадлежащих особенностей, допускающих или требующих такого исключительного права. Царское действие по прерогативе характеризуется тем, что может совершаться вне законных установленных норм, сообразуясь только с обязанностью дать торжество правде высшей, нравственной, божественной. Для объяснения этого представим себе момент самого зарождения государства, когда Верховная Власть явилась для устройства государства, но еще не успела его организовать. В этот момент Верховная Власть заключает в самой

²¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. IV. С. 196.

себе все управление... Засим начинается правильное устройство государства, которого цели состоят в том, чтобы эту общую задачу Верховной Власти осуществить при посредстве системы законов и учреждений. Государство тем более совершенно, чем полнее в нем достигнута эта цель... Роль же Верховной Власти приводится к тому, чтобы стать силой только направляющей и контролирующей. Но полное совершенство учреждений никогда не достижимо. Сверх того, как бы ни был совершенен и современен закон, он устанавливает лишь средние нормы справедливости, а люди живут конкретными нормами, которые постоянно бывают то выше, то ниже средней. Во многих случаях законная справедливость поэтому не совпадает со справедливостью нравственной». При этих условиях «государство принуждено, поддерживая свой закон, тем самым поддерживать нравственное беззаконие. В эти моменты государство, с точки зрения своих благородных и высоких целей, как бы не существует... И вот в эти моменты Верховная Власть обязана снова делать то, что делала, когда еще не успела построить государства: должна делать сама и по усмотрению совести, то, чего не способно сделать государство»²².

Ставя вопрос о месте в государственном управлении верховной власти, Л.А. Тихомиров предлагал разработанную им систему действия по «царской прерогативе», как он ее называл, где определял два способа действия верховной власти. Обычный порядок управления сводился к действию верховной власти через посредство государственных учреждений; чрезвычайный — к действию непосредственно в порядке верховного управления.

Без такого надправного действия верховной власти Л.А. Тихомиров отрицал существование самой неограниченной и автократической власти. Под действием по царской прерогативе Л.А. Тихомиров имел в виду особое действие по естественному царскому праву, которое не противоречит обычному юридическому праву, но которое находится вне конкретных его форм (статей) и требуется исключительными государственными обстоятельствами.

Юридический закон всегда устанавливает средние нормы законности, но этого часто не достаточно для торжества высшей правды, которому служит монархический принцип. Поэтому монарх как личность, на гарантии его царской совести, должен иметь право действия, не согласующееся с реально существующими в наличии законами, если те не могут поддержать правду на должной высоте.

²² Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. IV. С. 154, 155, 156.

“Царская прерогатива решения по совести поддерживает сознание того, что правда выше закона, что закон только и свят — как отблеск правды. Царская прерогатива действия по совести совершенно неустраима в монархии. Там, где она исчезла — монарха, как верховной власти уже нет”²³.

В чрезвычайные ситуации, в моменты опасности для существования государства, верховная власть должна иметь возможность восполнять несовершенство юридических законов и устройства государственных институтов. Верховная власть обязана своим царским естественным правом действовать, не сообразуясь с тем или иным законом, — особенно в ситуации, требующей чрезвычайных мер, законом не установленных. Но это право должно быть только у верховной власти государства, которая единственно может создавать закон и его отменять.

Л.А. Тихомирова можно назвать первым русским политическим мыслителем, который внес сильную академическую струю в изучение государства правыми консерваторами в России. В свою очередь эта линия “этического монархизма” была поддержана крупными юристами: профессором В.Д. Катковым²⁴, профессором П.Е. Казанским²⁵ и Н.А. Захаровым²⁶, а в реалиях эмиграции была публицистически озвучена И.Л. Солоневичем²⁷.

Система “этического монархизма” явилась во многом и как консервативный проект выхода из кризиса правосознания и кризиса юридической науки в целом характерного для конца XIX — начала XX столетия, о котором говорила школа профессора П.И. Новгородцева, а также такие ученые, как Л.И. Петражицкий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Тихомиров Л.А. Почему я перестал быть революционером? Париж, 1888.

Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905.

Тихомиров Л.А. Наша наука и государственный строй // Московские ведомости. 1912. 10 марта. № 58.

²³ *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М., 1905. Ч. III. С. 159.

²⁴ Катков Василий Данилович (1867–1919) — русский юрист, политический публицист. С 1909 — доцент, а с 1911 — профессор Императорского Новороссийского университета.

²⁵ Казанский Петр Евгеньевич (1866–1947) — русский юрист и политический публицист. В 1896–1917 — профессор Императорского Новороссийского университета, с 1908 — декан юридического факультета того же университета.

²⁶ Захаров Николай Алексеевич (1883–после 1928) — русский юрист и политический публицист. Преподаватель Практической Восточной академии.

²⁷ Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953) — русский политический публицист.

Тихомиров Л.А. О Верховной Власти // Московские ведомости. 1912. 19 июня. № 141.

Тихомиров Л.А. О Вере и Церкви в государстве // Московские ведомости. 1912. 12 июля. № 161.

Тихомиров Л.А. Власть Всероссийского Императора // Московские ведомости. 1913. 28 августа. № 198.

Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1992.

Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997.

Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1894. Ч. III.

REFERENCES

Chicherin B.N. Kurs gosudarstvennoj nauki [Course of state science]. M., 1894. Ch. III (in Russian).

Tihomirov L.A. Pochemu ya perestal byt' revolyucionerom? [Why did I stop being a revolutionary?]. Parizh, 1888 (in Russian).

Tihomirov L.A. Monarhicheskaya gosudarstvennost' [Monarchical statehood]. M., 1905 (in Russian).

Tihomirov L.A. Nasha nauka i gosudarstvennyj stroj [Our science and the state system] // Moskovskie vedomosti. 1912. 10 marta. N 58 (in Russian).

Tihomirov L.A. O Verhovnoj Vlasti [About the Supreme Power] // Moskovskie vedomosti. 1912. 19 iyunya. N 141 (in Russian).

Tihomirov L.A. O Vere i Cerkvi v gosudarstve [About Faith and the Church in the state] // Moskovskie vedomosti. 1912. 12 iyulya. N 161 (in Russian).

Tihomirov L.A. Vlast' Vserossijskogo Imperatora [The Power of the All-Russian Emperor] // Moskovskie vedomosti. 1913. 28 avgusta. N 198 (in Russian).

Tihomirov L.A. Monarhicheskaya gosudarstvennost' [Monarchical statehood]. M., 1992 (in Russian).

Tihomirov L.A. Religiozno-filosofskie osnovy istorii [Religious and philosophical foundations of history]. M., 1997 (in Russian).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-1-21-43

ОСМЫСЛЕНИЕ СУЩНОСТИ “БОЛЬШОЙ ИГРЫ”
КЛАССИКАМИ РУССКОЙ ШКОЛЫ ГЕОПОЛИТИКИ*

С.О. Елишев, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

Настоящая статья посвящена осмыслению сущности “Большой Игры” (The Great Game) — политики сдерживания развития России англосаксонскими элитами и державами, насчитывающей уже более двух столетий, классиками русской школы геополитики. Автор статьи рассматривает геополитические концепции основоположников цивилизационного подхода и цивилизационной геополитики — Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, представителей панславизма (Р.А. Фадеева, И.И. Дусинского), военно-стратегического направления (Д.А. Милютин, А.Е. Вандама, А.Е. Снесарева), евразийства (П.Н. Савицкого), Ю.С. Карцова, В.П. Семёнова-Тян-Шанского, П.Н. Дурново.

Автор подчеркивает, что развитие русской геополитической мысли происходило в условиях отсутствия политического заказа со стороны государства, а также политических и экономических элит на выработку геополитической стратегии развития России и осуществления ее внешней политики. К сожалению, констатирует автор, многие идеи классиков русской школы геополитики (в частности по осмыслению ими сущности, содержания и динамики “Большой Игры”) оказались невостребованными правящими кругами и правительствами, среди которых было много лиц, англофильской ориентации, продвигающих идеи союзнических отношений с Англией в ущерб национальным интересам России.

В то же время, отмечает автор статьи, осмысление сути и особенностей развития событий “Большой Игры” представителями русской школы геополитики в значительной степени осуществлялось фрагментарно, часто в аспекте анализа многовекового цивилизационного противостояния России и романо-германского культурно-исторического типа (западноевропейской великой культуры, цивилизации), а не чисто континенталистских концепций.

К авторам, осмысляющим в своих произведениях сущность и знаковые события “Большой Игры”, относятся: представители панславизма — Н.Я. Данилевский, И.И. Дусинский, Р.А. Фадеев; представители военно-стратегиче-

* Окончание. Начало и продолжение см. в № 2, 3 за 2024 г.

** **Елишев Сергей Олегович**, e-mail: elishev@list.ru

ского направления — А.Е. Снесарев и А.Е. Вандам; Ю.С. Карцов и П.Н. Дурново. Остальные классики русской школы геополитики обращались к данной проблематике выборочно, в рамках других интересующих их тем.

Ключевые слова: “Большая Игра”, Русский мир, Англосаксонский мир, панславизм, цивилизационный подход, евразийство, военно-стратегическое направление.

UNDERSTANDING THE ESSENCE OF THE “GREAT GAME” BY CLASSICS OF THE RUSSIAN SCHOOL OF GEOPOLITICS (Ending)

Elishev Sergey O., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

This article is devoted to understanding the essence of The Great Game — the policy of containing the development of Russia by Anglo-Saxon elites and powers, dating back more than two centuries, by the classics of the Russian school of geopolitics. The author of the article considers the geopolitical concepts of the founders of the civilizational approach and civilizational geopolitics — N.Ya. Danilevsky, K.N. Leontyev, representatives of pan-Slavism (R.A. Fadeev, I.I. Dusinsky), military-strategic direction (D.A. Milyutina, A.E. Vandama, A.E. Snesareva), Eurasia (P.E. N. Savitsky), Y.S. Kartsova, V.P. Semenova-Tyan-Shansky, P.N. Durnovo.

The author emphasizes that the development of Russian geopolitical thought took place in the absence of a political order from the state, as well as political and economic elites to develop a geopolitical strategy for the development of Russia and the implementation of its foreign policy. Unfortunately, the author states, many ideas of the classics of the Russian school of geopolitics (in particular, in their understanding of the essence, content and dynamics of the Great Game) turned out to be unclaimed by the ruling circles and governments, among which there were many people, Anglophile orientation, promoting the ideas of allied relations with England, to the detriment of the national interests of Russia.

At the same time, the author of the article notes, the understanding of the essence and features of the development of the events of the “Great Game” by representatives of the Russian school of geopolitics was largely carried out fragmentally, often in the aspect of analyzing the centuries-old civilizational confrontation between Russia and the Romano-German cultural and historical type (Western European great culture, civilization), and not purely continentalist concepts.

Authors who comprehend the essence and significant events of the “Great Game” in their works include: representatives of Pan-Slavism — N.Ya. Danilevsky, I.I. Dusinsky, R.A. Fadeeva; representatives of the military-strategic direction — A.E. Snesarev and A.E. Vandam; Y.S. Kartsov and P.N. Durnovo. The rest of the classics of the Russian school of geopolitics addressed this issue selectively, within the framework of other topics of interest to them.

Key words: “Great Game”, Russian World, Anglo-Saxon World, pan-Slavism, civilizational approach, Eurasianism, military-strategic direction.

Среди геополитических мыслителей-одиночек, высказавших и сформулировавших еще до оформления евразийства, весьма оригинальные взгляды и концепции по поводу сущности, эпизодов, динамики развития “Большой Игры”, прежде всего, следует выделить фигуры Ю.С. Карцова и В.П. Семёнова-Тян-Шанского.

Русский дипломат и публицист консервативных взглядов **Юрий Сергеевич Карцов**, к сожалению, незаслуженно забытый в России, в ряде своих работ (“О причинах нашей войны с Японией. Кто виноват?” (1906 г.), “Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886. Воспоминания политические и личные” (1906 г.), “Революция сверху” (1907 г.), “За кулисами дипломатии” (1908 г.), “В чем заключаются внешние задачи России (Теория внешней политики вообще и в применении к России)” (1908 г.)) критически осмыслил внешнюю политику России, а также англо-русские отношения, как не соответствующие национальным интересам России.

В своей работе “В чем заключаются внешние задачи России (Теория внешней политики вообще и в применении к России)” он писал, что внешняя политика, т.е. ведение международных отношений “есть искусство преимущественно практическое”¹, исходной точкой которой является общенародная польза. Однако в истории человечества, сплошь и рядом встречаются “многочисленные примеры, когда соображения государственной пользы заведомо приносились в жертву либо личным влечениям народоправителей, либо материальным интересам правящих сфер. По дружбе к прусскому королю Фридриху II Император Петр III возвратил ему Восточную Пруссию, которая была завоевана и занята русскими войсками. Союз с французским императором Наполеоном I был для России чрезвычайно выгоден: на севере Россия приобрела Финляндию, на юге ее стремлению к Ближнему Востоку открывался широкий простор. Но был выдвинут аргумент, будто континентальная система препятствовала сбыту произведений сельского хозяйства. В действительности (что в тогдашнюю эпоху было гораздо важнее) она способствовала вздорожанию предметов роскоши, без которых придворная знать обойтись не желала. Под давлением среды Император Александр I вынужден был, вопреки интересам России, порвать с Наполеоном и французскому союзу предпочесть союз с Англией”².

Таким образом, самые разнообразные субъективные элементы и факторы, находящие свое проявление в области осуществле-

¹ Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России // Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи. М., 2014. С. 10.

² Там же. С. 10.

ния внешней политики, позволяют утверждать, что “если в основе внешней политики и лежит стремление государственной пользы, то сущность этой пользы и способы ее достижения всякий понимает по-своему”³.

При обращении к теоретическим основам осуществления внешней политики, Ю.С. Карцов утверждал, что внешняя политика по своей сути представляет собой, как в целом, так и в отдельных проявлениях и политических актах, особый и последовательный силлогизм, состоящий из трех элементов-частей: 1) постановки цели; 2) выбора средств для ее достижения; 3) выполнение, т.е. практическая реализация задуманного⁴.

При постановке целей внешней политики государства, подразумевающей выявление его насущных, жизненных интересов (на достижение которых будут “направлены духовные и материальные силы народа”⁵), должны учитываться как интересы государственной безопасности и могущества, так и экономические интересы государства и народнохозяйственной деятельности⁶.

Интересы того или иного государства зависят от его географического, пространственного, экономического положения. “В зависимости от условий страны, физических и экономических, различествуют и внешние ее интересы. Великие державы оспаривают друг у друга мировое господство. Государства маленькие, вроде Швейцарской республики, ограничиваются стремлениями местного благополучия”⁷.

Цели внешней политика государства подразделяются: индивидуальные, когда они являются “плодом воли и мышления главы государства”⁸ и коллективные, когда они произрастают из народной массы и охватывают различные общественные слои. “Попытка Наполеона I отнять у Англии господство на море, не понятая современниками, осталась личным его делом. Напротив, единство Германии, эта заветная мечта немецких патриотов, подготавливалась издавна пропагандой политической и литературной”⁹.

При переходе к осмыслению интересов и целей внешней политики России Ю.С. Карцов отмечал, что само географическое,

³ Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России. С. 11.

⁴ См.: Там же.

⁵ Там же. С. 13.

⁶ См.: Там же. С. 11–13.

⁷ Там же. С. 13.

⁸ Там же. С. 14.

⁹ Там же.

пространственное положение России и ее природные условия предопределили ее последующую роль и миссию — стать “Великой Империей”¹⁰.

“Возникновение государства Российского, — подчеркивал Ю.С. Карцов, — явилось не извне, а образовалось оно в центре и путем самобытным. Не от окраины к центру совершалось его развитие, а наоборот, от центра к периферии. По мере отдаления окраины центру становилось легче и безопаснее. Отсюда стремление государства свои границы раздвинуть как можно шире, пока, наконец, достигнув моря, они не совпали с морским побережьем”¹¹.

По ходу истории развития государства российского корректировались и цели его исторического развития: от объединения земель и обретения выходов к морю (с чем, как считал Ю.С. Карцов, “Россия московского периода и первой половины петербургского”¹² успешно справилась) — к защите и закреплению своих государственных границ и поднятию общей культуры своих территорий¹³ (с достижением которых уже современная Россия явно испытывает трудности). “Ряд неудачных войн — крымская, турецкая, японская — суть тревожные признаки слабости государственного организма. Держава, главенствующая на море, — Англия нашим попыткам создания флота и экономической самобытности препятствует всеми от нее зависящими способами”¹⁴.

При этом первоначально, могущественные морские державы (Англия и Голландия), заинтересованные в установлении с Россией непосредственных торговых отношений, не только не препятствовали, но и всяческим образом содействовали в обретение Россией выходов к морю. Однако с конца XVIII столетия, “опасаясь усиления и соперничества России на море, Англия перестает быть другом России и становится ее врагом. В борьбе с Наполеоном I Англия воспользовалась Россией, но вслед за тем нанесла ей ряд поражений. В 1854–1855 гг. она, вместе с Францией, снарядила экспедицию и овладела Севастополем. В 1878 году она русскому войску преградила путь в Константинополь и принудила Россию подписать крайне для нас обидный Берлинский трактат. В 1904 году Англия, заключив с японцами союз, помогла им отнять у России Квантун и Маньчжурию”¹⁵.

¹⁰ См.: Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России. С. 14.

¹¹ Там же.

¹² См.: Там же. С. 20.

¹³ См.: Там же. С. 14.

¹⁴ Там же. С. 21.

¹⁵ Там же. С. 15.

Иными словами, Англия как самая могущественная колониальная морская держава давно уже стала историческим врагом России, последовательно проводящим стратегию и политику сдерживания России в самых разных регионах, областях и сферах деятельности¹⁶.

Последующий анализ англо-русского соперничества Ю.С. Карцов осуществляет в контексте осмысления особенностей противостояния морских и континентальных держав, с учетом природно-географических, экономических, политических преимуществ и выгод, а также уязвимых позиций, той или иной стороны.

В противостоянии с Россией Англия имеет ряд преимуществ, к которым, прежде всего, относятся ее могущественный флот, ресурсные возможности ее колоний, а также крупные денежные средства, на которые англичане (не имеющие сильной и многочисленной сухопутной армии и в силу этого воевать на суше предпочитающие чужими руками) в разные исторические периоды нанимали в качестве пушечного мяса народы, “на нее опирающиеся и экономически от нее зависящие. Наемниками у Англии поочередно были швейцарцы, гессенцы, русские, турки, японцы и др.”¹⁷

Протяженность сухопутных границ России, растянутость ее коммуникаций, закономерно приводит к тому, что “выгодами кратчайшего расстояния и быстрейшего передвижения войск”¹⁸, в случае начала военных действий, будут обладать различные противники России, например, англичане, немцы или японцы.

В частности, Англия, рассуждал Ю.С. Карцов, “хотя и не в состоянии одновременно высадить более шестидесяти тысяч войска, но где и когда произойдет эта высадка — знает лишь она. Между тем сухопутная держава должна быть наготове и ждать удара на всем протяжении своего побережья. Нападение с моря — Дамоклов меч, над сухопутной державой висящий, даже тогда, когда, быть может, морская держава нападать и не думает. Готовясь к отпору, сухопутная держава головные части армии предусмотрительно выдвигает и усиливает. Вследствие этого войска в мирное время уже не сосредоточиваются в центре, а растягиваются по всей длине морского берега, дробясь на небольшие отряды, при значительных интервалах”¹⁹.

Недавнее возникновение на границах с Россией двух первоклассных военных держав (Германии и Японии), существенно ухуд-

¹⁶ См.: Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России. С. 16.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Там же. С. 21.

¹⁹ Там же. С. 16.

шило для России ситуацию, связанную с успешной обороной и охраной своих рубежей. Как отмечал Ю.С. Карцов еще в 1908 г., “хотя по численности своей, по крайней мере на бумаге, германская армия и уступает русской, но вооружение ее бесспорно лучше и мобилизация гораздо быстрее. Против наших пяти железнодорожных линий Германия располагает семнадцатью. Не будет ничего удивительного, если в первой же месяц войны, нигде не встретив сопротивления, германская армия овладеет Белостоком и таким образом отрежет варшавский военный округ от остальной России”²⁰. После победы в русско-японской войне и уничтожения русского флота, Япония на дальневосточном театре возможных военных действий получила безусловное преобладание на море. Ее коммуникационная “линия в пять-шесть раз короче, нежели русская. Ничем не рискуя, может Япония бросить на нас всю свою силу, тогда как для России устремить войска к одному пограничному пункту значит прочие пункты оголить и оставить незащищенными”²¹.

Большие проблемы у России имеются и в сфере экономического развития. Отсутствие развитых коммуникаций, а также суровые природные условия однозначно сказываются на развитии хозяйственной деятельности в России, в разы удорожая производство многих товаров и продукции, по сравнению с другими европейскими державами — конкурентами России.

Более лучшие природные условия, концентрация и “преимущества ранее накопленного капитала”²² у конкурентов России, кредитные и долговые обязательства, зависимость от иностранного капитала, имеющиеся у России, закономерно приводят к тому, что мировая экономическая “конъюнктура складывается против России”²³. В частности, “зависимость от финансового мира не позволяет нам развить у себя кредит внутренний, а через это земледеление остается без оборотных средств. Плохое состояние сельского хозяйства приводит к тому, что в многоземельной России земли не хватает и обнаруживается земельный голод. Собираение податей, но не на нужды государства, а на уплату процентов по внешним обязательствам, колеблет авторитет правительственной власти, ибо по отношению к населению правительство становится как бы судебным приставом международного капитала”²⁴.

²⁰ Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России. С. 15.

²¹ Там же.

²² См.: Там же. С. 21.

²³ См.: Там же.

²⁴ Там же.

С учетом этих условий и обстоятельств, Ю.С. Карцов подвергает жесточайшей критике весь курс внешней политики России последний десятилетий. Те вызовы, с которыми Россия в XIX, начале XX в., если она хочет оставаться великой державой, требуют концентрацию военного могущества, различного рода ресурсов и активного развития внутреннего кредита и торговли, национальной экономики, ее выхода из зависимости от иностранного капитала, т.е. активной и бескомпромиссной борьбы за свое будущее и национальное благополучие²⁵.

Однако, необходимость ведения этой борьбы, российское правительство и окопавшиеся в нем бюрократы, не только не признают, но и после неудачи в Крымской войне, “всецело стоят на почве компромисса. Война за освобождение славян, а за ней Японская еще более утвердили правительство в убеждении правильности системы согласования интересов России с интересами более культурного Запада”²⁶. “Перед напором международного капитала шаг за шагом оно отступает и передает неприятелю позицию за позицией. Берлинский трактат, Гагская конференция, золотая валюта, политика Дальнего Востока — таковы этапы этого отступления”²⁷.

Чрезмерная бюрократизация жизни российского общества и государства, засилье в Министерстве иностранных дел иностранцев и инородцев (которые часто не руководствуются русскими национальными интересами, а руководствуются своими собственными интересами, интересами иностранных держав и международного капитала), по мнению Ю.С. Карцова, делают невозможными не только удержание имеющихся позиций, но и в будущем достижение успеха в противостоянии с Англией.

Бюрократия, которая активно продвигает политику компромисса, живет одним днем, видит в исполнителях “не людей, а чиновников”²⁸, не хочет мыслить стратегически и думать о будущем, занимая весьма пассивную позицию, не любит проявлять инициативу и опасается тех, кто это может сделать и является духовно сильными и богатыми по сравнению с ней. Она легко сдает позиции и фактически играет на стороне англичан, не понимая, что для англичан существование сильной, экономически независимой российской государственности — есть прямой вызов их претензиям на мировую геополитическую гегемонию. Эта борьба не на жизнь,

²⁵ См.: Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России. С. 18.

²⁶ Там же. С. 26.

²⁷ Там же. С. 21.

²⁸ См.: Там же. С. 19.

а на смерть, в которой союзнических отношений между ними быть не может, могут быть только временные перемирия²⁹. Из-за бюрократии Россия никогда не сможет достичь стратегических целей, стоящих перед ней.

Между тем, сам ход и логика развития геополитических процессов, на взгляд Ю.С. Карцова, диктуют необходимость для России активного развития внешнеполитических отношений и возможного заключения союза с другой могущественной континентальной державой — Германией, которая стала конкурентом Англии в борьбе за контроль над морскими пространствами, препятствуя планам англичан обрести мировую геополитическую гегемонию.

Для Германии Англия, по его мнению, представляет собой такой же смертельного врага, как и для России. Германия заинтересована в дружеских отношениях с Россией, так как “опасной для Германии Россия может быть лишь в союзе с Англией”³⁰. Германия к тому же не заинтересована в революции в России (так как это может обернуться и революцией в самой Германии), а также в “чрезмерном ослаблении и разорении России, ибо тогда, по необходимости, Россия превратится в поставщицу пушечного мяса для Англии”³¹.

Заключение русско-германского союза с последующим созданием конфедерации континентальных государств, закономерно приведет к исчезновению английской монополии на контроль над морскими пространствами, а также к ликвидации актуальной для России военной угрозы нападения с моря, “уничтожению английской морской гегемонии и провозглашению принципов международного равновесия и равноправия всех держав на море”³², а значит и к более благоприятной для России мировой экономической конъюнктуре.

Среди геополитических мыслителей-одиночек, не принадлежавших к панславизму, военно-стратегическому направлению и евразийству, но внесших значимый вклад в развитие русской школы геополитики, отдельно следует выделить знаменитого географа **Вениамина Петровича Семёнова-Тян-Шанского**. В своей работе “О могущественном территориальном владении применительно к России: очерк по политической географии” (1915 г.) он сформулировал и предложил альтернативную принципу фундаментального геополитического дуализма концепцию “территориального могуще-

²⁹ См.: Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России. С. 23.

³⁰ См.: Там же.

³¹ Там же.

³² См.: Там же. С. 25.

ственного владения”, органично сочетающего в себе влияние морских и сухопутных факторов.

На взгляд В.П. Семёнова-Тян-Шанского, геополитическая структура мира складывается вокруг трех великих океанических бухт, трех средиземных морей, — Средиземного моря вместе с Черным морем, Китайского (Южного и Восточного) в совокупности с Японским и Желтым морями, Карибского моря с Мексиканским заливом.

Именно у этих океанических бухт, по мнению В.П. Семёнова-Тян-Шанского, “у трех средиземных морей и двух полуостровов между ними — Индостанского и Малоазийско-Аравийского выросли наиболее сильные и оригинальные человеческие цивилизации и государственности — арийцев-семитов, монголов-малайцев и наконец рано, роковым образом погибшая цивилизация и государственность ацтеков-инков, в то время как остальные слабые племена и расы рода человеческого большей частью застыли в неолитическом веке”³³.

При осуществлении анализа развития на этих пространствах человеческих цивилизаций и государств Семёнов-Тян-Шанский делает вывод о том, что “в северных, наиболее умеренных по климату частях морей: в Европе у северных средиземных полуостровов — Балканского, Апеннинского и Пиренейского, в Азии у берегов Китая и Японии”³⁴ сложились самые оптимальные, могущественные и совершенные политические системы, а «распорядителем и носителем просвещения для прилегающих материков становился тот народ, который завладевал одним из этих средиземных морей, соединял на более или менее продолжительное время воедино всю цепь их благодатных побережий, в то же время удерживая более или менее в сфере своего влияния окрестные пустыни, вследствие чего, при ограниченности географических представлений в давно минувшие века, и считался “господином мира”»³⁵.

Такое же “мировое географическое значение этих трех морей и их побережий”³⁶ сохранилось и в XX в. Однако, статус “господина мира” вырос в разы.

В реалиях XX в., подчеркивал В.П. Семёнов-Тян-Шанский, «“господином мира” все-таки будет тот, кто сможет владеть одновременно всеми этими тремя морями, или тремя “господами мира” будут

³³ Семёнов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России: очерк по политической географии // Рождение нации. М., 1996. С. 598.

³⁴ Там же. С. 599.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

те три нации, из которых каждая в отдельности завладеет одним из этих морей»³⁷.

При анализе мировых геополитических процессов В.П. Семёнов-Тян-Шанский выделил три типа систем территориального могущественного владения:

- 1) **кольцеобразную систему**, исторически сложившуюся на Средиземном море, когда представители той или иной нации (греки, финикийцы, римляне, венецианцы, генуэзцы, шведы — на Балтийском море) брали под контроль морские побережья внутреннего моря, постепенно расширяя свой контроль над пространством вглубь материка;
- 2) **клочкообразную систему**, складывающуюся при создании системы колониальных владений в различных частях света, взаимодействие между которыми поддерживается при помощи военного и торговых флотов (на примере Испании, Голландии, Франции, Великобритании);
- 3) **чрезматериковую систему “от моря до моря”**, противоположную клочкообразной системе, прочную массивную систему, охватывающую “внутри материка обширную территорию, одним концом упирающуюся в одно из омывающих его морей, а другим — в другое”³⁸. Историческими примерами подобного рода систем являются Древняя Персия, Россия, США.

В.П. Семёнов-Тян-Шанский в своей работе не анализировал сущность и особенности “Большой Игры”, но описывал присущие англосаксонским державам и России различные формы территориального могущественного владения, а также характерные для черты, проблемы и особенности функционирования. Например, для Англии, победившей в своем противостоянии за контроль над морскими пространствами Голландию и Францию, в целом, характерна клочкообразная система территориального могущественного владения, хотя в условиях распространения трансконтинентального железнодорожного сообщения, англичане вынуждены были пытаться «местами скомбинировать эту систему с системой “от моря до моря”, и, как, например, в Африке, пытаться связать непрерывной полосой свои владения между Капом и Египтом и по ним провести сплошной трансконтинентальный путь. Не прочь были бы они связать таким же образом и Индокитай, Индостан в Сре-

³⁷ Семёнов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России... С. 598–599.

³⁸ Семёнов-Тян-Шанский В.П. Район и страна // Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев. СПб., 2007. С. 209.

земье, устроив южный трансконтинентальный путь между Африкой и Азией через Сирию и Палестину, но до последнего времени тому еще препятствовала соперница Англии Германия»³⁹.

Однако, «для успешной защиты от сильного континентального соседа»⁴⁰ подконтрольных ей территорий, Англия, как отмечал В.П. Семёнов-Тян-Шанский, была вынуждена прибегнуть к созданию «добавочной вспомогательной системы»⁴¹ защитных буферных государств-своих сателлитов.

Также В.П. Семёнов-Тян-Шанский отмечал неравномерность развития, заселения и освоения различных регионов России, в частности Дальнего Востока и Сибири, что является одной из характерных особенностей функционирования чрезматериковой системы «от моря до моря». Выходом из данного тупика, на его взгляд, являлась полномасштабная стратегия освоения, заселения и развития этих регионов, от успеха которой зависит и их будущее сохранение за Россией.

«Главным недостатком системы «от моря до моря» является следующий. При громадной протяженности такой системы в широтном направлении, всегда с того конца, откуда началась колонизация, находится гораздо более густо населенная и экономически более развитая территория, чем на противоположном конце.

Единственным серьезным средством для успешной борьбы в условиях растянутой государственной территории является неотложное доведение географического центра такой территории по возможности до одинаковой или близкой степени густоты населения и экономического развития с западным коренным концом государства, до возможного выравнивания их. Тогда крайняя восточная часть приблизится сама собой на несколько тысяч верст к сильной количеством населения и культурной средней части государства и, опираясь на такого своего непосредственного соседа, гораздо успешнее сможет выдержать борьбу с внешним врагом. В таких условиях защита нашего Дальнего Востока, по степени своей успешной выполнимости, может уравниваться с защитой нами, например, Польши или Финляндии, даже с некоторым преимуществом в виде преобладающего процента русского населения над инородческим, несмотря даже на несравненно более плохие пути сообщения, чем на западных окраинах. При отсутствии же этого выравнивания успеш-

³⁹ Семёнов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России... С. 602.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

ная защита дальневосточной окраины является делом настолько трудным, что вполне понятна психология местных русских обитателей, нередко считавших себя там “временными жильцами”»⁴².

После революции 1917 г. и завершения Гражданской войны в России в 1920–1930-е гг. в рядах русской эмиграции сложилось “евразийство” — влиятельное течение русской философско-исторической и геополитической мысли. К видным теоретикам данного направления принадлежали *Н.С. Трубецкой, П.П. Сувчинский, Л.А. Карсавин, Н.Н. Алексеев, Г.В. Вернадский, Г.В. Флоровский* и многие другие мыслители. Но наиболее полную разработку-систематизацию геополитических воззрений евразийцев осуществил *Пётр Николаевич Савицкий*.

При осмыслении исторических и геополитических событий, произошедших с Россией в XX в., взяв на вооружение тезис Дж.Х. Маккиндера о “географической оси истории” и “срединной земле” (Хартланде), евразийцы в рамках цивилизационного подхода предложили оригинальную трактовку исторического и геополитического пути развития России, много что, позаимствовав из славянофильства и у других представителей и направлений русской геополитической школы. Как отмечал П.Н. Савицкий, обобщая геополитические воззрения евразийцев:

«Россия имеет гораздо больше оснований, чем Китай, называться “срединным государством” (“Чжун-го”, по-китайски). И чем дальше будет идти время — тем более будут выпячиваться эти основания. Европа для России есть не более чем полуостров Старого материка, лежащий к западу от ее границ. Сама Россия на этом материке занимает основное его пространство, его торс»⁴³.

На взгляд представителей евразийства, Россия-Евразия представляет собой «центр Старого Света. Устраните этот центр — и все остальные его части, вся эта система материковых окраин (Европа, Передняя Азия, Иран, Индия, Индокитай, Китай, Япония) превращается как бы в “рассыпанную храмину”. Этот мир, лежащий к востоку от границ Европы и к северу от “классической” Азии, есть то звено, которое спаивает в единство их все. Это очевидно в современности, это станет еще явственней в будущем. Связывающая и объединяющая роль “срединного мира” сказывалась и в истории»⁴⁴.

⁴² Семёнов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России... С. 602–603.

⁴³ Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства // Савицкий П.Н. Избранное. М., 2010. С. 537.

⁴⁴ Там же. С. 538.

В сопоставлении «с русским “торсом”, — отмечал П.Н. Савицкий, — Европа и Азия одинаково представляют собою окраину Старого Света. Причем Европой, с русско-евразийской точки зрения, является, по сказанному, все, что лежит к западу от русской границы, а Азией — все то, что лежит к югу и юго-востоку от нее. Сама же Россия есть ни Азия, ни Европа — таков основной геополитический тезис евразийцев. И потому нет “Европейской” и “Азиатской” России, а есть части ее, лежащие к западу и к востоку от Урала, как есть части ее, лежащие к западу и к востоку от Енисея, и т.д. Евразийцы продолжают: Россия не есть ни Азия, ни Европа, но представляет собой особый географический мир. Чем же этот мир отличается от Европы и Азии? Западные, южные и юго-восточные окраины старого материка отличаются как значительной изрезанностью своих побережий, так и разнообразием форм рельефа. Этого отнюдь нельзя сказать об основном его “торсе”, составляющем, по сказанному, Россию-Евразию»⁴⁵.

Базовой категорией геополитических воззрений евразийцев является понятие “месторазвитие”, характеризующее самобытный и неповторимый мир, образующийся в сочетании и взаимосвязи вмещающего ландшафта, географического пространства и ареала обитания этносов с их социально-исторической и культурной средой. Понятие “месторазвитие” близко по смыслу к понятию “пространство” (Raum) Ф. Ратцеля.

«Россия-Евразия есть “месторазвитие”, “единое целое”, “географический индивидуум”, одновременно географический, этнический, хозяйственный, исторический и т.п. “ландшафт”»⁴⁶, состоящий из ряда месторазвитий локального порядка.

П.Н. Савицкий отмечал, что понятие “месторазвитие” следует соотносить, «сомкнуть с понятием “культурно-исторического типа” Н.Я. Данилевского»⁴⁷. Но, если Н.Я. Данилевский говорил о существовании “славянского” культурно-исторического типа, к которому принадлежала России, то евразийцы именовали этот культурно-исторический тип по другому — “евразийским” культурно-историческим типом⁴⁸.

Тем самым, евразийцы расширили историю России “до рамок истории Евразии как особого исторического и географического

⁴⁵ Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства. С. 537–540.

⁴⁶ Савицкий П.Н. Географический обзор России-Евразии // Савицкий П.Н. Избранное. С. 268.

⁴⁷ Там же. С. 276.

⁴⁸ Там же. С. 277.

мира, простирающегося от границ Польши до Великой китайской стены. Евразийцы уделили исключительно большое внимание определению географических особенностей этого мира — срединного мира старого материка — в их отличие от географической природы его западных (Европа) и южных (Азия) окраин. Наиболее бросающейся в глаза чертой в характеристике этого мира является флагоподобное, т.е. на манер полос в горизонтально подразделенном флаге, расположение в нем основных почвенно-ботанических и климатологических зон”⁴⁹. Соответственно, “в направлении с юга на север здесь сменяют друг друга пустыня, степь, лес и тундра”⁵⁰.

Категории “лес” и “степь”, почвенно-зональной границей между которыми и проходит знаменитая “ось мировой истории”, являются ключевыми в истории развития геополитических процессов на евразийском континенте.

«Важнейшею осью, около которой вращалась историческая жизнь “русского мира” или, иначе, географической среды, занятой в настоящее время русским народом и государством, на всем протяжении обозримой для нас истории являлась граница между степной и лесной зонами. Невозможно преувеличить значение этого факта. Именно взаимодействием исторических формаций степной зоны, с одной стороны, и лесной, с другой, определяется очень многое в политических, культурных, экономических судьбах России. Как известно, Г.В. Вернадский в своем “Начертании русской истории” (Прага, 1927) всю периодизацию ее построил на этом взаимодействии. В таком порядке в его изложении вырисовывается первый период “попыток объединения леса и степи” (до 972 г.), периоды “борьбы леса и степи” (972–1233), “победы степи над лесом” (1233–1452), “победы леса над степью” (1452–1696) и, наконец, нового “объединения” леса и степи (1696–1917)»⁵¹.

Вся русская история, исходя из данной трактовки представляет собой “систему, основанную на смене различных форм взаимоотношений между теми идеологическими, государственными и хозяйственными образованиями, которые возникли в каждой из этих двух крупнейших евразийских зон. Такая тенденция отнюдь не преуменьшает значения творчества, которое проявлялось населением каждой из них по части использования средств и возможностей

⁴⁹ Савицкий П.Н. Евразийская концепция русской истории // Савицкий П.Н. Избранное. С. 495.

⁵⁰ Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства. С. 540.

⁵¹ Савицкий П.Н. Основы геополитики России // Савицкий П.Н. Избранное. С. 549.

лесного и степного месторазвития. В то же самое время концепция эта открывает путь к установлению небывало тесных связей между историческими и географическими началами, определявшими и определяющими собой прошлое, настоящее и будущее русского народа⁵².

По мнению П.Н. Савицкого, история России берет свое начало не с Домонгольской (Киевской) Руси, а с включением княжеств Древней Руси в состав евразийской протоимперии Чингисхана. “Русское государство XVI–XX веков является в большей мере продолжением скифской, гуннской и монгольской державы, чем государственных форм дотатарской Руси (что, конечно, не исключает передачу других важнейших элементов культурной традиции именно этой последней)”⁵³.

Географические свойства и особенности месторазвития России, большая протяженность ее границ, внешние угрозы и отрезанность от морских и океанических пространств, — неизбежно приводили к установлению авторитарных, централизованных методов управления, формируя у русского народа развитый государственный инстинкт. Эти качества оказались выработаны в результате влияния монголов. Как отмечает П.Н. Савицкий в своей статье “Степь и осёдлость”, «без “татарщины” не было бы России. Нет ничего более шаблонного и в то же время неправильного, чем превозношение культурного развития дотатарской Киевской Руси, якобы уничтоженного и оборванного татарским нашествием. Мы отнюдь не хотим отрицать определенных — и больших — культурных достижений Древней Руси XI и XII вв.; но историческая оценка этих достижений есть оценка превратная, поскольку не отмечен процесс политического и культурного измельчания, совершенно явственно происходивший в дотатарской Руси от первой половины XI к первой половине XIII в.»⁵⁴.

На взгляд П.Н. Савицкого, “та беспомощность, с которой Русь предалась татарам”⁵⁵, безусловно не являлась случайностью. Домонгольская Русь, находившаяся к моменту прихода монголов в состоянии упадка, фактически по шаблону повторяла в своем развитии “историю ослабяннвшихся болгар, сербов, поляков”⁵⁶, когда наблюдалась поочередная смена периодов: «некоторый начальный

⁵² Савицкий П.Н. Основы геополитики России. С. 549.

⁵³ Савицкий П.Н. Евразийская концепция русской истории. С. 497.

⁵⁴ Савицкий П.Н. Степь и осёдлость // Савицкий П.Н. Избранное. С. 170.

⁵⁵ Там же. С. 171.

⁵⁶ Там же.

расцвет, а затем, вместо укрепления расцвета, разложение, упадок, “иго”»⁵⁷.

В этом контексте, по мнению евразийцев, велико было «счастье Руси, что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам, и никому другому. Татары — “нейтральная” культурная среда, принимавшая “всяческих богов” и терпевшая “любые культуры”, пала на Русь как наказание Божие, но не замутила чистоты национального творчества. Если бы Русь досталась туркам, заразившимся “иранским фанатизмом. и экзальтацией”, ее испытание было бы многожды труднее и доля — горше. Если бы ее взял Запад, он вынул бы из нее душу... Татары не изменили духовного существа России; но в отличительном для них в эту эпоху качестве создателей государств, милитарно организующейся силы, они, несомненно, повлияли на Русь»⁵⁸.

Впоследствии факт нахождения русских земель в составе протоперии Чингисхана, а также взаимодействие русских с монголами, оказали значительное влияние на формирование имперского стереотипа поведения и мировосприятия русского народа, способствуя созданию крупнейшего государственного образования на Евразийском пространстве.

Для того, чтобы на евразийских пространствах смогло возникнуть могущественное классическое имперское государство, необходимо было и особое мироощущение и, мировосприятие окружающего пространства. По мнению евразийцев, «нужно было ощущать по-особому степи, горы, оазисы и леса, чутя дерзанье безмерное. Скажем прямо: на пространстве всемирной истории западноевропейскому ощущению моря как равноправное, хотя и полярное, противостоит единственно монгольское ощущение континента; между тем в русских “землепроходцах”, в размахе русских завоеваний и освоенных — тот же дух, то же ощущение континента»⁵⁹.

В то же время, подчеркивал П.Н. Савицкий, ни в коем случае нельзя только «всецело к “монгольству” <...> свести Россию»⁶⁰. Период нахождения части территорий Домонгольской Руси в составе улуса Джучиева, волей неволей способствовал обретению государственной организации России, раскрыв дремавшие до этого навыки и став тем горнилом, “в котором ковалось русское духовное своеобразие”⁶¹, стержнем которого явилось в свою очередь, воз-

⁵⁷ Савицкий П.Н. Степь и оседлость. С. 171.

⁵⁸ Там же. С. 171–172.

⁵⁹ Там же. С. 172.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

никшее в этот период русское благочестие⁶², во всей его «полноте мистического углубления и постигновения и ее лучшего создания, русской религиозной живописи; весь расцвет последней целиком уместается в рамки “татарского ига”!»⁶³.

«В этом разительном противополжении, — как отмечал П.Н. Савицкий, — своею ролью наказания Божия татары очистили и освятили Русь, своим примером привили ей навык могущества, — в этом противополжении явлен двойственный лик России. Россия — наследница Великих Ханов, продолжательница дела Чингиса и Тимура, объединительница Азии; Россия — часть особого “окраинно-приморского” мира, носительница углубленной культурной традиции... В ней сочетаются одновременно историческая “оседлая” и “степная” стихия»⁶⁴.

Евразийцы отвергали панславистские идеи создания всеславянской конфедерации государств, считая, что по своей цивилизационной принадлежности часть славянских народов (например, поляки, хорваты и другие) принадлежит к миру Запада, а потому такое объединение нереально. На их взгляд, в развитии России гораздо более перспективно было бы взаимодействие с рядом туранских народов, связанных с Россией общностью исторической судьбы.

По мнению П.Н. Савицкого, история России-Евразии и населяющих ее народов развивается по определенным ритмам, сочетая в каждом ритме фазы “подъема” (около 17 лет) и “депрессии” (около 10 лет). Фаза подъема характеризуется активной деятельностью сильных и деловитых лидеров и личностей, авторитарной и самодержавной централизацией, расцветом социально-экономической, культурной и политической деятельности, освоением новых пространств. Фаза депрессии — периодом социально-экономических, политических и культурных трансформаций и кризисов, ослаблением централизации государства, расцветом массовых стихийных действий (Смутное время, восстание С. Разина и т.п. явления).

В представлении П.Н. Савицкого, Россия, как держава континентальная и «наиболее “обездоленная” в смысле возможностей океанического обмена»⁶⁵, конечно же не будет удовлетворена «диктуемой этой обездоленностью ролью “задворков мирового хозяйства”»⁶⁶. Ей предстоит осознать и в дальнейшем всегда ориен-

⁶² См.: Савицкий П.Н. Степь и оседлость.

⁶³ См.: Там же.

⁶⁴ Там же. С. 172–173.

⁶⁵ Савицкий П.Н. Континент-океан (Россия и мировой рынок) // Савицкий П.Н. Избранное. С. 154.

⁶⁶ Там же.

тироваться на присущую ей континентальность, именно в которой, а «не в обезьяньем копировании “океанической” политики других»⁶⁷ и будет состоять ее дальнейшее успешное развитие.

При осуществлении оценки результатов Первой мировой войны, революций в России и Германии, Гражданской войны в России, П.Н. Савицкий обращает внимание на исторические особенности развития немецкого народа и государственности, а также возможного развития последующей внешней политики Германии.

В его оценках, “по своей военно-организационной и хозяйственно-организационной мощи германский народ, по крайней мере, не уступает ни одному народу Европы, а скорее превосходит каждого из них, взятого в отдельности”⁶⁸. Данный факт, по его мнению, таит в себе определенную угрозу национальной безопасности России и требует принятия необходимых мер с ее стороны для предотвращения этой угрозы в будущем.

На его взгляд, поскольку Германия слишком поздно, по сравнению с другими великими державами смогла обрести данный статус, она неизбежно «столкнулась с тем фактом, что мир разделен, без ее участия, по кусочкам другими. Ее бывшая колониальная империя представляла не более чем жалкую пародию на ту сферу политико-хозяйственного влияния, которую имеют Англия, США, Япония, которую имела и потенциально имеет Россия. Германскому народу, ставшему “зрелым мужем” современной международной действительности, которому противостояли в Европе “стареющие” нации крайнего Запада и во многом не совсем еще возмужавшая Россия, ему мало тех 540 тысяч квадратных километров европейской земли, которые он занимает»⁶⁹.

Причиной поражения Германии в Первой мировой войне является фактически ее участие в войне на два фронта — одновременно с Англией и Россией. “Ныне Германия побеждена, — писал П.Н. Савицкий, — побеждена потому, что прежнее ее правительство, обладая многими достоинствами, сумело, однако, устроиться так, что Германии пришлось одновременно вести войну и с Британией и с Россией, а в дополнение — и с прочими великими и малыми державами, кому только было не лень написать объявление войны Германии. Выдержать же такую марку, как борьба одновременно

⁶⁷ Савицкий П.Н. Континент-океан (Россия и мировой рынок). С. 156.

⁶⁸ Савицкий П.Н. Очерки международных отношений // Савицкий П.Н. Избранное. С. 79.

⁶⁹ Там же. С. 82.

и с Англией и с Россией, а тем более со всем миром, не по силам ни одной нации мира”⁷⁰.

Однако, это “стремление Германии расшириться одновременно по двум направлениям — и на Запад, и на Восток, укрепиться и на берегах океана и в глубине континента, получить преобладание в Антверпене, в северной Франции и одновременно в Константинополе, Багдаде и в России ликвидировано истекшей мировой войной. На основании наглядного и дорого купленного исторического урока Германия ныне должна пойти только по одному из упомянутых путей расширения”⁷¹.

“Интерес Франции, Голландии, Бельгии, Италии, — констатировал П.Н. Савицкий, — заключается в том, чтобы получить гарантии от подобного расширения на Запад; интерес России — безразлично России Колчака — Деникина или России Ленина — Троцкого — в том, чтобы получить гарантии от подобного расширения на Восток. История решит, кто получит эти гарантии скорее и вернее”⁷².

П.Н. Савицкий прогнозирует, что Германия вскоре попытается взять реванш за свое поражение. Она «рано или поздно снова — и хозяйственно и политически — выйдет за свои старые границы и добудет себе более просторное “место под солнцем” — добудет безразлично как: на путях ли национально-буржуазного империализма или во многом тождественного с ним воинствующего социалистического “интернационализма”»⁷³.

В данной связи П.Н. Савицкий высказал мысль о возможной перспективе заключения российско-германского союза, союза двух побежденных в Первой мировой войне держав, которые тем не менее, совместно могут оказаться победителями в будущем соперничестве с другими великими державами⁷⁴.

В этом случае, на его взгляд, с учетом интересов России возможное расширение Германии неизбежно бы потребовало “сохранения в неприкосновенности океанической мощи Англии. Россия и Англия неизбежно по-прежнему опирались бы друг на друга, так как одоление Германии над одной из этих сторон грозило бы повлечь за собой ее победу и над другой и тем самым установление всевропейской, если не всемирной, гегемонии Германии”⁷⁵. При этом, от-

⁷⁰ Савицкий П.Н. Очерки международных отношений. С. 79.

⁷¹ Там же. С. 89.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. С. 82.

⁷⁴ См.: Там же. С. 90–92.

⁷⁵ Там же. С. 92.

мечал П.Н. Савицкий не менее значимым обстоятельством, чем сохранение в целостности океанической мощи Великобритании, являлось бы получение Россией “достаточных гарантий от континентальных покушений на нее со стороны Германии. Такой континентальной гарантией могло бы послужить укрепление западных и юго-западных славянских государств и союз с ними России. Полное осуществление славянской идеи и связанное с ним положение России в не-немецких областях бывшей Австро-Венгрии и на Балканском полуострове могло бы послужить ценою, за которую Германия бескровно добилась бы преобладания на континенте Европы на запад от линии Познань — Богемские горы — Триест”⁷⁶.

Таким образом, заключал он, «лозунг “континентальных гарантий” и “океанического равновесия” — вот те начала, которые подсказываются будущей России складывающимся международным положением и поведением некоторых руководящих кругов нынешних “Держав-Победительниц”»⁷⁷.

В целом, подводя определенный итог анализу воззрений классиков русской школы геополитики, можно констатировать, что большая часть их теоретических наработок, в отличие от их англосаксонских коллег, как уже было отмечено ранее, не была взята на вооружение представителями политических и экономических элит Российской империи. В условиях отсутствия политического заказа и системной поддержки со стороны российских элит и государства на разработку, идейное и теоретическое обоснование стратегий геополитического развития и внешней политики России, их создание и теоретическая проработка фактически стала частным делом и инициативой классиков русской школы геополитики. Однако, осуществленные ими теоретические наработки, советы и рекомендации оказались в сущности не востребованными российскими элитами и правительством и на практике в жизнь системно не воплощались.

В то же время, к несомненным заслугам классиков русской геополитики следует отнести выработку ими основ цивилизационного подхода и цивилизационной геополитики, а также богатых по своему содержанию трех, самобытных и неповторимых направлений развития русской геополитической мысли (панславизма, военно-стратегического направления и евразийства), как и весьма оригинальных геополитических концепций, разработанных отдельно взятыми классиками русской школы геополитики, не относящимися к упомянутым направлениям.

⁷⁶ Савицкий П.Н. Очерки международных отношений. С. 92–93.

⁷⁷ Там же. С. 93.

Осмысление сущности, особенностей, динамики развития событий “Большой Игры” (англо-русского противостояния) представителями русской школы геополитики в значительной степени осуществлялось фрагментарно, часто в аспекте анализа многовекового цивилизационного противостояния России и романо-германского культурно-исторического типа (западноевропейской великой культуры, цивилизации), а не континенталистских концепций.

Среди авторов, в той или иной мере, осмысляющих в своих произведениях суть и знаковые события “Большой Игры”, прежде всего, следует отметить: представителей панславизма — Н.Я. Данилевского, И.И. Дусинского, в меньшей степени — Р.А. Фадеева; представителей военно-стратегического направления — А.Е. Снесарева и А.Е. Вандама, а также Ю.С. Карцова и П.Н. Дурново. Считая Англию вековым, коварным и бескомпромиссным врагом России, они осмыслили такие эпизоды “Большой Игры”, как “наполеоновские войны”, Кавказская война, Крымская война, русско-турецкие и русско-персидские войны, противостояние с Англией на Кавказе, в Туркестане, на Балканах и Дальнем Востоке, Русско-японскую войну, Первую мировую войну, революционные события в России и Германии. Соответственно ими давались определенные рекомендации по коррекции внешнеполитического курса Российской империи для успешного противостояния интригам англосаксов.

Остальные классики русской школы геополитики обращались к данной проблематике выборочно, в рамках других интересующих их тем. Некоторые из них, признавая враждебный характер западноевропейской и, в частности, английской внешней политики в отношении России, тем не менее в достаточной степени комплиментарно или нейтрально высказывались об Англии и англосаксах, не вдаваясь в детальный анализ перипетий “Большой Игры”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Елишев С.О. О сущности “современных революций” и государственных переворотов. М., 2017.

Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. М., 2018.

Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России // Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи. М., 2014.

Савицкий П.Н. Избранное. М., 2010.

Семёнов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России: очерк по политической географии // Рождение нации. М., 1996.

Семёнов-Тян-Шанский В.П. Район и страна // Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев. СПб., 2007.

REFERENCES

Elishev S.O. O sushchnosti “sovremennyh revolyucij” i gosudarstvennyh pe-
revorotov [On the essence of “modern revolutions” and coups d'état]. M., 2017 (in
Russian).

Elishev S.O. Politika. Bazovye ponyatiya [Politics. Basic concepts]. M., 2018 (in
Russian).

Karcov Yu.S. V chem zaklyuchayutsya vneshnie zadachi Rossii [What are
Russia's external tasks] // Svet i teni Ve-likoj vojny. Pervaya mirovaya v dokumentah
epohi. M., 2014 (in Russian).

Savickij P.N. Izbrannoe [Selected]. M., 2010 (in Russian).

Semyonov-Tyan-Shanskij V.P. O mogushchestvennom territorial'nom vladenii
primeritel'no k Rossii: ocherk po politicheskoy geografii [On powerful territorial
possession in relation to Russia: an essay on political geography] // Rozhdenie natsii.
M., 1996 (in Russian).

Semyonov-Tyan-Shanskij V.P. Rajon i strana [Region and country] // Geopolitika:
Hrestomatiya / Sost. B.A. Isaev. SPb., 2007 (in Russian).

К ВОПРОСУ О РАЗНОНАПРАВЛЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ ФЕНОМЕНА ЛОББИЗМА

П.С. Каневский, канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Данная статья продолжает серию публикаций автора, посвященных природе и функциям феномена лоббизма в современном мире. Автор рассматривает лоббизм как многогранный феномен, который прошел через долгий процесс эволюции. Автор предлагает взглянуть на лоббизм в исторической перспективе, чтобы показать, каким образом его генезис был вписан в логику становления государства и рынка, почему дисфункциональная сторона лоббизма была естественным спутником его развития. В статье автором предложена инновационная периодизация эволюции лоббизма, восполняя таким образом пробел в отечественной политической компаративистике в целом и в изучении лоббизма в частности. Автор, опираясь на логику А. Бентли, показывает, что лоббизм в различном виде был присущ политиям и государствам в разные времена. Однако по мере изменения и усложнения структуры государств, процессов принятия и согласования политических решений менялась и роль лоббизма. При этом автор в своей статье демонстрирует то, почему лоббизм остается во многом теневым феноменом, который требует к себе пристального внимания как с точки зрения его дальнейшей институционализации, так и тех рисков, которые он несет для общества и государства. В выводах статьи автор акцентирует внимание на том, что для превращения лоббизма из неформального и нелегитимного в общественном сознании феномена в цивилизованный процесс взаимодействия между государством и обществом приоритетом является развитие культуры лоббизма. Необходимо развивать систему этических норм как для бизнеса, так и для государства, создать профессиональный стандарт для лоббистов, продолжать совершенствовать антикоррупционное законодательство. Но самое главное состоит в смещении фокуса с лоббизма, построенного на частных интересах, на лоббизм, который отражал бы интересы общественные. Только таким образом удастся очистить лоббизм от флера скандальности и нечистоплотности, превратив его в нормальный элемент политического процесса.

Ключевые слова: лоббизм, лоббистские отношения, коррупция, государство, процесс принятия политических решений.

* Каневский Павел Сергеевич, e-mail: baggio-18@yandex.ru

ON THE ISSUE OF THE MULTIDIRECTIONAL EVOLUTION OF THE LOBBYING PHENOMENON

Kanevsky Pavel S., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Sociology of Political Processes, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: baggio-18@yandex.ru

This article continues series of publications by the author dedicated to the nature and functions of lobbying in the modern world. The author considers lobbying as a multifaceted phenomenon that has gone through a long process of evolution. The author suggests looking at lobbying in a historical perspective to show how its genesis was integrated into the logic of the development of the modern state and the market, simultaneously demonstrating why the dysfunctional side of lobbying was always a natural side-effect. In the article, the author proposes an innovative periodization of the evolution of lobbying, thus filling the gap in Russian political comparative studies in general and in the study of lobbying in particular. The author, relying on the logic of Arthur Bentley, shows that lobbying in various forms was inherent in politics and states at different times. However, as the structure of states changed and became more complex, the role of lobbying changed as well. At the same time, the author demonstrates why lobbying remains a largely shadow phenomenon that requires close attention both from the point of view of its further institutionalization and the risks it poses to society and the state. In the conclusions of the article, the author emphasizes that in order to transform lobbying from an informal and illegitimate phenomenon in the public consciousness into a civilized process of interaction between the state and society, the priority should be given to developing a lobbying culture. It is necessary to develop a system of ethical standards for both business and the state, create a professional standard for lobbyists, and continue to improve anti-corruption legislation. But the most important thing is to shift the focus from lobbying based on private interests to lobbying that would reflect public interests. Only in such way will it be possible to cleanse lobbying of the aura of constant scandals and dishonesty, instead turning it into a normal element of the political process.

Key words: lobbying, lobbying relations, corruption, state, political decision-making process.

Сегодня дискуссия о сущности и роли лоббизма в социально-политических процессах ведется во всем мире. Россия, которая за последние 30 лет прошла три большие волны обсуждения данного вопроса и в которой рассматривалось несколько законопроектов о регулировании лоббистской деятельности, не является исключением. Хотя лоббизм в нашей стране (как и в большинстве стран мира) по-прежнему остается теневым феноменом, взаимодействие между группами интересов и государством ведется на всех уровнях власти. При этом само понятие “лоббизм” зачастую приобретает негативный оттенок, так как слишком часто ассоциируется в массовом сознании с коррупцией и подкупом официальных лиц. Не отрицая

наличие дисфункций в развитии лоббизма, представляется важным сместить фокус внимания исключительно с коррупционной составляющей и показать, что лоббизм является естественным спутником любой политической системы независимо от типа ее государственного устройства, законов или политической культуры.

Порой негативную реакцию понятие “лоббизм” вызывает ввиду его зарубежного происхождения и дурной репутации, сопровождавшей генезис данного феномена на различных этапах истории. Неудивительно, что лоббизму в последние десятилетия было подобрано большое число более нейтральных близких по смыслу понятий: связи с органами государственной власти (*government relations* или *government affairs*), защита интересов (*advocacy*), стратегические коммуникации, государственные коммуникации (*government communications*), многостороннее управление (*multistakeholder governance*) и проч. Данные термины также имеют западное происхождение и подчеркивают разные аспекты взаимодействия групп интересов друг с другом и с органами государственной власти, однако изменение в названии не меняет сути. Речь в любом случае идет о влиянии групп интересов на процесс принятия политических решений. От того, что основанная в 1979 г. Американская лига лоббистов в 2013 г. переименовала себя в Ассоциацию профессионалов по связям с государством, ничуть не изменило состав и цели организации, равно как и суть лоббистской деятельности в США; более того, понятие “лоббизм” сохранилось во всех уставных документах данной ассоциации.

В реальности, речь идет не столько о том, как называть или переименовывать лоббизм, сколько о том, какую роль данный феномен играет в политическом процессе и как сделать так, чтобы эта роль была конструктивной, а не деструктивной, чтобы лоббизм функционировал в интересах общественных, а не партикулярных интересов, чтобы он был вписан в логику функционирования органов государственной власти и имел бы четкие механизмы внутреннего и внешнего контроля. Данные вопросы обусловили основную задачу данной статьи — показать, почему лоббизм является неотъемлемым элементом развития государств, какие факторы способствовали его развитию, но почему при этом он остается во многом теневым феноменом, который требует к себе пристального внимания как с точки зрения его дальнейшей институционализации, так и тех рисков, которые он несет для общества и государства.

Несмотря на то, что слово “лоббизм” приобрело современный политический смысл лишь к XIX в. — это не новое явление. Ведь во

все времена существовали организованные группы, воздействующие на власть. В разные эпохи возникали группы интересов, состоявшие из купцов, землевладельцев, промышленников, представителей ремесленных и профессиональных объединений, церкви, групп граждан, обращающихся к власти ради решения проблем, либо достижения своих интересов. Однако в политических системах прошлого подобное влияние не было упорядоченным, не опиралось на четкие нормы и правила, такие группы формировались и распадались хаотично. Так было до начала процесса формирования организованных форм влияния в условиях развивавшихся конституционных режимов, которые позволили гражданам напрямую обращаться к органам власти с определенными требованиями. Впрочем, даже постепенная институционализация лоббизма не решила до конца проблемы его неформальной природы, так как ни в одном обществе он не превратился в полностью формализованный институт.

Актуальность изучения лоббизма в современном обществе связана с тем, что никогда прежде лоббистские отношения не определяли политический ландшафт до такой степени и не получали столь глобального распространения. Несмотря на то, что эволюция группового влияния происходит разнонаправленно в разных странах, тенденция к его усилению является универсальной. Вне зависимости от институциональной структуры, политических традиций, социальных особенностей, лоббизм все более прочно укореняется в политической практике. Развитие лоббизма находится в прямой взаимосвязи со многими объективными причинами, включая развитие рыночных отношений, увеличение роли государства в распределении ресурсов и регулировании экономических отношений.

Более того, в рамках усиления политических, экономических, культурных взаимодействий между странами, лоббизм приобретает черты международного явления. При этом лоббизм и его роль в обществе изменяются вместе с трансформациями социально-политических, социально-экономических, культурных связей, что приводит к появлению новых форм и разновидностей лоббизма. Иными словами, лоббизм все еще находится в стадии активного генезиса, приобретая как специфические национальные, так и транснациональные качественные характеристики, а технический прогресс, новые средства коммуникации открывают дополнительные широкие возможности для его укрепления в социально-политических системах.

Феномен лоббизма исторически возникает как реакция на потребность нарождавшихся организованных групп в выражении

групповых интересов и донесении их до власть предержащих с тем, чтобы данные интересы учитывались при принятии решений и формулировании государственной политики. Так, один из авторов американской конституции, Дж. Мэдисон отмечал: "...у цивилизованных народов необходимо возникают интересы землевладельцев, интересы промышленников, интересы торговцев, интересы банкиров и многих других меньших по значению групп, разделяя общество на различные классы, которыми движут различные чувства и взгляды. Урегулирование этих многообразных и противостоящих интересов и составляет главную задачу современного законодательства, неизбежно окрашивая партийным и групповым духом все необходимые и повседневные действия правительства"¹.

С точки зрения Г. Алмонда, развитие лоббизма напрямую связано с процессами модернизации, происходившими в обществах, которые привели к большей политической осведомленности граждан, более активному участию в политической жизни и большей политической компетентности. "Одновременно с возникновением установок участия в политической культуре модернизирующихся стран происходит все большая специализация труда, поскольку люди начинают заниматься неизвестными ранее типами деятельности, и этот процесс ведет к формированию огромного множества особых интересов. Взаимозависимость современной жизни, воздействие массовых коммуникаций и широкомасштабная роль правительств еще больше умножают число политических интересов. В результате сложных процессов эти интересы и установки организуются в ассоциативные группы интересов"². Таким образом, развитие феномена лоббизма было органично вписано в логику развития государства, институтов представительства интересов и усложнение процесса политической коммуникации между обществом и органами власти.

Впрочем, развитие лоббизма влечет за собой как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, все больше организованных групп получают возможность доносить свой интерес до органов власти и участвовать в процессе принятия решений, с другой стороны, лоббизм остается во многом теневым явлением, а потому бывает затруднительно до конца понять, в чьих

¹ Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М., 1994. С. 79–80.

² Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002. С. 151.

именно интересах осуществляется лоббистская деятельность. Не случайно реакция со стороны государства и общества на развитие лоббизма везде является разной. В одних странах нарастают требования большей прозрачности лоббистской деятельности и раскрытия информации о лоббистах, в других странах лоббизм продолжает существовать в тени политического процесса и в большей степени подчиняется неформальным правилам игры. Но в любом случае лоббизм становится крайне сложно игнорировать как социальный факт общественно-политической жизни, следовательно, требуется более детальное его изучение с целью определения тех функций и дисфункций, которые он выполняет в политической системе и обществе.

Для современной социологии и политической социологии изучение лоббизма важно еще и потому, что речь идет о самой природе властных отношений и распределении ресурсов власти. Хотя мы можем выявлять общие тенденции, модели лоббизма во всем мире имеют свою специфику, складывающуюся из множества переменных. Поэтому анализ лоббизма приводит нас к необходимости детального рассмотрения целого ряда факторов, влияющих на его развитие — политических, социальных, культурных. Вслед за усложнением механизма лоббизма, более комплексными стали и подходы к его изучению, сегодня ведется множество дискуссий о том, что должно быть теоретико-методологическим основанием исследования лоббизма. Ввиду того, что лоббизм с трудом поддается однозначным трактовкам, данный феномен требует не только политического или правового, но социологического и поведенческого осмысления, ведь, в конечном счете, речь идет о логике групповых и межгрупповых действий, групповой динамике и складывающихся традициях взаимодействия и социального партнерства между обществом и государством.

Несмотря на то, что изучение групп интересов в политике продолжается более века, в литературе практически не встречается анализа хронологии развития данного феномена. Одна из наиболее значимых попыток проанализировать вехи развития лоббизма до сих пор принадлежит основателю теории групп интересов, американскому политическому социологу А. Бентли. Однако в своей работе 1908 г. “Процесс государственного управления. Изучение общественных давлений” А. Бентли стремится скорее не описывать конкретные этапы становления лоббизма, сколько показать, что группы интересов являются данностью любого человеческого сообщества, что они существовали в разные периоды развития ци-

визации — от племенных структур и древних политий до современных ему государств³.

Существуют также попытки проследить этапы становление лоббизма в отдельных странах. Например, историческими аспектами развития групп интересов и лоббизма в США в разное время занимались такие исследователи как Дж. Берри, Д. Тиченор, Р. Харрис⁴, в Великобритании подобный анализ проводил К. Макграт⁵. Применительно к России свои попытки представить хронологию генезиса лоббизма предпринимали А.П. Любимов, И.Н. Шапкин, равно как и автор этих строк⁶.

При ближайшем рассмотрении данной проблематики, выстраивание точной хронологии развития феномена лоббизма представляется непростой задачей. Ведь во все времена истории человечества существовали всевозможные индивиды и группы индивидов, стремившиеся влиять на власть преобладающих: королей, императоров, государственных советников, чиновников и т.д. Иными словами, процесс становления лоббистских отношений исторически происходил разнонаправленно, так как условия для развития данных отношений различались в зависимости от культурных факторов, социально-политического и институционального контекстов.

Мы отталкиваемся от тезиса А. Бентли, что влияние групп интересов на процесс принятия политико-государственных решений существовало в разные эпохи и в различных типах социально-политических сообществ. При этом важно учитывать, что механизм взаимодействия между группами интересов и органами власти менялся по мере появления и эволюции новых политических институтов, усложнения процесса принятия политико-государственных решений, развития новых способов самоорганизации и координации действия самих групп интересов.

³ Bentley A. The process of government: a study of social pressures. Chicago, 1908. P. 330–345.

⁴ Tichenor D., Harris R. The development of interest group politics in America: beyond the conceits of modern times // Annual Review of Political Science. 2005. Vol. 8; Berry J. On the origins of public interest groups: a test of two theories // Polity. 1978. Vol. 10. N 3.

⁵ McGrath C. British lobbying in newspaper and parliamentary discourse, 1800–1950 // Parliamentary History. 2018. Vol. 37. P. 2.

⁶ Любимов А.П. История лоббизма в России. М., 2005; Шапкин И.Н. Из истории лоббизма в России: представительские организации российского капитала во второй половине XIX — начале XX веков. М., 1999; Каневский П.С. Генезис института лоббизма в России: дореволюционный и советский периоды // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. № 1; Он же. Генезис института лоббизма в России: постсоветский период и современность // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. № 4.

Иными словами, происходила постепенная институционализация лоббизма, хотя данный процесс и в наши дни нельзя назвать полностью завершенным. Если взять за основу определение структуры института британским функционалистом Б. Малиновским, то можно сказать, что эволюция института лоббизма способствовала постепенной выработке его внутренней хартии, норм поведения, состава групп и материальной среды⁷. Под хартией Б. Малиновский понимает закрепленное в групповом сознании идеологическое (религиозное, мифологическое, политическое, правовое и т.п.) обоснование и моральное оправдание существования института, группы, обычая. По словам самого Б. Малиновского, «хартия всегда соответствует желанию, комплексу мотивов, общей цели»⁸. В этом смысле можно сказать, что всегда существовали группы, которые стремились реализовать свои интересы при помощи верховной власти, однако, по мере усложнения структуры государственной власти, усложнялся и сам процесс взаимодействия между группами интересов и властью, обрстая определенными правилами и нормами.

Правила и нормы лоббизма складывались исходя из разного рода традиций, а потому лоббизм в разных странах и культурах развивался по различным траекториям, равно как менялся и состав групп, включенных в процесс лоббистского взаимодействия. Скажем, в Великобритании группы землевладельцев и нарождающейся городской буржуазии уже со времен подписания в 1215 г. Великой хартии вольностей стремились оказывать влияние на королевскую власть с целью защиты своей собственности. Однако к 1620-м гг. данный процесс стал более сложным и системным благодаря усилению роли парламента в процессе принятия решений. Это привело к тому, что собственники начали создавать группы давления при парламенте, а также формировать новые правила и традиции во взаимодействии с законодателями⁹. Материальная среда также претерпевала изменения по мере изменения форм собственности, появления новых потребностей и интересов со стороны различных социальных групп.

Исходя из вышесказанного, представляется возможным рассмотреть генезис феномена лоббизма через призму трех этапов,

⁷ Малиновский Б. Функциональный анализ // Антология исследований культуры. Т. 1. СПб., 1997. С. 691.

⁸ Там же.

⁹ См. подробнее: Kyle C. Open doors: pressure groups and lobbying // Theater of State: Parliament and Political Culture in Early Stuart England. Redwood City. 2012. N 3. P. 119–130.

каждому из которых присуща своя специфика в процессе институционализации взаимодействия групп интересов и государства:

1. Доклассический этап (от Античности до XVIII вв.).
2. Классический этап (XVIII — первая половина XX вв.).
3. Современный этап (вторая половина XX в. — до наших дней).

Следует заранее оговориться, что данная периодизация не может претендовать на универсализм, так как политическое развитие в разные исторические отрезки и в разных обществах шло неравномерно и, порой, в различных направлениях. Тем не менее, она помогает понять, каким образом лоббизм из разрозненных и часто неупорядоченных действий со стороны различных групп постепенно шел по пути институционализации, становился частью функционирования политических систем. Рассмотрим предложенную периодизацию более подробно.

I. Доклассический этап (от Античности до XVIII вв.). На данном этапе не существовало государств современного типа, а группы интересов не были институционализированы в системе принятия политических решений, хотя и осуществляли спорадическое, неупорядоченное влияние на различные центры принятия решений, включая монархов, советников, государственных чиновников и проч. В этот период можно говорить о протолоббистских отношениях, которые возникали в разные периоды в различных полициях, однако они не складывались в целостную систему, так как не было устоявшихся правил и механизмов взаимодействия, а сами группы не были эффективно организованны.

Например, в Университете Гента с 2019 г. ведется научный проект, посвященный попытке взглянуть на историю Римской империи через призму влияния различных групп интересов, формирующихся вокруг императорской власти¹⁰. В качестве исторического примера ранней институционализации организованных групп в политике можно привести средневековые гильдии, которые были агрегаторами интересов отдельных экономических отраслей и профессиональных сообществ, отстаивая и продвигая их потребности в городских советах и магистратах¹¹. Свои предпосылки развития представительства групповых интересов были и в России. Уже в период ста-

¹⁰ The emperor's ear. Lobbying and networking at the Roman imperial court during the principate. GCLA — Ghent Centre for Late Antiquity. URL: <https://research.flw.ugent.be/en/projects/emperor%E2%80%99s-ear-lobbying-and-networking-roman-imperial-court-during-principate> (accessed: 07.11.2024).

¹¹ См., например: *Нехай Д.А.* Истоки формирования корпоративного права Западной Европы // Общество и право. 2012. № 3.

новления феодальной организации общества на Руси происходит развитие первых корпоративных групп в виде цеховых и купеческих объединений. Как отмечал К.П. Победоносцев, “потребность объединения капиталов и личного участия в гражданском обороте издревле удовлетворялась на Руси складчиной в виде промыслового и торгового товариществ”¹².

Впрочем, в большинстве исторических примеров речь идет не об устоявшихся, институционализированных отношениях между группами интересов и органами власти, а скорее об *ad hoc* коммуникации, которая возникала ситуативно и спорадично. Эволюция лоббизма происходила постепенно, по мере формирования современной государственности, процессов централизации и разветвления власти, возникновения новых форм и способов представительства групповых интересов, а также конкретных политических организаций.

II. Классический этап (XVIII — первая половина XX вв.). Данный этап характеризуется возникновением конституционных государств и институтов представительства общественных интересов современного типа, в то время как группы интересов получают возможность артикулировать интересы различных социальных общностей и на постоянной основе доносить их до органов власти.

На данном этапе термин “лоббизм” начинает приобретать политический смысл. Само понятие происходит от латинского слова “lobia”, что означает открытый портик, примыкающий к зданию или галерее. С XVI в. данный термин использовался для обозначения проходов и крытых галерей в монастырях. Согласно словарю Мерриам-Вебстера, политический смысл термин “лоббизм” приобретает в Англии с середины XVII в., когда слово “лобби” начинает использоваться для описания холла в здании Палаты общин, в котором парламентарии встречались с гражданами для обсуждения различных вопросов¹³. “Петиция о праве” 1628 г.¹⁴ и Славная революция 1688 г.¹⁵ еще больше упрочили роль английского парламента

¹² Победоносцев К. Курс гражданского права. М., 1880. Ч. 3. С. 112.

¹³ The Origins of “Lobbyist” // Merriam Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/the-origins-of-lobbyist> (accessed: 07.11.2024).

¹⁴ Петиция парламента, представленная парламентом королю Карлу I, которая сыграла ключевую роль в политическом развитии Великобритании, заложив предпосылки роста независимости парламента от королевской власти.

¹⁵ Буржуазная революция, положившая начало новому типу политического устройства с плюралистическими политическими институтами, защитой имущественных прав широких слоёв общества (а не только элиты), в котором граждане могли свободно участвовать в экономических отношениях с целью получения прибыли.

как центра принятия решений, а в XVIII в. термин “лоббизм” уже прочно вошел в употребление в качестве описания процесса организованного влияния индивидов и групп на парламент.

Вслед за Англией, понятиями “лобби” и “лоббизм” стали обозначать влияние на органы власти в Соединенных Штатах Америки. Это нашло отражение в нормативной подсистеме в период зарождения американской государственности. Уже в первой поправке к американской конституции от 1791 г. говорится, что “Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих ее свободное вероисповедание, либо ограничивающих свободу слова или печати или право народа мирно собираться и обращаться к Правительству с петициями об удовлетворении жалоб”¹⁶. Таким образом, в американской конституции была создана правовая предпосылка, позволяющая гражданам взаимодействовать с властью не только посредством представительным институтам, но и напрямую. Официально, первым зарегистрированным лоббистом в США считается Уильям Халл, который в 1792 г. был нанят группой вирджинских ветеранов войны за независимость с целью получения от государства дополнительных компенсаций¹⁷. В 1808 г. слово “лобби” было впервые зафиксировано в протоколах Конгресса США десятого созыва¹⁸. В XIX в. данное слово и производные от него становятся часто употребляемыми в американском политическом лексиконе, прессе и официальных документах. В это время термин “лобби” начинают употреблять для обозначения группы людей, объединенными общими интересами, а производное понятие “лоббизм” — для определения неформального влияния на членов парламента¹⁹.

Как видно, на данном этапе развитие феномена лоббизма происходило преимущественно в Великобритании и США, так как появились парламенты как важнейшие проводники групповых интересов, а сами группы стали более организованными. При этом правила и нормы взаимодействия групп интересов и органов власти носили в основном неформальный характер и не были закреплены в законодательстве, что, впрочем, соответствовало традиции

¹⁶ Билль о правах. Государственный департамент США. URL: <https://photos.state.gov/libraries/adana/30145/publications-other-lang/RUSSIAN.pdf> (дата обращения: 07.11.2024).

¹⁷ Grier P. The lobbyist through history: villainy and virtue // Christian Science Monitor. 28.09.2009. URL: <http://features.csmonitor.com/politics/2009/09/28/the-lobbyist-through-history-villainy-andvirtue/> (accessed: 07.11.2024).

¹⁸ См.: Толстых П.А. GR. Практикум по лоббизму в России. М., 2007. С. 18.

¹⁹ См.: Павроз А.В. Группа интересов и лоббизм в политике. СПб., 2006. С. 86.

общего права данных обществ. Общее право, в противовес римскому праву, носит преимущественно неписанный характер (т.е. не закрепленный в постоянных законах) и основано на обычаях и прецедентах. В русле общего права развивался не только феномен лоббизма в англо-саксонских обществах, но и политические системы в целом.

Именно на данном этапе развития феномена лоббизма отчетливо проявляются как его функции, так и дисфункции. С одной стороны, лоббизм становится важным функциональным элементом представительства социальных интересов, а групповые интересы более всесторонне учитываются государственными институтами при подготовке и принятии решений. С другой стороны, лоббисты не брезгают самыми разными методами, в том числе коррупционными, в части взаимодействия с органами власти, что приводит к порой неконтролируемому их влиянию. Уже к середине XIX в. это провоцирует в Великобритании появление первой серьезной волны общественно-политических дискуссий о том, каким образом ограничивать коррупционные риски, которые заложены в природе лоббизма²⁰.

В частности, в США и Великобритании с середины XIX в. получает распространение жанр карикатуры на лоббистов и продажных парламентариев, получающих деньги в обмен на влияние. Эпоха “Позолоченного века” (1870–1890-е гг.) считается периодом, когда политическая коррупция достигла исторического пика. Рост влияния крупных корпораций и трестов в условиях отсутствия каких-либо механизмов контроля за их деятельностью в органах власти привел к тому, что взяточничество стало нормой, а новое поколение миллионеров окрестили “баронами-разбойниками”²¹. Лишь с наступлением “Прогрессивной эры” (1900–1920-е гг.) ситуация в Америке начинает медленно меняться, хотя коррупция и тогда, и позднее оставалась нежелательным спутником развития лоббизма.

III. Современный этап (вторая половина XX в. — до наших дней). В данный период происходит распространение и развитие лоббизма в условиях меняющегося и усложняющегося устройства государств, институтов представительства интересов и развития рыночной экономики. На этом этапе происходит усиление влияния групп интересов, причем в одних странах данная логика оказывает-

²⁰ См.: *Rothstein B.* The quality of government: corruption, social trust, and inequality in international perspective. Chicago, 2011.

²¹ См. подробнее: *Thompson M.S.* Corruption or Confusion? Lobbying and Congressional Government in the Early Gilded Age // *Congress & the Presidency*. 1983. N 10 (2). P. 169–193.

ся вписана в либерально-плюралистический контекст, в других развитие лоббизма бок о бок с развитием институтов корпоративизма, о чем будет подробнее сказано в дальнейших частях диссертации. Даже в обществах социалистического типа в XX в. происходит развитие сугубо неформальных протолоббистских отношений, хотя и в специфических условиях административно-командных систем²².

Именно на современном этапе, в целях ограничения коррупции и создания более прозрачного механизма принятия решений, нормы и правила лоббистской деятельности из разряда неписанных и неформальных постепенно начинают обрывать более четкими юридическими процедурами. Если в 1946 г. закон о лоббизме существовал только в США, то в 2024 г. таких стран стало уже 25, а еще в более чем 15 странах действуют законодательные нормы, сегментарно регулирующие лоббизм. На данном этапе ускоряется институционализация лоббизма, появляются новые механизмы, нормы и правила (в том числе законодательно закрепленные) взаимодействия групп интересов и органов власти, хотя неформальная природа данного явления в той или иной степени сохраняется, что продолжает определять траектории его развития, функции и дисфункции.

В конечном счете, развитие феномена лоббизма было напрямую связано с усилением групп интересов в процессе подготовки и принятия политических решений, что стало возможным благодаря усложнению политико-управленческого механизма, появлению новых институтов согласования и принятия решений, таких как политические партии, ассоциативные объединения, союзы торговцев и промышленников, профсоюзы и прочие организации, целью которых было продвижение собственных или отраслевых интересов в органах постоянно усиливавшей свое влияние государственной власти.

К XX в. лоббизм становится важным элементом в механизме коммуникации между обществом и государством, хотя он развивался по различным траекториям. По словам британского политолога Э. Хейвуда, «образцы политического взаимодействия изменялись в течении XX в. благодаря растущему значению организованных групп интересов. К 1950-м гг., на пике интереса к политическим группам, считалось, что потребности бизнеса, профсоюзов, фермерских лобби и прочих организованных групп заменили собой ассамблеи и партии в качестве ключевых политических акторов.

²² Дегтярев А.А. О роли формальных принципов и неформальных правил в современном GR-менеджменте // Государство, бизнес, общество: современные теории и российские реалии / Под ред. Л.Е. Ильичевой. М., 2012.

Вселенная групповых интересов разрослась еще больше, начиная с 1960-х гг., благодаря увеличению числа одноцелевых групп, выступавших по целому спектру вопросов — от защиты прав потребителей и гендерного равенства до прав животных и проблем окружающей среды. Эти группы были тесно связаны с более масштабными социальными движениями, использовавших новые методы вовлечения граждан в политику и организации публичных кампаний»²³.

Несмотря на то, что термин лоббизм изначально появился в англо-саксонских обществах и означал взаимодействие групп интересов и органов власти во вполне конкретных политических и правовых условиях, сегодня данное понятие вышло за рамки первоначальной географии, культурного и концептуального наполнения. В наше время понятие лоббизм рассматривается в максимально широком виде и может применяться к взаимодействию групп интересов и органов власти вне зависимости от типа политической системы или традиций. Конечно, в экспертных и политических кругах во всем мире порой сохраняется скептическое отношение к данному термину ввиду его англо-саксонского происхождения, однако представляется, что задача современной науки как раз состоит в том, чтобы отделить термин от его политико-культурного наследия, сделав его более нейтральным и универсальным.

В истории политической науки можно найти множество примеров, когда термины постепенно обрастали дополнительными смыслами, а отношение к ним менялось. Например, понятие политической партии, приобретшей свой современный смысл в англо-саксонских странах на рубеже XVIII–XIX в., также долгое время рассматривались с негативной точки зрения, так как считалось, что партии порождают конфликты и противоречия в обществе²⁴. При этом постепенно понятие политической партии становилось более универсальным, а сами партии стали неотъемлемым атрибутом современных государств, хотя их роль и задачи в политическом процессе могли различаться в зависимости от типа политической системы.

Важным фактором исследования лоббизма как социально-политического феномена и определения его места в социально-политической системе общества, является его соотнесение с коррупци-

²³ Heywood A. Politics. L., 1997. P. 251.

²⁴ Изначально к политическим партиям негативно относились даже отцы-основатели США, такие как Джордж Вашингтон, Джеймс Мэдисон и Александр Гамильтон. Лишь к третьему десятилетию своего существования, в США начинается активная институционализация политических партий, что постепенно меняет и отношение к данному понятию.

ей. Эволюция лоббизма происходила разнонаправленно, в разные временные отрезки и в разных государствах лоббизм действительно имел коррупционную составляющую. Более того, даже в современном мире лоббизм, будучи отчасти тeneвым и неформальным феноменом, полностью не освободился от коррупционных рисков. Вместе с тем, феномены лоббизма и коррупции следует разносить, потому что эволюция лоббизма вела к тому, чтобы оградить взаимодействие групп интересов и органов власти от коррупционной составляющей, создать цивилизованные формы взаимодействия, в соответствии с действующими законами и нормами.

Коррупция же, в силу своей природы, всегда и везде оставалась и остается противоправным видом деятельности. С точки зрения социальной, экономической и социально-психологической сторон, коррупция — это исключительно негативное явление, которое может пронизывать разные уровни государства и общества, вести к усугублению качества функционирования органов власти, отрицательно сказываться на уровне социального доверия. Коррупция является формой преступного и девиантного поведения в политике. По Э. Дюркгейму действие следует относить к преступным, если оно “оскорбляет известные коллективные чувства, наделенные особой энергией и отчетливостью”²⁵. Ни в одном обществе коррупция не считается нормальным и допустимым явлением, хотя, парадоксальным образом, во многих обществах коррупция отчасти легитимизирована самими поступками людей, которые превращают ее в часть повседневной практики. Однако это уже проблема не лоббизма, а латентной легитимации коррупции как таковой.

В Российской Федерации определение коррупции дано на законодательном уровне, где она понимается как “злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами”²⁶.

Общим основанием для квалификации коррупционных деяний служит незаконное использование должностного положения в ко-

²⁵ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 87.

²⁶ Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ “О противодействии коррупции” (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/12164203/>

рыстных целях. В данном случае коррупция представляет процесс, когда лицо, принимающее решение, используя свои управленческие возможности, совершает определенные действия в интересах клиента за вознаграждение. В этом смысле покупка лоббистами решений у официальных лиц, несомненно, может и должна трактоваться как коррупция. Другой, более тонкой категорией, касающейся размежевания лоббизма и коррупции, является понятие интереса.

По духу и букве современных общественных договоров, любое официальное государственное лицо, будь то выборное или назначаемое, служит во благо общественных интересов. Продвижение частных, партикулярных интересов в угоду общественным противоречит базовым конституционным, правовым и моральным принципам. Вместе с тем, грань между общественными и частными интересами порой не столь очевидна, как может показаться на первый взгляд. Совокупность частных интересов может равняться общественным, а политики и чиновники наделены определенными полномочиями, чтобы самостоятельно решать, действуют они в общественных или партикулярных интересах.

Таким образом, возникает своего рода трехуровневая структура интереса, который отстаивает официальное лицо: 1) свой собственный интерес, 2) частный внешний интерес, 3) общественный внешний интерес. Если официальное лицо получает личную материальную выгоду от принятия или непринятия того или иного решения, это относится к коррупционному действию. Однако в тех случаях, когда официальное лицо не получает личную материальную выгоду, а лишь служит проводником интересов определенных групп, он должен понимать, действует ли он в таком случае в общественных интересах. Чтобы следить за этими действиями, естественно, одного лишь самоконтроля со стороны официальных лиц недостаточно. Должны существовать определенные механизмы государственного и общественного контроля, чтобы, во-первых, снижать риски явных коррупционных действий, во-вторых, следить за тем, чтобы общественные интересы ставились выше частных, либо как минимум не ущемлялись при принятии решений.

Создание такого рода механизмов необходимо и для того, чтобы лоббизм эволюционировал в сторону более цивилизованных форм взаимодействия между группами интересов и государством, максимально дистанцируясь от любых проявлений коррупции. Ни одно общество не смогло полностью избавиться от коррупционных рисков при развитии лоббизма, равно как и при развитии политических систем в целом. Впрочем, дискуссия и конкретные меры по

дальнейшей институционализации лоббизма, вписыванию его в правовое поле продолжают во всем мире. Повышение прозрачности и снижение риска противоправных действий являются первоочередными задачами в деле превращения лоббизма в цивилизованный социальный институт. При этом принятие закона о лоббизме, по поводу чего в России было сломано так много копий за последние три десятилетия, не является панацеей.

Гораздо важнее сегодня сосредоточится на развитии культуры лоббизма, чтобы превратить его из неформального и нелегитимного в общественном сознании феномена в цивилизованный диалог между государством и обществом. Для этого необходимо развивать систему этических норм как для бизнеса, так и для государства, создать профессиональный стандарт для лоббистов, продолжать совершенствовать антикоррупционное законодательство. Но самое главное состоит в смещении фокуса с лоббизма, построенного на частных интересах, на лоббизм, который отражал бы интересы общественные. Только таким образом удастся очистить лоббизм от флера скандальности и нечистоплотности, превратив его в нормальный элемент политического процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002.

Биль о правах. Государственный департамент США. URL: <https://photos.state.gov/libraries/adana/30145/publications-other-lang/RUSSIAN.pdf> (дата обращения: 07.11.2024).

Десярев А.А. О роли формальных принципов и неформальных правил в современном GR-менеджменте // Государство, бизнес, общество: современные теории и российские реалии / Под ред. Л.Е. Ильичевой. М., 2012.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.

Каневский П.С. Генезис института лоббизма в России: дореволюционный и советский периоды // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. № 1.

Каневский П.С. Генезис института лоббизма в России: постсоветский период и современность // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. № 4.

Любимов А.П. История лоббизма в России. М., 2005.

Малиновский Б. Функциональный анализ // Антология исследований культуры. Т. 1. СПб., 1997.

Нехай Д.А. Истоки формирования корпоративного права Западной Европы // Общество и право. 2012. № 3.

Павроз А.В. Группа интересов и лоббизм в политике. СПб., 2006.

Победоносцев К. Курс гражданского права. М., 1880. Ч. 3.

Толстых П.А. GR. Практикум по лоббизму в России. М., 2007.

Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М., 1994.

Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ “О противодействии коррупции” (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/12164203/>

Шапкин И.Н. Из истории лоббизма в России: Представительские организации российского капитала во второй половине XIX — начале XX веков. М., 1999.

REFERENCES

Almond G., Paujell Dzh., Strom K., Dalton R. Sravnitel'naja politologija segodnja [Comparative Politics Today]. Mirovoj obzor. M., 2002 (in Russian).

Bentley A. The process of government: a study of social pressures. Chicago, 1908.

Berry J. On the origins of public interest groups: a test of two theories // Polity. 1978. Vol. 10. N 3.

Bill' o pravah. Gosudarstvennyj departament SShA [Bill of Rights. US Department of State]. URL: <https://photos.state.gov/libraries/adana/30145/publications-other-lang/RUSSIAN.pdf> (data obrashhenija: 07.11.2024) (in Russian).

Degtjarev A.A. O roli formal'nyh principov i neformal'nyh pravil v sovremennom GR-menedzhmente [On the Role of Formal Principles and Informal Rules in Modern GR Management] // Gosudarstvo, biznes, obshhestvo: sovremennye teorii i rossijskie realii / Pod red. L.E. Il'ichevoj. M., 2012 (in Russian).

Djurkejm Je. Sociologija. Ee predmet, metod, prednaznachenie [Sociology. Its Subject, Method, Purpose]. M., 1995 (in Russian).

Federalist: Politicheskie esse A. Gamil'tona, Dzh. Mjedisona i Dzh. Dzheja [Federalist: Political essays by A. Hamilton, J. Madison and J. Jay]. M., 1994 (in Russian).

Federal'nyj zakon ot 25 dekabrja 2008 g. N 273-FZ “O protivodejstvii korrupcii” (s izmenenijami i dopolnenijami) [Federal Law of December 25, 2008 N 273-FZ “On Combating Corruption” (with amendments and additions)] // Informacionno-pravovoj portal GARANT.RU. URL: <https://base.garant.ru/12164203/> (in Russian).

Grier P. The lobbyist through history: villainy and virtue // Christian Science Monitor. 28.09.2009. URL: <http://features.csmonitor.com/politics/2009/09/28/the-lobbyist-through-history-villainy-andvirtue/> (accessed: 07.11.2024).

Heywood A. Politics. L., 1997.

Kanevskij P.S. Genezis instituta lobbizma v Rossii: postsovetskij period i sovremennost' [Genesis of the lobbying institute in Russia: the post-Soviet period and modernity] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2021. N 4 (in Russian).

Kanevskij P.S. Genezis instituta lobbizma v Rossii: dorevoljucionnyj i sovetskij periody [Genesis of the Institute of Lobbying in Russia: Pre-Revolutionary and Soviet Periods] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2022. N 1 (in Russian).

Kyle C. Open doors: pressure groups and lobbying // Theater of State: Parliament and Political Culture in Early Stuart England. Redwood City. 2012. N 3.

Ljubimov A.P. Istorija lobbizma v Rossii [History of lobbying in Russia]. M., 2005 (in Russian).

Malinovskij B. Funkcional'nyj analiz [Functional analysis] // Antologija issledovanij kul'tury. T. 1. SPb., 1997 (in Russian).

McGrath C. British lobbying in newspaper and parliamentary discourse, 1800–1950 // *Parliamentary History*. 2018. Vol. 37. P. 2.

Nehaj D.A. Istoki formirovanija korporativnogo prava Zapadnoj Evropy [Origins of the formation of corporate law in Western Europe] // *Obshchestvo i pravo*. 2012. N 3 (in Russian).

Pavroz A. V. Gruppa interesov i lobbizm v politike [Interest group and lobbying in politics]. SPb., 2006 (in Russian).

Pobedonoscev K. Kurs grazhdanskogo prava [Civil law course]. M., 1880. Ch. 3 (in Russian).

Rothstein B. The quality of government: corruption, social trust, and inequality in international perspective. Chicago, 2011.

Shapkin I.N. Iz istorii lobbizma v Rossii: Predstavitel'skie organizacii rossijskogo kapitala vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vekov [From the history of lobbying in Russia: Representative organizations of Russian capital in the second half of the XIX — early XX centuries]. M., 1999 (in Russian).

The emperor's ear. Lobbying and networking at the Roman imperial court during the principate. GCLA — Ghent Centre for Late Antiquity. URL: <https://research.flw.ugent.be/en/projects/emperor%E2%80%99s-ear-lobbying-and-networking-roman-imperial-court-during-principate> (accessed: 07.11.2024).

The Origins of “Lobbyist” // Merriam Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/the-origins-of-lobbyist> (accessed: 07.11.2024).

Thompson M.S. Corruption or confusion? Lobbying and Congressional Government in the Early Gilded Age // *Congress & the Presidency*. 1983. N 10 (2).

Tichenor D., Harris R. The development of interest group politics in America: beyond the conceits of modern times // *Annual Review of Political Science*. 2005. Vol. 8.

Tolstyh P.A. GR. Praktikum po lobbizmu v Rossii [GR. Workshop on lobbying in Russia]. M., 2007 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-1-63-98

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

С.А. Барков, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

И.В. Колодезникова, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

А.В. Маркеева, канд. социол. наук, доц., доцент кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234***

Статья посвящена рассмотрению образования как социального института и институционального, социального и управленческого контекста, в котором проявляются его особенности на современном этапе.

Авторами проведен анализ различных форматов образования, выявлены общие закономерности и специфические факторы, определившие его трансформацию. В качестве основных матриц образования авторы выделяют два класса — индивидуальное и групповое обучение. К матрицам индивидуального обучения отнесены: 1) самообразование, 2) наставничество, 3) гувернерство и тьюторство, 4) репетиторство; к матрицам группового обучения отнесены: 1) массовое обучение, 2) традиционное образование, 3) обучения взрослых, 4) матрица “бирюзового” образования. В статье подробно характеризуются составляющие институциональных матриц.

Авторы считают, что взгляд на развитие образования в контексте смежных институциональных матриц принципиально важен с позиций социального управления. В статье на основе рассмотрения институционального контекста образовательного процесса выявлены актуальные проблемы социального

* Барков Сергей Александрович, e-mail: barkserg@live.ru

** Колодезникова Инна Валентиновна, e-mail: inna0105@yandex.ru

*** Маркеева Анна Валерьевна, e-mail: anna_markeeva@mail.ru

управления в сфере образования и предложены некоторые направления институциональных преобразований. В частности, рассматривается расширение возможностей индивидуального образования (тьюторства и наставничества), активное развитие образования взрослых в соответствии с концепцией пожизненного образования, выравнивание статусов платного и бесплатного образования, а также активное использование ИКТ и ИИ в образовательном процессе. Авторы считают, что предложенные меры позволят дополнить традиционную матрицу образования, снизив ее негативные эффекты, что послужит расширению возможностей для обучения всех категорий населения и повысит качество обучения в целом.

Ключевые слова: образование, институты и институции образования, институциональные матрицы, образование в постиндустриальном обществе, социально-управленческие приоритеты в образовании.

INSTITUTIONAL AND SOCIO-MANAGERIAL CONTEXT OF MODERN EDUCATION

Barkov Sergey A., Doctor of Sociology, Professor, Head of Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: barkserg@live.ru

Kolodeznikova Inna V., PhD in Economics, Associate Professor of Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: inna0105@yandex.ru

Markeeva Anna V., PhD in Sociology, Associate Professor of Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: anna_markeeva@mail.ru

The article is devoted to the consideration of education as a social institution and the peculiarities of institutional, social and managerial context, in which its features are manifested at the present stage.

The authors analyze different formats of education, identify common patterns and specific factors that have determined its transformation. The authors distinguish two classes of education matrices — individual and group learning. The matrices of individual learning include: 1) self-education, 2) mentoring, 3) governess and tutoring, 4) tutoring; the matrices of group learning include: 1) mass education, 2) traditional education, 3) adult education, 4) the matrix of “turquoise” education. The article characterizes the components of institutional matrices in detail.

The authors believe that looking at the development of education in the context of changing institutional matrices is fundamentally important from the perspective of social management. The article, based on the consideration of the institutional context of the educational process, reveals the current problems of social management in the field of education and proposes some directions of institutional transformation.

In particular, the authors consider the expansion of opportunities for individual education (tutoring and mentoring), active development of elder education in accordance with the concept of lifelong learning, equalization of the status of paid and free education, as well as the active use of information and communication technologies and AI in the educational process. The authors believe that the proposed measures will make it possible to supplement the traditional matrix of education, reducing its negative effects, which will serve to expand learning opportunities for all categories of the population and improve the quality of education in general.

Key words: *education, educational institutes and institutions, institutional matrix, education in post-industrial society, socio-managerial priorities in education.*

Образование как социальный институт проявляет себя во множестве несхожих друг с другом явлений и процессов. Отдельные явления и процессы могут образовывать устойчивую совокупность, и тогда возникает определенный вид образования. Такого рода объединение элементов образовательного процесса и смежных с ними социальных явлений происходит на основе реализации общих, хорошо сочетающихся друг с другом норм и правил. Так возникает институциональная матрица образования. В разные эпохи, в разных странах и в различных общностях людей существовали самые разнообразнейшие матрицы образования, большинство которых существует и является вполне результативными и в настоящее время.

Термин “институциональная матрица” давно разрабатывается в рамках институционального подхода и имеет множество трактовок: как понятие, призванное подчеркнуть *социальную обусловленность (оформление) любой экономики*¹, как *комплекс взаимозависимых правил и неформальных ограничений, совокупность которых определяет экономическую деятельность, а также специфику экономических и политических институтов каждого конкретного общества и задает вектор траекторий последующего их развития*², как *устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих экономическую, политическую и идеологическую подсистемы общества, т.е. архетипическая триединая социальная форма, исходная первичная социологическую модель общества, задающая его природу, его специфику, воспроизводящаяся в ходе исторической эволюции*³. Важным в контексте данного

¹ “Великая трансформация” Карла Полаanyi: прошлое, настоящее, будущее / Под общ. ред. Р.М. Нуреева. М., 2006.

² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 129, 147–148.

³ Кирдина С.Г. Теория институциональных матриц: в поисках новой парадигмы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 1. С. 108.

исследования является то, что институциональные матрицы имеют не только конкретные формы выражения в той или иной стране, культуре, но формируясь в определенных исторических условиях, не исчезают, а могут находить свое продолжение и новые формы реализации на другом витке социально-экономического и культурного развития. При этом современные общества становятся столь “текучими” и “проницаемыми”⁴, что создает принципиально новые возможности сосуществования и взаимодополнения различных инвариантных институциональных форм, призванных отвечать на актуальные вызовы.

Взгляд на развитие образования как на смену и соперничество институциональных матриц принципиально важен с позиций социального управления. При всем многообразии его методов среди них достаточно четко выделяются два больших класса, которые условно можно назвать административным и институциональным. Первое в том или ином виде базируется на приказах и жестком подчинении объекта управления субъекту управления. При этом объект управления начинает развиваться не по своей собственной траектории, а по траектории, выработанной субъектом и направленной на достижение конкретной цели. Институциональное управление предполагает установление субъектом управления правил развития объекта. Этот объект не теряет возможности саморазвития, но это саморазвитие происходит в определенных рамках, границах, ограничениях, установленных субъектом. Конкретная цель при этом не всегда может быть достигнута, но она и не воспринимается как единственно возможный и лучший результат управленческого воздействия. В процессе саморазвития объект может обнаружить более эффективный для общества или конкретной группы людей путь, а результат движения по этому пути может быть более удачным, чем та цель, которая изначально была выработана субъектом управления⁵.

Для россиян различие между этими двумя методами управления на макроуровне социально-экономической реальности ярко символизирует разница между плановой экономикой и рыночной экономикой⁶. На микроуровне (отдельных организаций) — это различие наглядно проявляет себя в сопоставлении методов клас-

⁴ Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.

⁵ Барков С.А. Избавление от неопределенности — естественное желание и порочная стратегия человечества // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности. XV Международная научная конференция “Сорокинские чтения”: Сб. мат.-в. М., 2021. С. 331–333.

⁶ Барков С.А. Организация и рынок: противоборство или согласие? М., 2008.

сического менеджмента Ф.У. Тейлора с полным подчинением работника требованиям администрации и современным подходом к управлению людьми с признанием ценности реализации их собственных инициатив⁷. Институциональное управление оказывается востребованным в том случае, когда объект управления представляет собой сложную систему, а цели его развития являются долгосрочными.

Образование по своей природе всегда было и останется объектом институционального управления. Государство или негосударственные управленческие структуры (учредители университетов, ассоциации родителей, попечительские советы и др.) могут устанавливать правила функционирования и развития образовательных организаций. На новые правила система образования реагирует с явной инерцией, с появлением непредвиденных последствий, с актуализацией латентных функций. Поэтому большинство реформ образования и в нашей стране, и за рубежом, с точки зрения более понятного людям, административного управления, оказывались неудачными. Система приобретала новое состояние, но чаще всего это состояние не было прописано в сценарии реформ, оно становилось следствием саморазвития образования по новым правилам, движения в некотором социально одобряемом направлении, но без четкого определения конечной точки этого движения.

Институты и оппортунистическая природа образования

Формальные институты и неформальные институты (часто называемые институциями) играют в системе образования системообразующую роль не только вследствие воздействия на нее управляющих субъектов. В структуре образовательного процесса заложена проблема, которую рационально мыслящие обучающие и обучаемые самостоятельно решить не могут. Эту проблему можно обозначить как оппортунистическую сущность образования.

Если представить образовательный процесс как экономическую игру, эта сущность становится очевидной. В игре действуют два экономических человека (*homo economicus*), ориентированных на увеличение своего дохода при минимизации усилий. В случае если важнейшей целью образования является получение диплома, рационально мыслящие субъекты сразу найдут взаимовыгодный исход игры: преподаватель будет делать вид, что преподает и ставить высокие оценки, а ученик не будет учиться. Тогда в итоге все

⁷ Барков С.А., Зубков В.И. Социология организаций. М., 2024.

приложат минимальные усилия, а результат будет достигнут. В реальной жизни данная игра чаще всего сопрягается с коррупционной составляющей, так как считается, что ее результат все же выгоднее для ученика, а преподаватель берет на себя определенные риски, связанные с реальным институциональным контекстом. Если такого контекста нет, то и для преподавателя не преподавать и получать за это деньги будет выгоднее, чем преподавать. Поэтому институты с их санкциями за невыполнение определенных норм и правил становятся частью образовательного процесса.

Кроме того, рационально мыслящие субъекты вне институционального контекста не смогут эффективно организовать образовательный процесс еще и в силу сложной структуры транслируемого знания. В совокупности знаний существует относительно простой и сложный учебный материал. Также существует материал, связь которого с будущей жизнью человека очевидна, и тот, который вроде бы будет не востребован, в особенности с точки зрения молодого человека. Эти фрагменты знаний сложным образом связаны друг с другом, а также с навыками и умениями. Если оставить рационально мыслящих субъектов “без институционального присмотра”, они начнут выбирать удобные для себя фрагменты знаний безо всякой системы. Образование станет легкой задачей для двух сторон, но его реальная эффективность будет стремиться к нулю.

Противодействий оппортунистической сущности образования наличествует два. Первое — это четкая и однозначная ориентация образовательного процесса на получение конкретных знаний. Тогда мотивация учащегося заменит все сопутствующие институты в части его стремления минимизировать свои усилия, а рынок преподавателей тоже вне значимого регулирования институтами отберет наиболее способных для того, чтобы наделить их востребованными знаниями и умениями.

Однако в подавляющем большинстве случаев связь между образованием и конкретными умениями оказывается сложной и неочевидной. Тогда в силу и вступает второе противодействие — система норм, правил и санкций, т.е. институтов. В разных институциональных матрицах, существовавших ранее и существующих сегодня, эти два противодействия сочетались и сочетаются специфическим образом. В каких-то случаях сильная мотивация учащегося ослабляет институциональное регулирование, в каких-то, наоборот, акцент делается на институты при предположении, что значительная часть обучающихся не будет обладать сильной мотивацией к получению знаний.

Технологическое, социальное и культурное развитие общества постоянно ставят вопрос о соответствии заложенных в образовании норм и правил “текущему моменту”. Меняется техника, меняются жизненные стратегии людей, меняется их отношение к науке и знаниям. Если такие изменения оказываются резкими и социально значимыми, неизбежно меняется и институциональная матрица образования. Именно такой момент мы переживаем сейчас, когда общество все более отделяется от той модели, в которой развивалось в индустриальную эпоху или эпоху модерна. Мы постараемся указать на возможные трансформации институциональной матрицы образования в постиндустриальном обществе. Некоторые из них с неизбежностью будут в определенной мере возрождением фрагментов тех матриц, которые существовали ранее и по тем или иным причинам были “забыты” (точнее, отторгнуты обществом). Далее будет представлен обзор институциональных матриц с определением их места в истории общества, жизни отдельных людей, с их преимуществами и недостатками.

Институциональные матрицы образования

Если рассматривать всю совокупность институциональных матриц образования, то в ней отчетливо выделяются два класса — матрицы индивидуального обучения и матрицы группового обучения. Составляющие их нормы и правила различаются существенным образом. В индустриальном обществе главной матрицей была традиционная, относящаяся к групповому обучению. Часто само образование как социальный институт воспринималось именно как процесс, в котором задействованы группы, а не отдельные учащиеся. В современных условиях целесообразно вспомнить об исторических прецедентах матриц индивидуального обучения. Именно они восполняют те недостатки традиционной матрицы, которые становятся очевидными сегодня и которые непреодолимы в рамках группового обучения. С них мы и начнем, тем более что в историческом плане именно матрицы индивидуального обучения были первыми.

Матрица самообразования. Это самая древняя матрица, имеющая еще “животное” происхождение. Все высокоразвитые организмы познают свое окружение и формируют принципы обращения с природным миром и себе подобными. Домашние животные — лучшая тому иллюстрация: знания помогают животному выжить, кроме того у него наличествует инстинкт любопытства, который сопровождает его на протяжении всей жизни. Первобытный человек — охотник, собиратель или рыболов — также всегда тратил

определенные силы для самостоятельного познания окружающей его реальности.

И в дальнейшем самообразование присутствовало у всех людей — во все времена и во всех их общностях. В современной России 27,7% взрослого населения старше 15 лет занимаются самообразованием, в молодых возрастных группах процент включенных существенно выше от 52,6% (15–17 лет) до 39,0% (25–39)⁸.

Отличительными чертами этой матрицы служат высокая мотивация учащегося (его никто не заставляет получать новые знания и вырабатывать новые умения), отсутствие каких бы то ни было транзакционных издержек (человек ни с кем не взаимодействует, не производит транзакции) и, соответственно, отсутствие управленческих, прежде всего бюрократических структур, сопровождающих образовательный процесс. Управление в данном случае замещается самоуправлением и самоконтролем.

Высокая мотивация и задействование природного инстинкта любопытства делает эту матрицу достаточно эффективной. Очень многое из того, что мы знаем, мы выучили сами — увидели, прочитали, сделали эксперимент и т.п. Однако так как в основе обучения лежал интерес, и человек выбирал те фрагменты знания, которые ему нравились, в воспринятой информации может отсутствовать системность, а сами знания могут быть ложными. Именно в процессе самообразования у многих тысяч людей формируется представление о том, что Земля плоская, что нашей судьбой управляют планеты и звезды, что антибиотики уничтожают вирусы...

Знания, полученные в процессе самообразования, отличаются многообразием. Они могут быть самыми конкретными: человек изучает нечто для решения рабочих задач или жизненных проблем; а могут быть и самыми общими: он изучает историю или астрологию, что называется, “для себя”. Именно на основе характера этих знаний можно выделить подвиды матрицы. В рамках первого подвида подразумевается, что большую часть знаний человек использует в своей работе. В этом случае самообразование приобретает дополнительную рациональную основу — достижение высокого профессионализма. Второй подвид характерен тем, что человек собирает информацию для жизни вне работы, но эта информация также должна быть в какой-то степени полезна. Она может касаться семьи (семейных отношений, отношений между полами и т.п.),

⁸ См.: Итоги выборочного статистического наблюдения участия населения в непрерывном образовании. 2020 // Сайт Росстат. URL:https://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/inobr2020/index.html (дата обращения: 17.05.2024).

хобби, обустройства дома и др. Третий подвид — это самообучение исключительно для получения удовольствия. Кроме инстинкта любопытства, здесь трудно обнаружить какой-либо рациональный базис. И именно в случае использования данного подвида могут формироваться множественные ложные знания и представления о мире.

Формальным проявлением матрицы самообразования является экстернат. Эту форму обучения отличают две черты: 1) человек учится самостоятельно, 2) он может пройти обучение быстрее, чем в группе. Эти основополагающие характеристики экстерната говорят о возможной высокой эффективности самообразования. Однако в рамках господства традиционной матрицы коллективного обучения, экстернат до недавних времен занимал явно маргинальное положение во всей структуре образования. В нашей стране, несмотря на наличие ярчайшего и известного всем примера его рационального и эффективного использования (В.И. Ленин экстерном закончил Санкт-Петербургский университет), экстернат применялся и применяется для решения специфических задач, отличных от глубокого и мотивированного усвоения знаний. Сегодня его используют для того, чтобы освободить школьников от изучения предметов, по которым они не будут сдавать ЕГЭ. Так, в 2023 г. только 70 383 российских ученика (1,9% от общего числа обучающихся) являлись экстернами, обучавшимися в форме семейного образования и самообразования. Но популярность такой формы растет, темп прироста составлял 27% по отношению к 2022 г. Особенно выделяются ряд регионов (Москва, Омская область, Санкт-Петербург), которые создают условия для развития альтернативных форм образования⁹.

В условиях развития ИКТ и ИИ отношение к экстернату может радикально измениться. Сегодня самостоятельное изучение предмета может быть увлекательным процессом, вызывающим дополнительную мотивацию у учащегося. В России к данному обстоятельству прибавляется еще и возможность с помощью экстерната решить проблему неукомплектованности учителями отдаленных школ. Конечно, для его эффективного использования нужно создавать и совершенствовать цифровые образовательные платформы, а также иные неvirtуальные “подспорья” для обучающегося, но

⁹ Кузнецова О. Сколько детей учатся на СО? // Портал А-образование. 2024.09.02. URL: <https://ddbo.ru/news/%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BE-%D0%B4%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%B9-%D1%83%D1%87%D0%B8%D1%82%D1%81%D1%8F-%D0%BD%D0%B0-%D1%81%D0%BE/> (дата обращения: 01.06.2024).

все равно в постиндустриальных реалиях “настоящий” (а не “притворный”) экстернат явно может усилить свои позиции в общей структуре образования и сыграть позитивную роль в повышении интеллектуального и профессионального потенциала современных людей.

Матрица наставничества. Наставничество является таким же естественным процессом, как и самообразование, хотя охватывает меньший круг людей и реализуется не всю жизнь, а в отдельные периоды. Не будем останавливаться на схожих с наставничеством видах поведения у животных, скажем только, что его “биологической” основой служит инстинкт копирования, столь же древний, как и инстинкт любопытства. До того, как люди осели на земле, они также активно практиковали наставничество — более умелые и опытные члены племен учили своих собратьев эффективным приемам охоты, рыбной ловли и собирательства. Наставничество в этом случае руководствовалось базовым рациональным соображением — трансляцией лучших образцов поведения от более квалифицированного человека к менее квалифицированному. Когда же человечество перешло к занятию земледелием у наставничества появилась дополнительная специфическая функция, сформировавшая на долгие века институциональный контекст развития образования. Главой племени в это время уже становился не самый быстрый и ловкий охотник или собиратель, а самый “умный” его член. Он должен был распределять земельные наделы, урегулировать конфликты соплеменников, а с развитием торговли — вести переговоры с представителями других племен, с развитием военного дела — возглавлять армию... Эти знания не генетическим, а социальным способом могли быть переданы его потомкам. На этой основе возникла монархическая форма правления, а само образование стало восприниматься как мощный входной барьер в элиту общества.

Наставничество как матрицу индивидуального обучения с передачей знаний от мастера к ученику следует считать одной из важнейших в формировании культурных основ общества. Элита общества стала разительно отличаться от его остальных членов своим интеллектуальным уровнем. Этому способствовало ограничение распространения грамотности, которое имело место вплоть до эпохи Просвещения¹⁰. Наставники учили только избранных.

В крестьянстве и ремесленничестве наставничество многие века было одним единственно возможным видом образования.

¹⁰ Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира. М., 2010.

И его столь долгая история свидетельствует об эффективности данной институциональной матрицы.

В отличие от самообразования в процессе наставничества ученику передаются только конкретные профессиональные знания и умения. Мотивация обучаемого, как правило, высока — ведь каждый хочет стать хорошим работником и зарабатывать больше денег. Но вполне возможны случаи и со средней мотивацией, когда человек не горит особым желанием повышать свой статус именно в этой профессиональной сфере. Он просто выполняет все требования наставника. Знания и умения, передаваемые наставником, достаточно стандартизированы, так как классическое наставничество применяется либо в относительно простых видах работы, либо по отношению к новичкам, которых нужно обучить азам профессии. Так как человек, как правило, не вправе выбирать себе наставника¹¹, транзакционные издержки организации образовательного процесса являются низкими. Бюрократическое обеспечение в данной матрице появилось только в крупных организациях, где наставничество было “поставлено на поток”, и у администрации возникло желание контролировать то, чему наставники учат своих учеников.

В современном обществе наставничество также популярно. Согласно исследованию Forbes, собственные программы наставничества в 2023 г. имели 84% компаний из Fortune 500 и 100% — из Fortune50¹². Активно развиваются они и в российских компаниях как в части внутриорганизационных программ, так и при посредничестве сторонних цифровых платформ. В 2023 г. сфера наставничества в России получила новый импульс для развития (был объявлен год Наставника). Подъем связан с вниманием государства к проблемам наставничества и стремлением развить практику наставничества на новом уровне. В частности, на платформе Добро.рф был запущен сервис для наставников, уже размещено более 2,5 тыс. проектов в различных направлениях¹³.

Наставничество исправляет главный недостаток традиционной матрицы образования — отсутствие адаптации знаний и умений выпускника учебного заведения к конкретному рабочему месту. В целом, индивидуальную форму передачи конкретных знаний по

¹¹ Прим.: В современных организациях с учетом возможностей цифровизации существуют программы, позволяющие наставникам и “ученикам” выбирать друг друга.

¹² Winstanely G. Mentoring statistics you need to know — 2024 // General Mentoring Statistics. 2024.21.02. URL: <https://mentorloop.com/blog/mentoring-statistics/> (accessed: 01.06.2024).

¹³ Платформа по наставничеству Добро.пф. URL: <https://mentor.dobro.ru/>

профессии можно признать успешной во все времена. Важно подчеркнуть, что реализуется эта матрица сегодня кадровыми службами организаций и обычными работниками, а отнюдь не учебными заведениями. Тем самым значимая часть знаний современного человека формируется вне рамок формальных образовательных институций¹⁴. Это является принципиально важным для определения направлений трансформации института образования в постиндустриальном обществе.

Что касается подвидов матрицы наставничества, то несмотря на разнообразие возникающих форм (скоростное, целеполагающее, виртуальное, флеш наставничество и др.), значимыми являются два. Первый насчитывает многотысячелетнюю историю и заключается в передаче знаний, умений и опыта от более возрастного работника молодому. Это прямое наставничество. Второй вид появился совсем недавно и связан с исключительно быстрым и повсеместным развитием ИКТ, — реверсивное (обратное) наставничество. Молодые начинают учить возрастных сотрудников работе на современной технике и с современными технологиями¹⁵. Развитие такого наставничества неизбежно в постиндустриальном обществе и разрушает традиционное представление о структуре образования.

Матрица гувернерства и тьюторства. Эта матрица является на сегодняшний день самой “недооцененной” и одновременно подтвердившей свою эффективность именно в тех направлениях обучения, в которых “проваливается” традиционная матрица. “Мадам” и “мусье”, учившие дворянских детей в прошлые века, воспринимались как архаичные фигуры, не имеющие ничего общего с современной цифровой образовательной реальностью. Содержание индивидуальных преподавателей часто рассматривается как роскошь, доступная только высшему классу. Постараемся развеять эти предубеждения, безусловно, имеющие рациональную основу, но сильно преувеличенные.

Сегодня очевидны достижения гувернеров доиндустриального общества. Их ученики знали по несколько языков, хорошо умели рисовать и музицировать, писали стихи и великолепно “владели

¹⁴ Щербинин С.Н., Мысливец Н.Л., Барков С.А. Наставничество как инструмент привлечения лиц пенсионного возраста к активной трудовой деятельности // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология. 2022. Т. 12. № 1. С. 91–96.

¹⁵ См. подробнее: Старшее поколение в постиндустриальных реалиях / Под общ. ред. С.А. Баркова, И.В. Кузнецовой, А.В. Маркеевой. М., 2022; Маркеева А.В., Колодезникова И.В. Технологии вовлечения пожилых в трудовую деятельность (обзор зарубежного опыта) // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 11. С. 18–24.

эпистолярным жанром”¹⁶. И все эти достижения имели место в условиях, когда большинство их подопечных не отличались высокой мотивацией к учебе. Им это было не нужно для сохранения высокого социального статуса. Были и действительно талантливые ученики, которые с рвением осваивали ту сферу, где чувствовали свое призвание. Но их были единицы, а с позиций сегодняшнего образования — буквально все отпрыски дворянских семей могут быть записаны в “таланты”. Этот очевидный результат может быть важнейшим доказательством преимуществ индивидуального обучения.

Сегодня тысячи школьников России в течение сотен часов учат иностранный язык. И 90% отучившихся не могут ни говорить, ни читать на нем. Несколько меньшие средства, но с тем же результатом государство в рамках традиционной матрицы образования вкладывает в обучение рисованию и музыке. При этом с частным педагогом английский язык многие изучают за 1,5–2 года. Если представить себе гипотетическую ситуацию, при которой государство передаст деньги, расходуемые на изучение иностранных языков в школах и вузах, родителям, которые наймут своим детям частных учителей, уровень знания в этой области увеличится в разы.

Индивидуальное преподавание обладает скрытыми возможностями, которые стали видны только в эпоху постмодерна на основе подобных сравнений. Конечно, существуют рационально обоснованные и очевидные преимущества, заключающиеся в адаптации скорости и методов обучения к конкретному ученику, а также его невозможность отвлечься от изучения материала в процессе общения с учителем. Но все же результаты, на которые было указано выше, могут быть объяснены только таким образом, каким институционалисты доказывают правомерность и эффективность долгого существования, казалось бы, нерациональной совокупности правил. Так в сфере политики конституционная монархия часто воспринимается как “недо-республика”, как демократия, “отягощенная” ненужной бутафорией. Неслучайно до сих пор во многих странах с данной формой правления, ведутся дискуссии о возможной ее отмене. Но, как показала политическая практика XX в., именно нерациональные и “бутафорские” конституционные монархии были наиболее устойчивыми, не подверженными кризисам политическими режимами в Европе.

В одной из таких стран, славящейся своим консерватизмом, традиция и, соответственно, институциональная матрица гувернер-

¹⁶ Бокова В.М. Отроку благочестие блюсти... Как наставляли дворянских детей. М., 2024.

ства и тьюторства получила свое дальнейшее развитие. Речь о Великобритании. В ведущих университетах этой страны — Оксфорде и Кембридже — значительную часть времени студенты проводят с индивидуальными преподавателями, тьюторами. Им в индивидуальном порядке преподаются базовые предметы специализации, а также наиболее сложные дисциплины. Многовековая практика такого образования, его высочайший уровень позволяют сделать однозначный вывод о том, что активное использование индивидуального обучения может стать основой повышения эффективности образовательного процесса¹⁷.

Каковы же общие главные черты матрицы гувернерства и тьюторства? В процессе обучения ученику транслируются в первую очередь общие знания, хотя определенная часть и узкопрофессиональных знаний обязательно присутствует. Сам ученик может обладать низкой мотивацией к учебе, но все равно он сделает определенные успехи. Так как знания носят общий характер, а их подача зависит от качеств конкретного обучающегося, стандартизация обучения низкая. Каждый тьютор может выбирать свою методику обучения, свои учебники, свои “правила игры” с учеником.

Неудобство этой матрицы образования традиционно объяснялось наличием высоких транзакционных издержек. Чтобы снабдить обучающегося рядом преподавателей-тьюторов, необходимо переработать массу информации об их квалификации, ценах за занятие, времени их проведения. Затем следуют переговоры, обсуждение конкретных деталей (пусть даже неформального) договора. На все это нужно время и нужны деньги. Наличие в индивидуальном обучении большого количества транзакционных издержек, с экономической точки зрения, наилучшим образом объясняет необходимость создания и функционирования образовательных организаций — школ и вузов, где такие издержки минимизируются.

Развитие постиндустриального общества непосредственно связано с сокращением транзакционных издержек и возрастанием возможностей проведения транзакций на открытом рынке. Доступность реализации институциональной матрицы гувернерства и тьюторства обеспечивается сейчас в первую очередь развитием цифровых платформ и многообразных сервисов по поиску и оценке преподавателей. Даже один единственный портал PROFI.ru избав-

¹⁷ Гедгафова Л.М. Опыт тьюторского обучения в университетах Оксфорда и Кембриджа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2011. № 1. С. 119–124.

ляет родителей или иных заинтересованных лиц (вплоть до самих учеников) от множества звонков знакомым и родственникам, поездок для знакомства с преподавателем, сбора о нем достаточного количества информации. А таких порталов множество. В результате данная матрица образования становится доступной представителям не только высшего, но и среднего класса.

Высокие транзакционные издержки в рамках этой матрицы образования не исчезнут никогда, но они существенно сократятся и в определенной степени начинают себя оправдывать, так как непосредственно связываются с желанием найти лучшего или оптимального реализатора образовательного процесса.

Интересными и самобытными представляются подвиды данной матрицы. Первый из них — это образование элиты, это все те же гувернеры, тьюторы для детей в особняках или в самых престижных университетах. Он укоренен в истории человечества (вспомним об Аристотеле как учителе Александра Македонского), будет существовать и далее, но на нем реальные воплощения этой матрицы не заканчиваются.

Второй подтип, очень распространенный сегодня как у нас в стране, так и за рубежом представляет собой индивидуальное обучение искусствам, музыке, спорту. Он тоже не дешев (если только индивидуального тренера или преподавателя не оплачивает государство), но доступен значительно большему количеству людей, чем только членам элиты общества. Доступность определяется частичностью образования: с тьютором ученик учит только один предмет. Следует обратить внимание, что эта матрица реализуется по отношению к наиболее талантливым ученикам даже в рамках традиционной организации образовательного процесса.

В современном менеджменте существует интересное направление — управление талантами. Его предпосылкой является тот факт, что успех фирмы часто зависит от нескольких талантливых людей, которым дают возможность “раскрыться”. Для этого перенимают опыт работы режиссеров с актерами; специфическим, нестандартным образом планируют офисное пространство; создают широкие временные и организационные возможности для творчества. Такое имеет место во многих организациях, следующих за управленческой модой¹⁸. Фактически, управление талантами дока-

¹⁸ Подробнее см.: Одегов Ю.Г. Управление талантами — реальность современного менеджмента // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2015. С. 92–99; Полевая М.В., Сальваторе Д., Камнева Е.В. Управление талантами: трактовка, систематизация, опыт // Управленческие науки. 2018. № 4. С. С. 104–111.

зывает свою дееспособность на микроуровне. Резкое расширение использования институциональной матрицы гувернерства и тьюторства создает предпосылки к управлению талантами в масштабах страны, т.е. на макроуровне. Как уже говорилось ранее, ученики гувернеров прошлых веков сегодня воспринимаются как таланты, которым подвластны те умения, которые наблюдаются сегодня у немногих людей. Постиндустриальное общество в целом тяготеет к тому, чтобы повторять элементы доиндустриального на новом уровне. Этот феномен, следуя диалектической логике, можно называть “закручиванием спирали” времени¹⁹. В сфере образования вполне возможно такое закручивание в случае возрождения данной институциональной матрицы, безусловно, приспособленной к новым условиям.

Третий подвид матрицы гувернерства и тьюторства основан на передаче знаний и умений от родителей к детям. Сама по себе такая передача создает проблемную ситуацию. К вечным конфликтам отцов и детей прибавляются еще и эмоциональные переживания по поводу усвоения знаний. Некоторые родители однозначно отказываются от такой практики, и даже будучи специалистами в определенных областях, нанимают тьюторов (часто своих друзей) для подготовки детей. В случае реализации образовательного процесса между родителями и детьми должна быть некоторая “дистанция власти” (если использовать термин Г. Хофштеде). Должно наличествовать определенное отчуждение. В прошлые века она существовала, и наставниками часто выступали родители. Сегодня такая дистанция — скорее исключение из правила. Но в мире находится немало родителей, которые в современных условиях все же берут на себя ответственность за образование детей.

Нежелание родителей выступать в качестве тьюторов не препятствует тому, чтобы на практике реализовывалась такая схема получения знаний детьми. Формальные нормы традиционной матрицы образования вообще исключают родителей из образовательного процесса. На практике же самые главные знания в жизни он получает от родителей. В школу он поступает, уже умея считать до ста, умея читать и писать. Все эти навыки по неформальным институтам должны привить ему родители, бабушки и дедушки. Фактически, все то, чем гордилось групповое обучение в период ликвидации безграмотности, сегодня переложено на плечи родителей-тьюторов. Опять же в силу неформальных институтов традиционной обра-

¹⁹ Подробнее об этом см.: Барков С.А., Зубков В.И. Монологи и диалоги о пост-модерне и постмодернизме. М., 2019. С. 355–375.

зовательной матрицы тьюторскую роль родители не теряют и после поступления ребенка в школу. Сегодня многие учителя любят повторять о том, что родители должны учиться вместе с детьми. Им и приходится это делать. Выясняется, что без индивидуального образования даже формально ориентированная на групповое обучение матрица существовать в постиндустриальном обществе не может. Поэтому повысить общественный статус и сделать более распространенными тьюторство кажется вполне уместным.

Наконец, существует еще один, наиболее распространенный подвид данной матрицы в нашем обществе. Это репетиторство. Но все же, с институциональной точки зрения, оно образует самостоятельную матрицу, так как всецело определяется прагматическими задачами поступления куда бы то ни было или сдачи экзаменов.

Матрица репетиторства²⁰. Репетиторство отличается от гувернерства и тьюторства высокой конкретностью получаемых учеником знаний. Если наставник дает конкретные знания для работы, то репетитор предоставляет такие же знания для сдачи экзамена. Успешная сдача экзамена — это еще не знание предмета. И чем выше формализация сдачи экзамена, тем больше эта разница. Поэтому часто в обыденной жизни синонимом репетиторства выступает не образование, а “натаскивание”. Вместе с тем и в форме репетиторства индивидуальное образование показывает свою эффективность, чему можно найти множественные примеры. Иногда школьник-спортсмен, почти не учившийся в школе в силу своего участия в соревнованиях, за считанные месяцы осваивает программы нескольких классов и сдает экзамен.

Если же экзамен не сильно структурирован и сдается по неизвестным ни ученику, ни преподавателю вопросам, репетиторство оказывается очень эффективной матрицей образования, так как в большинстве случаев использует сильную мотивацию обучающихся и ориентирует их на знание всего предмета, а не отдельных вопросов.

В нашей стране снижение уровня подготовки поступающих после введения ЕГЭ одной из своих причин имеет нивелирование матрицы традиционного репетиторства. В свое время многие сторонники ЕГЭ говорили о том, что с его введением репетиторство

²⁰ Иногда наиболее успешные или наиболее алчные репетиторы ведут занятия с группами. Но, по большому счету, это все же исключения из общего правила. Поэтому институциональная матрица репетиторства включена в тип индустриального обучения.

исчезнет. Этого не произошло. Но сменился подвид данной институциональной матрицы. Репетиторство для сдачи ЕГЭ стало исключительно натаскиванием, а ранее оно объединяло подготовку к сдаче экзамена и реальную передачу знаний.

Для кого-то репетиторство — это коррупция, но с экономической точки зрения, это эффективный способ наращивания человеческого капитала. В результате работы репетиторов люди становятся умнее, и в современных реалиях долгий исторический опыт репетиторства как наиболее часто встречающейся в нашей стране матрицы индивидуального обучения необходимо использовать и развивать.

Теперь перейдем к матрицам группового (коллективного) обучения. С рациональной точки зрения, оно должно было бы всегда быть лучше, чем индивидуальное. Во-первых, оно способствует разнообразным “синергетическим” эффектам от взаимодействия разных людей. Одни ученики помогают другим. Другие могут объяснить материал на языке, понятном большинству обучающихся, третьи нацелены на конкуренцию с товарищами и из-за этого более активно учатся. Подобного рода эффекты можно продолжать. Во-вторых, именно в общении со сверстниками у человека вырабатываются базовые мягкие навыки (умение общаться, правильно вести себя в конфликтных ситуациях, толерантность, умение поддерживать “деловые” отношения и др.). В силу этого второго достоинства невозможно отказаться от группового обучения. Оно обязательно должно присутствовать в жизни человека. Но, может быть, в меньших объемах, чем это было в индустриальном обществе. Наконец, в-третьих, оно дешевле.

По сравнению с достоинствами недостатки группового обучения выглядят “блекло” и, вроде бы, должны полностью “окупаться” его позитивными свойствами. Однако этого не происходит. Во-первых, недостатки такого обучения кроются в эксцессах групповой динамики. И речь не только о явных эксцессах таких, как конфликты или моббинг. Главный эксцесс — это отвлечение на общение от получения знаний. В группе внимание всегда рассеивается. Во-вторых, групповое обучение по определению не может учесть значительную часть индивидуальных различий между обучающимися.

Матрица массового обучения. Массовое обучение стало знакомением индустриальной эпохи. Крестьянин тысячелетиями выполнял разные виды работ, не требовавших грамотности. С рабочими ситуация изменилась. Труд на индустриальных предприятиях стал предполагать наличие у людей умения читать и писать. И во всех

странах в разное время возникла ситуация, требовавшая одновременного обучения миллионов людей. Поэтому матрица массового образования может быть также названа матрицей ликвидации безграмотности. Для этого в образование были перенесены принципы массового производства. Фактически, эта матрица представляет собой адаптацию фордизма к сфере получения общих знаний. При этом мотивация учащихся была очень высокой — получая образование, они меняли свою жизнь, зримо повышали свой социальный статус. Люди с радостью учили математику, физику, биологию, даже не всегда задумываясь о том, что из этого им пригодится в жизни. Но самое главное, что они стали уметь читать и писать, а это нужно было каждому.

Когда все взрослое население прошло через процедуру ликвидации безграмотности, а среднее образование стало всеобщим, фордистские методы организации обучения стали постепенно отходить в прошлое. Матрица массового обучения сменилась традиционной матрицей образования, но наследие фордизма оказалось достаточно живучим, и все десятилетия после ликвидации безграмотности лучшие учителя по всему миру пытались и пытаются бороться с излишней унификацией методов и содержания образования.

При всей своей видимой рациональности матрица массового обучения содержала в себе и неявные институты. Важнейшей из них был пиетет перед учителем. В этом пиетете было и уважение к старшим, воспитываемое в доиндустриальном обществе, и восприятие учителя как человека “приобщенного к тайнам науки”, и привычка, выработанная на фордистском производстве, беспрекословно подчиняться начальникам. Во многом вследствие наличия этой институции матрица массового образования, авторитарная по своей сути и принципиально не учитывающая индивидуальных различий между обучаемыми, оказалась столь успешной в короткий, отведенный ей историей, период времени.

Матрица традиционного образования в качестве своего главного правила имеет передачу общих знаний в групповой форме. Большинство других ее составляющих соответствуют здравому смыслу, и поэтому многие люди полагают, что такая матрица является единственно возможной в передаче знаний от учителя в школе или преподавателя в вузе к ученику или студенту. Как было показано выше, это отнюдь не так.

Традиционная матрица существует уже много десятилетий, а где-то даже и столетий, и распространена по всему миру поэтому в ней можно выделить множество подвидов по самым разным

основаниям. Но, когда о таком выделении спросят нашего соотечественника, он почти без колебаний выделит два главных подвида — это платный и бесплатный. Для нашей страны появление платного образования стало важнейшей институциональной трансформацией данной матрицы. Но, как показывает сравнительный анализ, в мировом масштабе эффективность традиционной матрицы не сильно определяется фактором платности. Для России характерно специфическое, “очень либеральное”, отношение к платным студентам. Отсюда вытекает и в целом низкая эффективность платных программ. Но, как можно увидеть из табл. 1, в большинстве стран высшее образование платное, и в этом случае такой проблемы не возникает.

Таблица 1

Платное и бесплатное образование в разных странах мира

Страна	Особенности бесплатного школьного образования	Особенности организации платного школьного образования	Наличие и особенности организации бесплатного высшего (вузовского) образования
США	Государственные школы (обучается около 90% детей)	Частные школы	Нет Но существует широкая сетка различных стипендий и грантов, а также кредитов на обучение
Канада	Государственные школы (обучается около 93% детей)	Частные школы	Нет Аналогичная с США ситуация
Велико-британия	Государственные школы	Частные школы, включая школы-пансионы (более 2000)	Нет Но есть система стипендий
Германия	Государственные школы	Частные школы, включая школы-пансионы и школы с проживанием в принимающих семьях	Есть Бакалавриат и магистратура бесплатные не только для немцев, но и для иностранцев. Студенты платят только семестровый взнос (от 60 до 400 EUR в семестр). Программы в основном на немецком языке; но есть и на английском

Италия	Начальное школьное образование обязательно и бесплатно для всех, включая детей мигрантов (в том числе и нелегальных). Далее бесплатно в государственных школах до высшей ступени (последних пяти классов из 13)	Высшая школа (последние 5 классов из 13)	Нет Но есть система стипендий: стипендии, которые выдаются по финансовому положению студента (need-based), и те, которые получают за академические достижения (merit-based)
Финляндия	Государственные школы. Бесплатно всем ученикам предоставляются обеды и школьные принадлежности	Практически отсутствуют частные школы	Есть Для граждан и для иностранцев при условии обучения на финском или шведском языке. Англоязычные программы платные, стоимость от 4000 до 15000 EUR в год
Норвегия	Государственные школы, в которых могут также учиться дети мигрантов	Практически отсутствуют частные школы	Есть Для местных студентов и для иностранцев (можно выбирать и англоязычные программы). Студенты оплачивают лишь семестровый сбор в размере 30–60 EUR
Аргентина	Государственные школы, в которых могут также учиться дети мигрантов	Частные и католические школы	Есть Степень бакалавра бесплатно как для местных студентов, так и для иностранцев (на испанском языке)
Бразилия	Государственные школы (очень большие классы, средняя численность 40–70 человек в классе)	Частные школы	Есть В государственных университетах образование бесплатно для всех, включая иностранных студентов (на португальском языке)
Чехия, Словакия, Польша	Государственные школы	Частные школы (в Чехии существуют даже специальные школы для русских учеников)	Есть В государственных университетах образование бесплатно для всех, включая иностранных студентов (на государственном языке страны)

Япония	Начальная и средняя школа (является обязательной) в государственных школах	Частные школы, высшая ступень в государственных школах	Нет Но есть возможность получить гранты
Китай	Всеобщее 9-летнее образование в государственных школах	Высшая ступень школьного образования	Нет Но есть возможность получить гранты
Южная Корея	Государственные школы до 10 класса	Частные школы и три последних класса из 12	Нет Но есть возможность получить гранты

Бесплатное школьное образование существует практически везде и связано с реализацией одного из социальных прав человека — права на образование. Это право часто закрепляется в конституциях стран или отдельных законах. А высшее образование рассматривается как ценность, за которую студент или семья студента должны платить. Наличие бесплатного образования для иностранцев во многих странах Европы (а в ряде случаев появилось оно не так давно) связано со специфическим институциональным фактором. Желание бесплатно (или дешево) учиться может вызывать приток высококвалифицированных мигрантов в страну. Из-за низкой рождаемости европейские страны стали использовать бесплатное образование в качестве приманки для мигрантов. Такая ситуация еще раз подчеркивает многообразие целей, для которых используется социальный институт образования. Причем скрытые, неявные цели могут оказывать самое непосредственное влияние на формирование институциональной матрицы образования в конкретном месте и в конкретное время.

В России очень сильной неформальной институцией является социальное неодобрение платности образования. Согласно исследованиям 39% россиян считают, что высшее образование должно быть бесплатным²¹, безоговорочно заплатить за образование своих детей согласилась пятая часть опрошенных родителей (20%), 37% опрошенных не готовы оплачивать учебу детей²².

²¹ Исследование показало отношение россиян к платному высшему образованию // РИА новости. 2023.29.08. URL: <https://ria.ru/20230829/obrazovanie-1892806556.html> (дата обращения: 20.05.2024).

²² Опрос показал отношение россиян к платному образованию // РБК. 2020.28.08. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f48dab39a794772f9fda504> (дата обращения: 20.05.2024).

Советское наследие и современный постоянно возобновляемый дискурс о важности человеческого капитала делают платное образование в глазах наших соотечественников чем-то маргинальным, вызванным бедностью государства и разрушающим традиционную матрицу образования. Но спорить с экономикой сложно. Если даже в странах с более высоким уровнем жизни, более высокими налогами значительная часть высшей ступени школьного образования и высшее образование является платным, стоит задуматься о неизбежности развития платного образования и в России. “Загнанное в угол” общественным мнением оно проявляет себя в “поборах”, с которыми сталкиваются родители уже с первых классов школы, в привлечении в вузы в качестве платных студентов тех людей, которые по своим интеллектуальным возможностям не должны там учиться, и многих других проблемах. Как и любое институциональное изменение, “оправдание” платного образования происходит очень медленно. Но такая тенденции есть: уже в ряде регионов, где до предела сократили бюджетный набор на юридические и экономические специальности, многие родители, подобно гражданам Китая, начинают заранее копить деньги, если хотят видеть своих детей специалистами в этих областях.

За десятилетия своего существования традиционная матрица образования обрела дополнительные неявные смыслы и подверглась множественным трансформационным процессам. От формалистской системы образования она отличается двумя важными моментами. Во-первых, ранее уже говорилось, что сегодня в школу ученики уже приходят, умея читать и писать. Освоение ряда предметов может даваться ученику с трудом, и тогда возникает потребность в репетиторах. Финальный экзамен в рамках данной матрицы настолько сложен, что и для его успешной сдачи в большинстве случаев требуется прибегнуть к услугам репетиторов. Традиционная матрица оказывается неявно детерминирует использование матрицы тьюторства и репетиторства, хотя конвенционально воспринимается как самодостаточная. Во-вторых, в ней отсутствует неформальная институция пиетета перед учителем. Демократизация общества сделала свое дело. Нивелирование иерархических отношений между учителем и учеником наблюдается в разных масштабах во многих странах мира, включая Россию.

Если матрица массового обучения концентрировалась на формировании навыков чтения, счета и письма, а остальные предметы воспринимались как некое красивое к ним дополнение, в традиционной матрице по определению все предметы равны, и ученик

должен успевать по всем дисциплинам. Этот предельный “эгалитаризм” явно вступил в противоречие со здравым смыслом, согласно которому всегда есть главные и второстепенные дисциплины. Внедрение ЕГЭ “перевернуло” ситуацию, не улучшив ее. Теперь два последние года учебы в школе ученики, да и учителя всецело отдают силы только “главным” предметам, по которым пройдет финальный экзамен. От полноценного образования в данный период переходят к “коллективному натаскиванию” для завершения обучения²³.

Скрытая нерациональность традиционной матрицы усиливается процессами изменений, имеющими вроде бы позитивные цели, но обрастающими множеством непредвиденных последствий. К таким процессам следует отнести поиск максимальной объективности в оценке знаний, что приводит к тотальной бюрократизации и формализации (в том числе и экзаменационных заданий). Борьба с коррупцией оборачивается отчуждением между учениками и учителем, а также принижением социальной значимости тех услуг, которые оказывают частные преподаватели и репетиторы. Стремление к экономической эффективности приводит к перегрузкам учителей и выработке искусственных показателей этой эффективности²⁴.

Институциональные противоречия и функциональные проблемы традиционной матрицы можно долго перечислять. Традиционная матрица оказывается поражена множеством институциональных и управленческих “болезней”, а технический прогресс и постмодернизация сознания людей часто делают ее мало совместимой с окружающей социально-экономической реальностью. Именно поэтому буквально во всех странах уже с конца XX в. постоянно говорят о кризисе образования и необходимых его реформах.

Матрица образования взрослых формировалась в основном не в учебных заведениях, а в отдельных организациях — как коммерческих, так и некоммерческих. Речь идет о подготовке, переподготовке и повышении квалификации. Сегодня к практической реализации данного направления в образовании активно привлекаются вузы,

²³ Еще больше усугубит ситуацию масштабирование на всю страну проекта, апробированного с 2023 г. в Москве, в ходе которого во втором полугодии 11 класса учащиеся освобождаются от большинства предметов, вместо них предлагается посещать практикумы для подготовки к ЕГЭ.

²⁴ Барков С.А., Маркеева А.В., Гавриленко О.В. Инновационная бюрократия в управлении высшим образованием // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1. С. 58–72.

в России существуют даже особые нормативы, заставляющие их этим заниматься. Если сюда прибавить еще ряд направлений, связанных с удовлетворением не корпоративных, а личных интересов обучающихся, получится очень пестрая картина послевузовского образования.

Большинство этих направлений объединяет одно важнейшее обстоятельство: человека никто после вуза не заставляет учиться. У обучающихся высокая внутренняя мотивация, и на ее основе легко решается проблема оппортунистической природы образования. Наиболее рациональные мотивы связаны с трудовой деятельностью — это карьерные соображения и желание более полно реализоваться в профессии даже без карьерного роста.

В последнее время специфической реализацией данной матрицы стали “серебряные” университеты, рассчитанные на обучение лиц старших возрастов (пенсионеров и предпенсионеров). В их программах явно существует отклик как на мотивы, связанные с работой (курсы компьютерной грамотности), так и на мотив получения удовольствия (курсы отечественной и зарубежной истории, иностранных языков, психологии и др.)²⁵.

Однако специфический подвид матрицы образования взрослых определяется не контингентом обучающихся, а целью обучения. Идущая под самыми благими лозунгами бюрократизация организационной жизни во всех видах организаций — от государственной службы до ритейла — привела к тому, что в определенное время человеку стал обязательно требоваться документ, подтверждающий его квалификацию или ее повышение. В ряде случаев это действительно важно и нужно. Но иногда чиновники и менеджеры корпораций просто “коллекционируют” дипломы. Образование взрослых, ориентированных на выполнение бюрократических процедур — это особая институциональная матрица. Она активно развивается в России. Здесь внутренняя мотивация замещается внешней, которая не спасает от оппортунизма. Для осуществления на практике императива непрерывного образования, растет количество программ, которые по большому счету не нужны ни преподавателям, ни обучающимся, но востребованы руководством организаций в качестве подтверждения их следования самым модным тенденциями в HR-менеджменте.

Если же оставить за скобками этот специфический подвид матрицы образования взрослых, она в постиндустриальном обществе

²⁵ Барков С.А., Маркеева А.В. Пожизненное обучение как императив реформирования государственно-частной системы образования в России // ЭКО. 2022. № 12. С. 106–126.

оказывается исключительно востребованной и решающей самые разные проблемы — от очевидного устаревания знаний до обретения психологического комфорта от общения в пожилом возрасте.

Матрица бирюзового образования. Название данной матрицы весьма условно. Условным может показаться и само объединение в матрицу очень несхожих между собой явлений. На самом деле, это матрица экспериментального образования, нацеленного на решения очевидных проблем традиционной матрицы. Эксперименты такого рода насчитывают не одно десятилетие и чаще всего вызваны к жизни отдельными “неравнодушными” педагогами или группами педагогов-единомышленников. Любой эксперимент по своему уникален, он нарушает сложившиеся институциональные правила и нормы. Но, в данном случае, объединение экспериментов в общую матрицу оказалось возможным в силу того, что все они решали и решают примерно одни проблемы и ориентированы на общие направления реформирования группового обучения. Очень показательный пример такого эксперимента приведен в книге автора термина “бирюзовая организация” Ф. Лалу, отсюда и возникло название матрицы. Лалу приводит в качестве примера Берлинскую евангелическую школу ESBZ, созданную в 2007 г. Организацию образовательного процесса в ней он описывает так: “Самостоятельное изучение основных предметов в выбранном учеником темпе занимает первые два часа утренних занятий. Большую часть дня занимает работа над индивидуальными и коллективными проектами, связанными с задачами из реальной жизни. Одни ученики занимаются перепланировкой части школьного здания, а потом координируют ремонтные работы, проводимые по их плану. Другие ведут переговоры с городским советом, чтобы убедить его принять более высокие стандарты защиты окружающей среды”²⁶.

Общими чертами бирюзовой матрицы являются: ориентация на 1) индивидуализацию обучения, адаптацию его методик и содержания к конкретному ученику/студенту; 2) поощрение инициативы учащихся, их самоуправления и ответственности за свои действия; 3) активное общение учителя как с учениками по отдельности, так и с их группами, обсуждение самых разных учебных и жизненных ситуаций без обязательной привязки к тому предмету, который учитель преподает. Наряду с этими направлениями работы в полном соответствии с современной теорией менеджмента в бирюзовой матрице образования активно применяется проектный подход.

²⁶ Лалу Ф. Открывая организации будущего. М., 2016. С. 95.

Образование всегда было и останется процессом. При этом любую дисциплину можно изучать сколь угодно долго. Результатами такого изучения в традиционной матрице являются оценки. Но сегодня для думающих учеников их недостаточно. Им хочется видеть конкретный результат обучения, а любую человеческую деятельность, заканчивающуюся нестандартным результатом, можно назвать проектом. Поэтому почти во всех современных попытках улучшить традиционную матрицу находится место учебным и внеучебным, индивидуальным и групповым проектам.

Сегодня проекты как элемент бирюзовой матрицы активно проникают в традиционную матрицу образования²⁷, хотя сами по себе изменить ее они не в силах. Нужны комплексные усилия по созданию новой институциональной среды образования. Так в берлинской школе проекты применяются не только в учебе, но и в внеклассной деятельности ученика, которого ориентируют на проявление значимых для общества инициатив.

Вскрывая базовые проблемы традиционной матрицы — отсутствие индивидуального подхода к обучающимся и ориентацию не на знание предмета, а на оценки — бирюзовая матрица проявляет себя на практике множеством разнообразных экспериментов, многие из которых оказываются удивительно удачными, но при этом почти всегда базируются на воле и творческой энергии отдельных людей.

Рассмотренные институциональные матрицы достаточно сильно отличаются друг от друга по ряду важных критериев и создают специфические среды (институциональные контексты) реализации образовательного процесса. Первый критерий относится к содержанию образования, он подразделяет передаваемые обучающемуся знания на конкретные и общие. Вторым критерием выступает сама мотивация обучающегося. Критерием, непосредственно относящимся к организации обучения, является стандартизированность процессов и бюрократический контроль. Последним критерием, определяющим специфику институциональной матрицы образования, служит уровень получаемых знаний.

Сравнительная информация о всех восьми рассмотренных выше институциональных матрицах образования представлена в табл. 2.

²⁷ Ertelt B.-J., Kondurov R., Scharpf M., Barkov S. A., Kolodeznikova I. V. Project studies as a transborder didactic tool in higher education (the case of the German-Russian study project) // Theory and Practice of Project Management in Education: Horizons and Risks 2020. SHS Web of Conferences. France, 2020. Vol. 79. P. 02005.

Институциональные матрицы образования

Обучение	Индивидуальное				Групповое			
	Самообразование	Наставничество	Гувернерство, тьюторство	Репетиторство	Массовое обучение	Традиционное образование	Образование взрослых	Бирюзовое образование
Условное название матрицы								
Получаемые знания и навыки	Конкретные	Конкретные	Общие	Общие как конкретные	Общие	Общие	Конкретные	Конкретные как общие
Мотивация обучающихся	Высокая	Высокая или средняя	Разная, может быть самая низкая	Высокая	Чаше высокая	Чаше низкая	Высокая	Высокая
Стандартизированность процессов	Низкая	Высокая, есть учет индивидуальных различий	Низкая	Высокая, но есть учет индивидуальных различий	Очень высокая	Средняя	Высокая	Низкая
Бюрократическое обеспечение	Отсутствует	Низкое	Отсутствует	Отсутствует	Высокое	Высокое	Высокое	Низкое
Трансакционные издержки	Отсутствуют	Низкие	Высокие	Высокие	Минимальные	Низкие	Средние	Средние

Таблица 2 (окончание)

Групповое		Средний и высокий
	С целью получения знаний	Средний и высокий
	С целью получения диплома/	Низкий
	Платное	Низкий и средний
	Бесплатное	
		Низкий
Индивидуальное	Натаскивание + тьюторство	Средний и высокий
	Натаскивание	Средний
	Обучение искусству	Средний и высокий
	Обучение родителями	
	Обучение элиты	
	Обратное	Средний
	Прямое	
	Удовольствие	Самый разный
	Семья, дом, хобби	
	Работа	
Обучение	Подвиды матриц	Уровень получаемых знаний

Возможные социально-управленческие приоритеты в изменении института образования в постиндустриальных реалиях

Произведенное выше рассмотрение институционального контекста и систематизация институциональных матриц образования выявили некоторые актуальные проблемы социального управления в данной сфере. Решение этих проблем видится в следующих направлениях институциональных изменений:

- расширение возможностей индивидуального образования, т.е. дополнительные возможности реализации матриц самообразования, гувернерства-тьюторства и репетиторства;
- выравнивание статусов платного и бесплатного образования;
- активное развитие образования взрослых для реализации внутренних мотивов человека вплоть до старости, а не для соответствия бюрократическим правилам HR-менеджмента;
- расширение и компетентное использование ИКТ и ИИ в образовательном процессе.

В современных условиях невозможен резкий отказ от традиционной матрицы образования. Да это и не нужно, данная матрица обладает определенными преимуществами, прежде всего в части социализации молодых людей. Однако ее “провалы” по ряду направлений очевидны. Групповое обучение четко обозначило свои ограничения. Для повышения эффективности образования следует активнее использовать самообразование и иные формы индивидуального обучения.

Наращение объемов информации, которые в принципе, должен освоить школьник или студент приводит к тому, что в образовании естественным образом выделяются главные и второстепенные предметы. Сегодня молодые люди просто не хотят запоминать сведения, которые легко почерпнуть с помощью цифровых технологий.

Внедрение индивидуального обучения важно именно в процессе изучения тех предметов, которые родители ученика или сам ученик считают главными. Здесь групповая динамика со всеми ее эксцессами не должна мешать эффективной передаче знаний и усвоения материала. Сегодня уже то, что в присутствии тьютора или репетитора в десятки раз сложнее использовать гаджет при выполнении того или иного задания, резко повысит эффективность обучения.

В качестве административных шагов, способствующих данному институциональному изменению, можно предложить существенное

сокращение групповых форм обучения (что снизит перегрузки у учеников и преподавателей), развитие настоящего, полностью равноправного с обычным обучением экстерната, а также возможную компенсацию государством расходов родителей на индивидуальное обучение.

Важным обстоятельством развития индивидуального образования представляется то, что тьютор может не только и даже не столько учить предмету, сколько формировать общие интеллектуальные способности человека — память, внимание, аналитические способности и др. Для всего этого необходимо запоминать большой объем информации и не прибегать к услугам цифровых технологий при ответе на каждый вопрос. Создать условия для этого под силу только индивидуальному преподавателю.

Необходимым представляется стимулирование различных форматов семейного обучения (*хоумскулинг*), при которых ребенок обучается по школьной программе и проходит обязательные аттестации, не посещая на постоянной основе образовательную организацию. Сочетание в таком обучении традиционных форматов семейного образования (в качестве педагогов выступают родители), так и разнообразных вариантов дистанционного обучения, позволяет более рационально распределить время на изучение предметов (увеличив время на нужные предметы и сократив на второстепенные), преодолеть ограничения, связанные с привязкой к конкретному учебному заведению (это могут быть как ограничения, связанные с качеством образования в конкретном заведении, так и с личностными особенностями самого обучающегося). Для отдельных ситуаций следует признать возможность реализации и совсем редких форм семейного обучения, в частности *анскулинга*, при которых отсутствуют программы обучения и аттестации. Это особый вид обучения (близкий описанной выше бирюзовой модели), при котором ребенок не учится целенаправленно определенным предметам, а получает знания, задавая интересующие его вопросы и отыскивая ответы самостоятельно или с помощью родителей.

Перевод части образования в индивидуальную форму при всей сложности, а порой и болезненности этой ситуации в определенной мере решит и задачу “оправдания” платного образования. То, что за услуги частных преподавателей нужно платить, является частью современной реальности, как в России, так и в другой стране. При общем отрицательном отношении к платному групповому образованию у россиян есть понимание “естественной” платности услуг тьюторов и репетиторов. Высокие результаты обучения в рамках

матриц индивидуального образования будут способствовать снижению отторжения платности.

Наконец, индивидуализация образования может быть органически связана с развитием ИИ. Во-первых, созданные с его использованием образовательные технологии могут приближаться по самой атмосфере их использования к индивидуальному обучению живым преподавателем²⁸. ИИ не даст списать и адаптирует учебный материал под конкретного человека. Во-вторых, в скором времени множественные задачи умственной работы будут переданы нейросетям. Каждый человек должен развивать в себе уникальные способности. Сделать это в группе почти невозможно. Наконец, в-третьих, использование ИКТ и ИИ просто значительно снизит цену индивидуального обучения. Современные технологии резко сокращают транзакционные издержки получения индивидуальных образовательных услуг, само взаимодействие с помощью цифровых технологий оказывается выгодным с экономической точки зрения. Однако здесь все же не следует полностью переходить на взаимодействие в сети, так как, по всей видимости, непосредственное личное общение обучающего и обучаемого является основой той самой загадки эффективности индивидуального обучения, которая в конечном счете лежит в основе предлагаемых институциональных трансформаций.

Органически выросшая из массового обучения времен ликвидации безграмотности традиционная институциональная матрица образования всегда сталкивалась с непреодолимыми сложностями по реализации индивидуального подхода к обучающимся. Сегодня настал момент, когда возможно задуматься над изменением норм и правил, составляющих основу данной матрицы. Ее скрещивание с матрицами индивидуального образования — сложный и длительный процесс, определенные предпосылки которого уже явственно обозначают себя. Скрещивание невозможно произвести административными методами, быстро изменив законы и инструкции, необходима целенаправленная политика, ориентированная на постепенное создание формальных институтов и неформальных институций, поддерживающих этот процесс. В прошлое должны уйти стремление к объективности любой ценой, отрицание элитарности образования, негативное отношение к платному образованию, вос-

²⁸ В российских языковых школах, например, Skyeng цифровой собеседник Кеша (на базе GPT-4) помогает в режиме 24/7 по ощущениям для пользователя как с индивидуальным преподавателем оттачивать навыки общения. Он самостоятельно моделирует диалог с обучающимся, анализирует ответы и мгновенно дает обратную связь, обнаруживая ошибки.

приятие репетиторства как коррупции и многое другое. Новые реалии требуют новых подходов, но иногда эти новые подходы представляют собой “хорошо забытое старое”, и в России с ее давними традициями гувернерства и репетиторства возвращение элементов институциональных матриц индивидуального обучения имеет все шансы создать позитивные эффекты в этой столь значимой сегодня сфере жизнедеятельности общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барков С.А. Организация и рынок: противостояние или согласие? М., 2008.

Барков С.А. Избавление от неопределенности — естественное желание и порочная стратегия человечества // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности. XV Международная научная конференция “Сорокинские чтения”: Сб. мат.-в. М., 2021. С. 331–333.

Барков С.А., Зубков В.И. Монологи и диалоги о постмодерне и постмодернизме. М., 2019.

Барков С.А., Зубков В.И. Социология организаций. М., 2024.

Барков С.А., Маркеева А.В. Пожизненное обучение как императив реформирования государственно-частной системы образования в России // ЭКО. 2022. № 12. С. 106–126. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-12-106-126.

Барков С.А., Маркеева А.В., Гавриленко О.В. Инновационная бюрократия в управлении высшим образованием // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1. С. 58–72. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-58-72

Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.

Бокова В.М. Отроку благочестие блюсти... Как наставляли дворянских детей. М., 2024.

“Великая трансформация” Карла Полаanyi: прошлое, настоящее, будущее / Под общ. ред. Р.М. Нуреева. М., 2006.

Гедгафова Л.М. Опыт тьюторского обучения в университетах Оксфорда и Кембриджа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2011. № 1. С. 119–124.

Исследование показало отношение россиян к платному высшему образованию // РИА новости. 2023.29.08. URL: <https://ria.ru/20230829/obrazovanie-1892806556.html> (дата обращения: 20.05.2024).

Итоги выборочного статистического наблюдения участия населения в непрерывном образовании. 2020 // Сайт Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/inobr2020/index.html (дата обращения: 17.05.2024).

Кирдина С.Г. Теория институциональных матриц: в поисках новой парадигмы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 1. С. 101–115.

Кузнецова О. Сколько детей учатся на СО? // Портал А-образование. 2024.09.02. URL: <https://ddbo.ru/news/%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BE-%D0%B4%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%B9-%D1%83%D1%87%D0%B8%D1%82%D1%81%D1%8F-%D0%BD%D0%B0-%D1%81%D0%BE/> (дата обращения: 01.06.2024).

- Лалу Ф. Открывая организации будущего. М., 2016.
- Маркеева А.В., Колодезникова И.В. Технологии вовлечения пожилых в трудовую деятельность (обзор зарубежного опыта) // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 11. С. 18–24.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
- Одегов Ю.Г. Управление талантами — реальность современного менеджмента // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2015. № 3. С. 92–99.
- Опрос показал отношение россиян к платному образованию // РБК. 2020.28.08. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f48dab39a794772f9fda504> (дата обращения: 20.05.2024).
- Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира. М., 2010.
- Полевая М.В., Сальваторе Д., Камнева Е.В. Управление талантами: трактовка, систематизация, опыт // Управленческие науки. 2018. № 4. С. 104–111.
- Старшее поколение в постиндустриальных реалиях / Под общ. ред. С.А. Баркова, И.В. Кузнецовой, А.В. Маркеевой. М., 2022.
- Щербинин С.Н., Мысливец Н.Л., Барков С.А. Наставничество как инструмент привлечения лиц пенсионного возраста к активной трудовой деятельности // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология. 2022. Т. 12. № 1. С. 91–96.

REFERENCES

- Barkov S.A. Organizatsiya i rynek: protivoborstvo ili soglasie? [Organization and market: confrontation or consent?]. М., 2008 (in Russian).
- Barkov S.A. Izbavlenie ot neopredelennosti — estestvennoe zhelanie i porochnaya strategiya chelovechestva [Getting rid of uncertainty — a natural desire and a vicious strategy of mankind] // Sovremennoe obshchestvo v usloviyakh sotsial'no-ekonomicheskoi neopredelennosti. XV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Sorokinskie chteniya": Sbornik materialov. М., 2021. С. 331–333 (in Russian).
- Barkov S.A., Markeeva A.V. Pozhiznennoe obuchenie kak imperativ reformirovaniya gosudarstvenno-chastnoi sistemy obrazovaniya v Rossii [Lifelong learning as an imperative for reforming the public-private education system in Russia] // ЕКО. 2022. N 12. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-12-106-126 (in Russian).
- Barkov S.A., Markeeva A.V., Gavrilenko O.V. Innovatsionnaya byurokratiya v upravlenii vysshim obrazovaniem [Innovative bureaucracy in the management of higher education] // Vest. RUDN. Ser. Sotsiologiya. 2024. T. 24. N 1. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-58-72 (in Russian).
- Barkov S.A., Zubkov V.I. Monologi i dialogi o postmoderne i postmodernizme [Monologues and dialogues about postmodernity and postmodernism]. М., 2019 (in Russian).
- Barkov S.A., Zubkov V.I. Sotsiologiya organizatsii [Sociology of Organizations]. М., 2024 (in Russian).
- Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' [Current Modernity]. SPb., 2008 (in Russian).

Bokova V.M. Otroku blagochestie blyusti... Kak nastavlyali dvoryanskikh detei. [Otroku piety to observe.... How noble children were instructed]. M., 2024 (in Russian).

Ertelt B.-J., Kondurov R., Scharpf M., Barkov S. A., Kolodeznikova I.V. Project studies as a transborder didactic tool in higher education (the case of the German-Russian study project) // Theory and Practice of Project Management in Education: Horizons and Risks 2020. SHS Web of Conferences. France, 2020. Vol. 79. P. 02005.

Gedgafova L.M. Opyt t'yutorskogo obucheniya v universitetakh Oksforda i Kembriidzha [Experience of tutor training in the universities of Oxford and Cambridge] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya. 2011. N 1. P. 119–124 (in Russian).

Issledovanie pokazalo otnoshenie rossiyan k platnomu vysshemu obrazovaniyu [The study showed the attitude of Russians to paid higher education/] // RIA novosti. 2023.29.08. URL: <https://ria.ru/20230829/obrazovanie-1892806556.html> (accessed: 20.05.2024) (in Russian).

Itogi vyborochnogo statisticheskogo nablyudeniya uchastiya naseleniya v nepreryvnom obrazovanii [Results of sample statistical observation of population participation in continuing education]. 2020 // Sayt Rosstat. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/inobr2020/index.html (accessed: 17.05.2024) (in Russian).

Kirdina S.G. Teoriya institutsional'nykh matrits: v poiskakh novoi paradigm [Theory of institutional matrices: in search of a new paradigm] // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2001. Vol. 4. N 1. P. 101–115 (in Russian).

Kuznetsova O. Skol'ko detei uchatsya na SO? [How many children study on Family Education] // Portal A-education. 2024.09.02. URL: <https://ddbbo.ru/news/%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BE-%D0%B4%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%B9-%D1%83%D1%87%D0%B8%D1%82%D1%81%D1%8F-%D0%BD%D0%B0-%D1%81%D0%BE/> (accessed: 01.06.2024) (in Russian).

Lalu F. Otkryvaya organizatsii budushchego [Opening organizations of the future]. M., 2016 (in Russian).

Markeeva A.V., Kolodeznikova I.V. Tekhnologii вовлечения pozhilykh v trudovuyu deyatel'nost' (obzor zarubezhnogo opyta) [Technologies of involving the senior citizen in working life (review of foreign experience)] // Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika [ociety: sociology, psychology, pedagogy]. 2020. N 11. P. 18–24 (in Russian).

North D. Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki [Institutes, institutional changes and functioning of the economy]. M., 1997 (in Russian).

Odegov Yu.G. Upravlenie talantami — real'nost' sovremennogo menedzhmenta [Talent management — the reality of modern management] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika [Vestnik Omskogo Universitet. Series: Economics]. 2015. P. 92–99 (in Russian).

Opros pokazal otnoshenie rossiyan k platnomu obrazovaniyu [The survey showed the attitude of Russians to paid education] // RBK. 2020.28.08. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f48dab39a794772f9fda504> (data obrashcheniya: 20.05.2024) (in Russian).

Osborn R. Tsivilizatsiya. Novaya istoriya Zapadnogo mira [Civilization. A New History of the Western World]. M., 2010 (in Russian).

Polevaya M.V., Sal'vatore D., Kamneva E.V. Upravlenie talantami: traktovka, sistematizatsiya, opyt [Management: interpretation, systematization, experience] // Upravlencheskie nauki. 2018. N 4. P. 104–111 (in Russian).

Shcherbinin S.N., Myslivets N.L., Barkov S.A. Nastavnichestvo kak instrument privlecheniya lits pensionnogo vozrasta k aktivnoi trudovoi deyatel'nosti [Mentoring as a tool to attract persons of retirement age to active labor activity] // Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 5. Ekonomika. Sotsiologiya. Biologiya. 2022. Vol. 12. N 1. P. 91–96 (in Russian).

Starshee pokolenie v postindustrial'nykh realiyakh [Senior Generation in Postindustrial Realities] / Ed. by S.A. Barkov, I.V. Kuznetsova, A.V. Markeeva. M., 2022 (in Russian).

“Velikaya transformatsiya” Karla Polan'i: proshloe, nastoyashchee, budushchee [“The Great Transformation” by Karl Polanyi: past, present, future] / Ed. by R.M. Nureev. M., 2006 (in Russian).

Winstanely G. Mentoring statistics you need to know — 2024 // General Mentoring Statistics. 2024.21.02. URL: <https://mentorloop.com/blog/mentoring-statistics/> (accessed: 01.06.2024).

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-1-99-114

СОЦИОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПРИНЦИПЫ И МЕХАНИЗМЫ

В.П. Васильев, канд. эконом. наук, доц., зав. кафедрой социологии государственного управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Н.Г. Деханова, канд. соц. наук, доц., доц. кафедры социологии государственного управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Ю.А. Холоденко, канд. экон. наук, доц., доц. кафедры социологии государственного управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234***

В статье рассматриваются основные научные и учебные направления деятельности кафедры социологии государственного управления социологического факультета МГУ в течение последних лет. Обозначена преемственность и вектор в развитии кафедры, направленный на сочетание социологической теории, практической социологии и управления. Социальные практики в России и других странах выдвинули целый ряд новых феноменов и проблем общественной динамики, которые требовали нового подхода к анализу роли государства, осмысления и трансляции в учебный процесс нового государственного сознания. Модернизация государственного управления, его соответствие интересам общества, формирование среднесрочных и долгосрочных целей социальной динамики стали логичными направлениями работы кафедры. Рассматриваемые проблемы актуализированы современной мировой и российской практикой, дискуссиями и спорами о долгосрочных тенденциях социального развития России.

Кафедра осуществляет подготовку студентов в области социологии государственного управления, социальной политики, макрорегулирования социальной динамики. Учебно-научная деятельность основана на актуальных проблемах анализа принципов и механизмов функционирования социального государства, стратегического планирования социальных процессов, институтов устойчивого развития, формирование государственных цифровых платформ.

* **Васильев Владимир Петрович**, e-mail: vasvp15@gmail.com

** **Деханова Наталья Геннадьевна**, e-mail: ndehanova@mail.ru

*** **Холоденко Юрий Александрович**, e-mail: hol.u@mail.ru

Междисциплинарный характер исследования ряда проблем государственного управления сочетается с приоритетностью социологического анализа форм и методов государственного управления и его влияния на качество жизни населения.

Ключевые слова: социология государственного управления, социальное государство, социальная политика, социальная динамика, устойчивое развитие, информационное общество, государственные цифровые платформы.

SOCIOLOGY OF PUBLIC ADMINISTRATION: PRINCIPLES AND MECHANISMS

Vasiliev Vladimir P., Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Public Administration Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1–33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: vasvp15@gmail.com

Dehanova Natalya G., Candidate of Sociology Sciences, Associate Professor Department of sociology of public administration, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: nde-hanova@mail.ru

Kholodenko Yuri A., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology of Public Administration, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Lewinsky Gory, 1, p.33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: hol.u@mail.ru

The article discusses the main scientific and educational activities of the Department of Sociology of Public Administration of the Faculty of Sociology of Moscow State University in recent years. The continuity and vector in the development of the department are indicated, aimed at combining sociological theory, practical sociology and management. Social practices in Russia and other countries have put forward a number of new phenomena and problems of social dynamics, which required a new approach to analyzing the role of the state, understanding and translating a new state consciousness into the educational process. Modernization of public administration, its compliance with the interests of society, the formation of medium- and long-term goals of social dynamics have become the logical directions of the department. The problems under consideration are actualized by modern world and Russian practice, discussions and disputes about the long-term trend of Russia's social development.

The department trains students in the field of sociology of public administration, social policy, and macro-regulation of social dynamics. Educational and scientific activities are based on topical issues of analyzing the principles and mechanisms of the functioning of the welfare state, strategic planning of social processes, institutions of sustainable development, and the formation of state digital platforms.

The interdisciplinary nature of the study of a number of problems of public administration is combined with the priority of sociological analysis of forms and methods of public administration and its impact on the quality of life of the population.

Key words: *sociology of public administration, welfare state, social policy, social dynamics, sustainable development, information society, government digital platforms.*

Создание Московского университета в 1755 г., его прочное здание и успехи основывалось на целом ряде продуманных целеполаганий М.В. Ломоносова и И.И. Шувалова, которые были путеводной звездой развития Московского университета до наших дней. Главная цель — обучение передовым наукам для служения Отечеству. Выступая на инаугурации университета в сентябре 1755 г., декан философского факультета Н.Н. Поповский специально подчеркнул следующее: “Чего ради позволено мне будет об одной токмо Философии, и то в краткости, упомянуть; тем наипаче, что-то ж разуметься может и о прочих науках, которые все к Философии, некоторым образом, принадлежать могут без сомнения для того, чтоб узнать, что может причиною быть нашего благополучия и от чего оное как действие последовать может?”¹

В 1804 г. университетское сословие было определено на четыре отделения, одно из которых было представлено как направление нравственных и политических наук². Под влиянием известных европейских исследований в области нравственной философии в московском университете в ряде курсов раскрывались проблемы социологического знания. Более точно, в курсах политической экономии, базировавшейся на методологии нравственной философии А. Смита, анализировались проблемы благосостояния и бедности. Еще до формального образования отделения в 1801 г. профессор Х.А. Шлецер, декан факультета в 1809–1810 гг., в курсе естественного права и политики раскрывал социо-управленческие практики и издал учебник “Начальные основания государственного хозяйства” (1805–1806 гг.). В различных вариантах социальная проблематика государственного управления развивалась в целом ряде общественно-гуманитарных наук Московского университета.

На созданном в 1989 г. социологическом факультете роль и механизмы государственного управления первоначально изучались на кафедрах социологии труда и социологии организаций, а в 1999 г. была создана кафедра государственного и муниципального управ-

¹ Летопись Московского университета. История Московского университета: вторая половина XVIII — начало XIX в. Сборник документов. Т. 1. 1754–1755 / Сост. Д.Н. Костышин. 2006. С. 339–343. URL: <http://letopis.msu.ru/> (дата обращения: 20.05.2024).

² Ирхин Ю.В. Формирование факультетов нравственных и политических наук в университетах России // Среднерусский вестник общественных наук. Серия политология. 2015. Т. 10. № 4. С. 56–64.

ления. Кафедра работала по направлениям подготовки специалистов как в области социологии, так и в области менеджмента организации.

В 2012 г. решением Ученого Совета МГУ кафедра “Государственного и муниципального управления” социологического факультета была преобразована в кафедру “Социологии государственного управления”. Определен новый вектор в развитии кафедры, направленный на сочетание социологической теории, практической социологии и управления.

Исследования и читаемые курсы выстраивались на основе методологических принципов социального государства, “провалов рынка” с привлечением социологических теорий типов господства, легитимности власти, теории рациональной бюрократии М. Вебера в их современной трактовке. Широкое научное и практическое значение социологии государственного управления базировалось на методологии социологического знания П. Сорокина, взаимосвязи теоретической и практической социологии, социальной политики. П. Сорокин считал, что в рамках теоретической социологии ученые-теоретики должны выявлять наиболее острые социальные проблемы, стоящие перед обществом, их причины и последствия, в то время как социологи-практики — предлагать пути их решения³. Комплекс мер, реализуемых в рамках социальной политики, направлен на преодоление бедности и неравенства, обеспечение социальных прав граждан и эффективной занятости, повышение уровня и качества жизни населения, т.е. построение более справедливого общества.

Социальные практики в России и других странах выдвинули целый ряд новых феноменов и проблем общественной динамики, которые требовали нового подхода к анализу роли государства, осмысления и трансляции в учебный процесс “нового государственного сознания”.

Модернизация государственного управления, его соответствие интересам общества, формирование среднесрочных и долгосрочных целей социальной динамики стали логичными направлениями работы кафедры. Новые задачи встали перед кафедрой в связи с переходом образования на двухуровневую систему и его модернизацией. Центральной задачей кафедры в связи с подготовкой и началом реализации нового стандарта высшего профессионального образования по направлению “Социология” стал поиск и разработка

³ Сорокин П.А. Система социологии. М., 2008. С. 61–63.

новых учебных курсов, направленных на реализацию компетенций в области социологии.

Научные исследования и учебная работа кафедры трансформировались, осуществлен логичный переход к доминанте проблем социального государства и социальной политики. При этом в структуре читаемых дисциплин сохранились базовые элементы государственного управления, понимаемого как особый социальный институт. Вместе с тем новое направление позволило более широко предметно исследовать и добавлять компетенции в учебном процессе студентам в области социальных изменений, социальной динамики на основе социологического знания. Рассматриваемые проблемы актуализированы современной мировой и российской практикой, дискуссиями и спорами о долгосрочном тренде социального развития России.

Современной актуальной задачей выступает анализ и механизмы реализации национальных целей социально-экономического развития РФ в контексте стратегического планирования⁴.

Кафедра осуществляет научно-исследовательскую работу в рамках приоритетной проблемы “Государственное управление социальными процессами в информационном обществе” по следующим направлениям:

- Принципы и механизмы функционирования социального государства.
- Стратегическое планирование социальных процессов.
- Институты устойчивого развития.
- Формирование государственных цифровых платформ.

Социальное государство — феномен XX в. Оно является воплощением в реальные практики идей социальной справедливости, сплоченности, солидарности. Его главные цели — обеспечение высокого уровня и качества жизни граждан, защита их социальных прав, поддержка уязвимых слоев населения. Однако экономической основой современного социального государства выступает рыночная система хозяйства, базирующаяся на принципах свободы экономического выбора, предпринимательской инициативы, конкуренции производителей.

Как обеспечить сочетание двух противоречащих друг другу доктрин, реализовать принципы социального государства и не подорвать мотивацию к труду у наиболее активной части общества?

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 “О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года”.

Это сложная проблема, с которой сталкивается государство при выработке приоритетов социально — экономического развития. Ведь внутренние и внешние условия, влияющие на процесс принятия и реализацию управленческих решений, чрезвычайно динамичны. Они трансформируют приоритеты, направления, формы и методы осуществления социальной политики государства, воздействуют на принципы и механизмы публичного управления.

Субъектами социальной политики выступают органы государственной власти и местного самоуправления, бизнес-структуры, институты гражданского общества. Однако при всем их многообразии главная роль в решении социальных проблем современного общества и реализации целей социальной политики принадлежит государству, которое позиционирует себя как социальное, главной функцией которого является повышение уровня и качества жизни всех своих граждан, обеспечение их социальных прав.

Россия, согласно Конституции РФ — социальное государство⁵. Сегодня, когда глобальный мир стремительно меняется, а внешние условия социально-экономического развития усложняются, государственное управление должно находить адекватные ответы на те вопросы, которые ставит перед российским обществом динамично изменяющаяся социальная реальность. Очевидно, что изучение теории и практики российского социального государства, прежде всего социальных аспектов государственного управления, принципов и механизмов функционирования социального государства становится важным направлением современной социологической мысли и одним из приоритетов при организации учебного процесса и научных исследований кафедры социологии государственного управления. Как и многие социальные практики и их теоретические обобщения, принципы социального государства имеют свои национальные особенности. Для России такими особенностями являются:

- традиции коллективизма как национальной ценности;
- значительная занятость населения в госструктурах и бюджетных организациях;
- существенная доля доходов населения, получаемых из государственного Социального фонда;
- инфраструктура: в государственной собственности (совместная собственность с монопольными структурами);

⁵ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.

- региональные социально-экономические диспропорции выравниваются с помощью федеральных трансфертов;
- управленческая вертикаль власти и частно-государственное партнерство⁶.

В этом контексте в РФ разработаны новые механизмы государственного управления долгосрочного характера на основе стратегического планирования. На основе долгосрочного прогнозирования и артикулирования проблем социальной динамики осуществлен переход к долгосрочному целеполаганию общенациональных целей развития, их реализации на основе национальных проектов с государственным финансированием, охватывающим систему вертикальных связей федеральный центр-субъект Федерации — муниципальное образование. В социальной сфере новый вид государственного управления регулирует динамику и снижение рисков демографического развития, человеческого капитала, трудовой мотивации, благосостояния и качества жизни населения РФ.

Противоречивое влияние на практики современного социального государства оказывают глобализация и цифровая революция. Они обостряют накопившиеся социальные проблемы, порождают новые противоречия, обусловленные научно-техническим развитием и формированием глобальных сетей, способствуют разрушению сложившихся за многие десятилетия социального уклада и системы социально-трудовых отношений, ужесточают условия конкурентной среды.

Цифровая революция предъявило обществу и государству новые вызовы. Она создала дополнительные возможности для получения информации и обретения новых знаний и профессиональных компетенций, изменила характер труда и занятости, сделала жизнь людей более комфортной. Однако цифровая трансформация сделала человека более уязвимым для манипуляций и киберпреступности, породила риски формирования системы тотального контроля за его действиями и сознанием. Возникают определенные угрозы для рынка труда и занятости населения, появляются новые виды социального неравенства.

Современные цифровые технологии активно внедряются в систему государственного и муниципального управления. Но “цифровизация” государства не может быть ограничена системой государственного управления либо рамками государственного сектора. Цифровая трансформация государственного управления содей-

⁶ Васильев В.П. Институциональное регулирование социально-экономической динамики: выход на устойчивую траекторию развития // Социология. 2022. № 1. С. 16.

ствует формированию в нашей стране единой динамично развивающейся системной цифровой среды, способной обеспечить интеграцию всех акторов цифровых коммуникаций, так как применение цифровых решений изменяет характер и механизмы коммуникаций государства с гражданами и бизнесом.

Цифровизация в целом позитивно влияет на качество государственного управления. Цифровые технологии вносят коррективы в практики и механизмы принятия решений в сфере государственных и муниципальных финансов, набор и порядок предоставления публичных услуг, появляются дополнительные возможности для интенсификации цифровых коммуникаций с потребителями государственных услуг. Однако, взяв курс на “интеллектуализацию” и повышение эффективности государственного управления, государство должно реализовать комплекс мероприятий, направленных на укрепление доверия общества к цифровой трансформации государственного управления: обеспечить привлекательность, простоту и надежность цифровых решений для потребителей государственных услуг, а также соответствующий уровень защищённости всех участников цифрового взаимодействия. Необходимо создать у бизнеса стимулы для более активного инвестирования в современные цифровые технологии, а у населения — заинтересованности в потреблении цифровых государственных услуг.

Вместе с тем, последствия активного использования современных цифровых технологий для общества и государства неоднозначны. Необходим глубокий социологический анализ социальных последствий внедрения цифровых технологий для выработки приоритетных направлений цифровой трансформации государственного и муниципального управления. Чтобы достичь целей цифровизации, прежде всего необходимо учитывать степень готовности как населения, так и государственных органов, учреждений и организаций к цифровому переходу.

Выявлен феномен цифрового неравенства, который нужно учитывать в управленческих практиках⁷. Предстоит создать механизмы стимулирования выработки цифровых навыков у всех групп населения (прежде всего представителей старшего поколения) с целью результативной адаптации к цифровой среде, а также каналы коммуникации с гражданами и бизнес — сообществом на предмет мониторинга востребованности и качества цифровых государственных

⁷ Осипова Н.Г. Цифровизация социальной реальности: ключевые дискуссии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 3. С. 9–42.

ных услуг. Следует также обратить внимание на подготовку кадров для цифрового государственного управления и формирование у государственных и муниципальных служащих компетенций, адекватных динамике цифровой среды. Более того, необходимо прививать им нормы и ценности формирующейся цифровой культуры, создавать полноценную инфраструктуру для цифрового государственного управления.

Цифровые технологии развиваются стремительно, а в то время, как государство не всегда успевает за этим развитием. Подобная ситуация создает как новые возможности, так и угрозы для выполнения государством ряда основополагающих функций, в том числе — социальной. Причиной выступает отсутствие соответствующих динамике изменений цифровой среды форм и методов государственного регулирования цифрового поведения домашних хозяйств и предпринимательских структур, что осложняет жизнь государства как института социального контроля за происходящими в обществе социальными изменениями. В частности, речь идёт о формировании адекватных современной цифровой среде механизмов налогообложения и социального страхования, учитывающих появление новых форм занятости, трансформацию рынка труда и системы социально — трудовых отношений.

Цифровая динамика потребовала внесения актуальных изменений в курсы, читаемых преподавателями кафедры учебных дисциплин и направления научных исследований. Так, за последние пять по настоящее время опубликован ряд научных трудов по различным аспектам цифровой трансформации⁸:

Обобщение научных исследований кафедры социологии государственного управления нашло отражение в коллективной монографии «Социальные изменения в условиях цифровой среды»⁹. Для

⁸ Васильев В.П. Электронное правительство в цифровой реальности // Информационное общество. 2019. № 6. С. 4–11; Деханова Н.Г., Деханов А.С. Электронное правительство в современной России: тенденции и перспективы развития // Социально-политические науки. 2019. № 3. С. 173–177; Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Социальные вызовы цифровой революции // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 4. С. 39–46; Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А., Сушко В.А. Employment policy in the conditions of digital revolution // DILEMAS CONTEMPORANEOS-EDUCATION POLITICA Y VALORES. 2019. № VI; Васильев В.П., Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Social Factors in the Digital Government Formation in Russia // Postmodern Openings: LUMEN Publishing, Iasi, Romania. 2020. V. 11. № 2. Sup. 1. P. 317–326; Холоденко Ю.А. Цифровая трансформация государственного управления: возможности и риски // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 3. С. 43–78.

⁹ Социальные изменения в условиях цифровой среды: Коллективная монография / Под ред. В.П. Васильева. М., 2020.

реализации в учебном процессе на цифровой платформе издан ряд учебников, востребованных в целом ряде университетов страны¹⁰.

Важным фактором, активно влияющим на реализацию принципов социального государства, выступает глобализация социально-экономического пространства, которая за прошедшие три десятилетия приобрела всеобъемлющий характер. Она динамизировала процессы социальных изменений и трансформировала принципы организации общественной жизни. Глобальная экономическая, политическая, социальная, культурная интеграция создала дополнительные возможности для развития мировой экономики, активного распространения современных технологий, внедрения эффективных управленческих практик.

Вместе с тем глобализация породила новые риски, в том числе для социального государства. Либерализация международного экономического порядка, интернационализация производственно-хозяйственной деятельности, интенсификация трансграничного движения капитала привели к обострению глобальной конкуренции, с одной стороны, и изменению соотношения сил в глобальной экономике — с другой. Современный кризис глобализации углубляется на фоне подрыва общественного доверия к традиционным политическим элитам и к глобальному миропорядку. Постепенно формируется новый многополярный мир¹¹.

Новым направлением работы кафедры последних лет стало исследование и использование в учебных курсах проблем сбалансированности устойчивого развития¹². На место привычных исследований в предметной области инвариоментальной социологии, экологических рисков и социальной экологии социально-экономические практики привели разработку новой модели социального

¹⁰ Васильев В.П., Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Государственное и муниципальное управление. М., 2022; Васильев В.П. Государственное регулирование экономики. М., 2024; Васильев В.П., Холоденко Ю.А. Экономика. М., 2023; Деханова Н.Г. Социология государственной службы. М., 2022.

¹¹ Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Приоритеты социальной политики России в условиях глобальных социальных изменений // Социодинамика. 2024. № 3. С. 76–87.

¹² Васильев В.П. Устойчивое развитие: модификация принципов и институтов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. № 1. С. 193–204; Он же. Институциональное регулирование социально-экономической динамики: выход на устойчивую траекторию развития // Социология. 2022. № 1. С. 15–24; Сушко В.А. Influence of industrial infrastructure on the ecology of the region and quality of life of local population // Asia Life Sciences. 2021. V. 11. № 2. P. 1001–1008; Васильев В.П., Деханова Н.Г., Сушко В.А. Промышленная инфраструктура и экологическое неравенство в моногородах // Экология и промышленность России. 2019. Т. 23. № 8. С. 64–72.

развития: взаимодействию системы экология — экономика — социальные отношения, в которой явно прослеживается роль государства как субъекта этого взаимодействия как на национальном, так и на межгосударственном уровне.

Современная парадигма устойчивого развития сформировалась под влиянием актуализации экологических рисков, “провалов рынка”. Являясь глобальной проблемой, климатическая программа координируется межгосударственными институтами. Однако основой выступают соответствующие государственные программы, управление которыми осуществляется на принципах программно-целевого механизма. Новым условием управленческих решений является стратегия перехода от невозобновляемых к возобновляемым источникам энергии, сокращение “углеродного следа”, формирование “зеленой” экономики, с использованием новых институтов “зеленых” инвестиций. В РФ реализация принципов устойчивого развития позиционируется в системе национальных целей и национальных проектов, ассоциируемых со структурой индикативного плана ООН до 2030 г. и артикулируемых национальных особенностей энергетического “перехода”. Социальноэкономические практики многих стран мира выявили новые направления социально-экономической динамики постиндустриального общества. Масштабы и риски требуют стратегических, комплексных социальноэкономических и управленческих решений, принимаемых на макро и микроуровне и требующих межгосударственного подхода. По сути, доминирующей международной программой становится стратегия устойчивого развития, не только направленная на интересы будущих поколений, но и на реализацию современных потребностей населения: обеспечение благосостояния, сокращение бедности, решение острых экологических проблем. Поставлены приоритетные задачи, не только направленные на снижение экологических рисков, но и на решение приоритетных проблем экономического роста и сокращения социального неравенства. Продвижение теорий устойчивости общественного развития трансформировало аргументацию по сокращению потребностей общества в подход, ограничивающий потребности производства эколог затратными энергоносителями и защитой жизни и здоровья населения. Представленная позиция не только определила устойчивое развитие как развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности, но и структурировала содержание и взаимосвязи определенных сфер социально-экономи-

ческого развития общества в контексте экологической, социальной и экономической стабильности и устранения рисков. Приоритеты устойчивого развития на государственном уровне рассматриваются как одно из направлений стратегии национальной безопасности, которые не сводимы к защите от экологических рисков, и представлены в единой системе политики, экономики и социального развития. Стратегические цели социально-экономического развития включают все структурные элементы устойчивости, не сводимые к локальным проблемам экологии¹³.

Актуальной темой в рамках общего научного направления исследований кафедры являются особенности реализации принципов социального государства в условиях значительной социально-экономической дифференциации в современной России, механизмах и способах управленческого воздействия на сглаживание социального неравенства, в том числе, связанного регионом проживания человека, особенно в условиях социально-экономической нестабильности¹⁴. Специфической особенностью России является значительная региональная дифференциация. Безусловно, любое государство, отличающееся региональным многообразием и пространственной неоднородностью, сталкивается с проблемой неравномерного регионального развития и как следствием, социального неравенства. В процессе реализации политики пространственного развития достичь полной однородности невозможно, да и ненужно. Однако, избыточное социальное неравенство вообще, и социально-территориальное, в частности, становятся тормозом прогрессивных изменений. Указанные изменения должны явиться результатом целенаправленной деятельности государства по совершенствованию организации расселения жителей, размещения на территории объектов экономики, социальной сферы, транспортной, энергетической и иных инфраструктур, т.е. происходить в контексте устойчивого развития, включающего совокупность экономического, социального, экологического и поселенческого развития.

¹³ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 “О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации”.

¹⁴ Деханова Н.Г., Сушко В.А., Холоденко Ю.А. Внутренняя миграция как следствие региональной дифференциации в современной России // Теория и практика общественного развития. 2023. № 7. С. 47–58; Они же. Социальный капитал как фактор формирования качества жизни // Социология. 2023. № 1. С. 86–96; Они же. Россия: социально-экономические последствия пандемии COVID-19 // Социология. 2022. № 2. С. 120–133; Васильев В.П., Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Факторы и тенденции социальной дифференциации: новые риски // Социодинамика. 2020. № 5. С. 43–55; Сушко В.А. Социально-экономическое состояние и качество жизни населения России // Социология. 2019. № 4. С. 150–162.

Учитывая региональное разнообразие Российской Федерации по уровню социально-экономического развития, системе расселения, универсальные рецепты невозможны. Очень важно учитывать тот факт, что, делая акцент на экономической составляющей, и концентрируя ресурсы в крупных агломерациях, нельзя не учитывать множество социальных и культурных факторов в тенденциях расселения населения. Кроме того, в процессе реализации политики пространственного развития не ставится задача достижения полной однородности: равномерности в размещении по территории страны различных отраслей хозяйства, одинаковой степени урбанизированности территорий, плотности населения и т.д., поскольку эта неоднородность является неизбежным свойством любого организованного экономического пространства. Однако уменьшение пространственной неоднородности, снижение межрегионального социального неравенства, носящего избыточный характер, является основой государственной политики пространственного развития.

С 2022 г. кафедрой реализуется магистерская программа «Системный анализ государственного управления социальной динамикой». Магистерская программа обеспечивает подготовку специалистов, владеющих базовыми компонентами современного социологического знания с привлечением междисциплинарных факторов (экономика, управление) Программа сочетает фундаментальную теоретическую подготовку в области современной теоретической и эмпирической социологии с формированием навыков и способностей к самостоятельной аналитической деятельности, включая практическую ориентацию на задачи социальной диагностики и разработку моделей для решения широкого круга вопросов прогнозирования, планирования и реализации общенациональных целей социального развития. Учебные дисциплины, изучаемые в ходе освоения магистерской программы, раскрывают широкий спектр проблем современного социально-институционального порядка, социальных структур и процессов современного общества, влияний современных цифровых технологий на базисные трансформации информационного общества. Успешное овладение магистерской программой позволяет выпускникам работать в научно-исследовательских учреждениях в качестве научных сотрудников, а также в качестве преподавателей различных социологических дисциплин в системе высшего профессионального образования.

Практическая ориентация программы обеспечивает готовность выпускников к работе в государственных, муниципальных и корпоративных управленческих структурах, включая GR, службах обе-

спечения социальной поддержки населения в аналитических социологических центрах, структурах политических партий и социально ориентированных НКО.

Представленные основные научные подходы и разработки кафедры социологии государственного управления, актуализация читаемых курсов и программ дисциплин станет методологической основой для повышения качества профессионального образования в условиях реформирования высшего образования и новых задач по исследованию социальной динамики в новых условиях современных социальных практик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев В.П. Электронное правительство в цифровой реальности // Информационное общество. 2019. № 6. С. 4–11.

Васильев В.П. Институциональное регулирование социально-экономической динамики: выход на устойчивую траекторию развития // Социология. 2022. № 1. С. 15–24.

Васильев В.П. Устойчивое развитие: модификация принципов и институтов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. № 1. С. 193–204.

Васильев В.П. Государственное регулирование экономики. М., 2024.

Васильев В.П., Деханова Н.Г., Сушко В.А. Промышленная инфраструктура и экологическое неравенство в моногородах // Экология и промышленность России. 2019. Т. 23. № 8. С. 64–72.

Васильев В.П., Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Государственное и муниципальное управление. М., 2022.

Васильев В.П., Холоденко Ю.А. Экономика. М., 2023.

Деханова Н.Г. Социология государственной службы. М., 2022.

Деханова Н.Г., Сушко В.А., Холоденко Ю.А. Внутренняя миграция как последствие региональной дифференциации в современной России // Теория и практика общественного развития. 2023. № 7. С. 47–58.

Деханова Н.Г., Сушко В.А., Холоденко Ю.А. Социальный капитал как фактор формирования качества жизни // Социология. 2023. № 1. С. 86–96.

Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Социальные вызовы цифровой революции // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 4. С. 39–46.

Ирхин Ю.В. Формирование факультетов нравственных и политических наук в университетах России // Среднерусский вестник общественных наук. Серия политология. 2015. Т. 10. № 4. С. 56–64.

Летопись Московского университета. История Московского университета: вторая половина XVIII — начало XIX в. Сборник документов. Т. 1. 1754–1755 / Сост. Д.Костышин. М., 2006. С. 339–343. URL: <http://letopis.msu.ru/> (дата обращения: 20.05.2024).

Осипова Н.Г. Цифровизация социальной реальности: ключевые дискуссии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 3. С. 9–42.

Сорокин П.А. Система социологии. М., 2008.

Социальные изменения в условиях цифровой среды: Коллект. монограф. / Под ред. В.П. Васильева. М., 2020.

Сушко В.А. Социально-экономическое состояние и качество жизни населения России // Социология. 2019. № 4. С. 150–162.

Холоденко Ю.А. Цифровая трансформация государственного управления: возможности и риски // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 3. С. 43–78.

REFERENCES

Dekhanova N.G. Sociologiya gosudarstvennoj sluzhby [Sociology of public service]. М., 2022 (in Russian).

Dekhanova N.G., Sushko V.A., Holodenko Yu.A. Social'nyj kapital kak faktor formirovaniya kachestva zhizni [Social capital as a factor in the formation of the quality of life] // Sociologiya. 2023. N 1. S. 86–96 (in Russian).

Dekhanova N.G., Sushko V.A., Holodenko Yu.A. Vnutrennyaya migraciya kak posledstvie regional'noj differenciacii v sovremennoj Rossii [Internal migration as a consequence of regional differentiation in modern Russia] // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2023. N 7. S. 47–58 (in Russian).

Dekhanova N.G., Holodenko Yu.A. Social'nye vyzovy cifrovoj revolyucii [Social Challenges of the Digital Revolution] // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. 2019. N 4. S. 39–46 (in Russian).

Holodenko Yu.A. Cifrovaya transformaciya gosudarstvennogo upravleniya: vozmozhnosti i riski [Digital Transformation of Public Administration: Opportunities and Risks] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2022. T. 28. N 3. S. 43–78 (in Russian).

Irhin Yu.V. Formirovanie fakul'tetov npravstvennyh i politicheskikh nauk v universitetah Rossii [Formation of Faculties of Moral and Political Sciences in Russian Universities] // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. Seriya politologiya. 2015. T. 10. N 4. S. 56–64 (in Russian).

Letopis' Moskovskogo universiteta. Istoriya Moskovskogo universiteta: vtoraya polovina XVIII — nachalo XIX v. Sbornik dokumentov. T. 1. 1754–1755 [Chronicle of Moscow University. History of Moscow University: second half of the 18th — early 19th century. Collection of documents. Vol. 1. 1754–1755] / Sost. D.N. Kostyshin. М., 2006. S. 339–343. URL: <http://letopis.msu.ru/> (data obrashcheniya: 20.05.2024) (in Russian).

Osipova N.G. Cifrovizaciya social'noj real'nosti: klyuchevye diskussii [Digitalization of Social Reality: Key Discussions] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2022. T. 28. N 3. S. 9–42 (in Russian).

Sorokin P.A. Sistema sociologii [The System of Sociology]. М., 2008 (in Russian).

Social'nye izmeneniya v usloviyah cifrovoj sredy: Kollekt. monograf. [Social Changes in the Digital Environment: Collected monograph.] / Pod red. V.P. Vasil'eva. М., 2020 (in Russian).

Sushko V.A. Social'no-ekonomicheskoe sostoyanie i kachestvo zhizni naseleniya Rossii [Socio-economic State and Quality of Life of the Population of Russia] // Sociologiya. 2019. N 4. S. 150–162 (in Russian).

Vasil'ev V.P. Elektronnnoe pravitel'stvo v cifrovoj real'nosti [Electronic government in digital reality] // Informacionnoe obshchestvo. 2019. N 6. S. 4–11 (in Russian).

Vasil'ev V.P. Institucional'noe regulirovanie social'no-ekonomicheskoy dinamiki: vyhod na ustojchivuyu traektoriyu razvitiya [Institutional regulation of socio-economic dynamics: reaching a sustainable development trajectory] // *Sociologiya*. 2022. N 1. S. 15–24 (in Russian).

Vasil'ev V.P. Ustojchivoe razvitie: modifikaciya principov i institutov [Sustainable development: modification of principles and institutions] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2024. N 1. S. 193–204 (in Russian).

Vasil'ev V.P. Gosudarstvennoe regulirovanie ekonomiki [State regulation of the economy]. M., 2024 (in Russian).

Vasil'ev V.P., Dekhanova N.G., Sushko V.A. Promyshlennaya infrastruktura i ekologicheskoe neravenstvo v monogorodah [Industrial infrastructure and environmental inequality in single-industry towns] // *Ekologiya i promyshlennost' Rossii*. 2019. T. 23. N 8. S. 64–72 (in Russian).

Vasil'ev V.P., Dekhanova N.G., Holodenko Yu.A. Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie [State and municipal administration]. M., 2022 (in Russian).

Vasil'ev V.P., Holodenko Yu.A. Ekonomika [Economy]. M., 2023 (in Russian).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-1-115-134

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ИЗ УКРАИНЫ, НАХОДЯЩИХСЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ, ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ, НАПРАВЛЕННОСТЬ

А.А. Гребенюк, докт. эконом. наук, проф. кафедры социологии знания Высшей школы современных социальных наук (факультет), ФГБОУ ВО “Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова”, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 13, блок В, 4-й учебный корпус, г. Москва, Российская Федерация, 119991*

А.Ю. Агеенко, асп. Высшей школы современных социальных наук (факультет), ФГБОУ ВО “Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова”, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 13, блок В, 4-й учебный корпус, г. Москва, Российская Федерация, 119991**

А.А. Аверьянов, асп факультета глобальных процессов ФГБОУ ВО “Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова”, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 13, блок В, 4-й учебный корпус, г. Москва, Российская Федерация, 119991***

Статья посвящена анализу миграционных установок граждан Украины, осуществляющих трудовую деятельность в Российской Федерации. Эмпирической основой исследования стали данные всероссийского социологического исследования иностранных работников, проводившегося авторами в 2023 г. Анализ результатов опроса показал, что трудовые мигранты из Украины имеют сформированные миграционные установки на закрепление в Российской Федерации и получение российского гражданства. Основной причиной для трудовой миграции из Украины является экстремальный выталкивающий фактор — вооруженный конфликт, который детерминирует экономическую нестабильность и социальную неопределенность на Украине в долгосрочной перспективе. В этой связи у украинских работников практически полностью отсутствуют возвратные миграционные установки. В статье сделан вывод о том, что в настоящее время поток рабочей силы из Украины является видом вынужденной миграции, использующей нормативно-правовую базу и механизм

* Гребенюк Александр Александрович, e-mail: gaa-mma@mail.ru

** Агеенко Анна Юрьевна, e-mail: ageenko.anna91@yandex.ru

*** Аверьянов Альберт Андреевич, e-mail: averyanov.alia@mail.ru

реализации временной трудовой миграции и имеющей значительный потенциал трансформации в миграцию на постоянное место жительства. В ходе исследования были также определены социальный портрет украинских работников, особенности миграционных установок мигрантов, их направленность и факторы формирования.

Ключевые слова: миграция, трудовая миграция, Украина, Россия, миграционные установки.

MIGRATION ATTITUDES OF LABOR MIGRANTS FROM UKRAINE LOCATED IN THE RUSSIAN FEDERATION: FEATURES, FORMATION FACTORS, ORIENTATION

Grebeniyk Aleksandr A., Grand PhD in Economics, Prof., FSFEI HE “Lomonosov Moscow State University”, GSP-1, Leninskiye Gory, 1, bld. 13, block B, 4th academic building, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: gaa-mma@mail.ru

Ageenko Anna Yu., PhD student, FSFEI HE “Lomonosov Moscow State University”, GSP-1, Leninskiye Gory, 1, bld. 13, block B, 4th academic building, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: ageenko.anna91@yandex.ru

Averianov Albert A., PhD student, FSFEI HE “Lomonosov Moscow State University”, GSP-1, Leninskiye Gory, 1, bld. 13, block B, 4th academic building, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: averyanov.alia@mail.ru

The article is devoted to the analysis of migration attitudes of Ukrainian citizens working in the Russian Federation. The empirical basis of the study was founded using the data from an all-Russian sociological study of foreign workers, conducted by the authors in 2023. Analysis of the survey results showed that labor migrants from Ukraine have formed migration plans to settle in the Russian Federation and obtain Russian citizenship. The main reason for labor migration from Ukraine is an extreme push factor — armed conflict, which determines economic instability and social uncertainty in Ukraine in the long term. In this regard, migrants from Ukraine almost don't have any return migration attitudes. The article concludes that currently the flow of labor migrants from Ukraine is a type of forced migration that uses the legal framework and mechanism for implementing temporary labor migration and has significant potential for transformation into migration for permanent residence. The study also identified the social portrait of Ukrainian workers, the characteristics of migrants' attitudes, their orientation and formation factors.

Key words: migration, labor migration, Ukraine, Russia, migration attitudes.

Введение

Трудовая миграция из Украины в Россию является одним из наиболее сложных миграционных процессов для системного анализа. В отличие от трудовой миграции из стран Центральной Азии в Российскую Федерацию, которая детерминирована прежде всего

экономическими факторами, переток трудовых ресурсов из Украины в Россию последние 15 лет происходит в условиях сложной социально-политической ситуации. Евромайдан и последовавшие за ним боевые действия на Донбассе, вхождение Крыма в состав России, открытие для украинцев европейского рынка труда, процессы дерусификации на Украине, специальная военная операция оказывали и продолжают оказывать воздействие на рассматриваемый миграционный поток.

После распада СССР Украина стала одним из крупнейших “поставщиков” рабочей силы в Российскую Федерацию. В середине 10-х годов существовало четыре основных канала миграции из Украины в Россию: образовательная миграция, вынужденная миграция, переселения по программе возвращения соотечественников и временная трудовая миграция¹. В тот период контингент мигрантов оценивался примерно в 3 млн человек². После появления безвизового режима со странами ЕС усилился поток трудовой миграции из Украины в Европу³, однако он не вызвал сокращения количества украинских работников в России⁴.

Количество трудовых мигрантов из Украины резко сократилось в 2020 г., в связи с введением ограничений на въезд иностранцев в период пандемии Covid-19. Согласно данным, представленным на официальном сайте МВД России, в 2020 г. количество мигрантов, указавших в качестве цели въезда в страну “трудоустройство” сократилось почти в три раза по сравнению с 2018 г. После снятия “ковидных ограничений” количество трудовых мигрантов из Украины в 2021 г. вновь увеличилось практически в два раза⁵.

Специальная военная операция привела к существенной трансформации миграционных потоков. Значительно увеличилось количество беженцев (до 5,3 млн к февралю 2023 г.⁶). Часть мигрантов

¹ Рязанцев С.В., Скоробогатова В.И. Украинская миграция в приоритетах развития России // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 1. С. 38–51.

² Малиновська О.А. Трудова міграція громадян України за кордон: виклики та шляхи регування // Відділ соціальної безпеки. 2018. Серпень. С. 39–44.

³ Van Hootegeem A., Meuleman B., Abts K. Attitudes toward asylum policy in a divided Europe: diverging contexts, diverging attitudes? // *Frontiers in Sociology*. Vol. 5. 21 May, 2020. P. 115–126.

⁴ Розинская Н.А., Розинский И.А. Украинская миграция в Россию: итоги и перспективы // Экономическая политики. 2020. Т. 15. № 4. С. 88–109.

⁵ Денисенко М.Б., Мукомель В.И. Самочувствие трудовых мигрантов в период пандемии: российский кейс // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2021. № 3. С. 74–82.

⁶ Более 5,3 млн беженцев с Украины и из Донбасса прибыли в Россию за год // *Iz.ru*. 2023.20.02. URL: <https://iz.ru/1452731/2023-01-10/vsemirnyi-bank-sprognoziroval-rost-vvp-ukrainy-na-33-v-2023-godu> (дата обращения: 06.03.2023).

после вхождения нескольких областей Украины в состав России получили российское гражданство и стали внутренними мигрантами. Вместе с тем, несмотря на крупномасштабные военные действия, ограничения на перемещения для украинцев, на территории Российской Федерации находятся несколько миллионов выходцев из Украины, осуществляющих трудовую деятельность.

В условиях снижения количества трудовых ресурсов в России, вызванного негативными демографическими тенденциями, вызывают особый интерес миграционные намерения украинских работников. От того, планируют ли украинцы в дальнейшем продолжать трудовую деятельность в Российской Федерации, получать российское гражданство или возвращаться обратно, либо мигрировать в третьи страны, в определенной степени зависит динамика дефицита рабочих рук на отечественном рынке труда.

Миграционные установки в социальном знании

Миграционная установка является одним из видов социальной установки, характеризующим желание индивида изменить место жительства. Также в научном знании использует понятие “аттитюд”, которое появилось в социальной психологии в начале XX в.⁷, в качестве синонима⁸. У. Томас и Ф. Знанецкий описывали аттитюд как психологическое переживание индивидом ценности, значения, смысла социального объекта⁹. Одной из основных черт миграционной установки как аттитюда является ее объект, которым является система, состоящая из реального и предполагаемого места жительства мигранта¹⁰.

Исходя из цели представленного исследования, авторы придерживались следующего определения: **миграционная установка** — это сформированное (в разной степени) представление о том, где человек хотел бы проживать. Если он планирует (думает, заявляет об этом или готовится) переехать, то миграционные установки будут представлять собой пока нереализованное желание сменить место жительства¹¹. Изучению миграционных установок посвяще-

⁷ Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль. М., 1994.

⁸ Кузнецова С.А. Миграционные установки как специфический вид социальных установок // Вестник РУДН. Серия Психология и педагогика. 2012. № 4. С. 61.

⁹ Thomas W., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. N.Y., 1927. Vol. 1. P. 1115.

¹⁰ Андреева Г.М. Социальная психология. М., 2002. С. 282.

¹¹ Лычко С.К., Мосиенко Н.Л. Привлекательность города как фактор формирования миграционных установок студентов // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14. № 1. С. 160–169. С. 162.

но значительное количество научных исследований, как в России (Ж.А. Зайончковской¹², Н.В. Латова¹³, Е.П. Сигарева, С.Ю. Сиво-
плясова¹⁴ и др.) так и за рубежом (В.М. Коротаев¹⁵, А.К. Assfaw,
A. Minaye¹⁶, P. Wanner¹⁷, J. Carling, S.V. Pettersen¹⁸, М.В. Mjelva¹⁹,
S. Migali, M. Scipioni²⁰ и др.). Также миграционные установки, явля-
ются объектом периодических мониторингов ведущих зарубежных
и отечественных социологических центров: Gallup International²¹,
Gallup Inc.²², ВЦИОМ²³, Ромир²⁴, ФОМ²⁵ и др.

¹² Зайончковская Ж.А., Ноздрина Н.А. Миграционный опыт населения реги-
ональных центров России (на примере социологического опроса в 10 городах) // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4. С. 98–112.

¹³ Латова Н.В. Миграционные установки и предпочтения российских специ-
алистов в контексте концепции человеческого капитала // Мониторинг обществен-
ного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4(164). С. 429–450.

¹⁴ Сигарева Е. Репродуктивные и миграционные установки современной мо-
лодежи стран ЕАЭС (на примере России, Казахстана и Кыргызстана) // Централь-
ная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24. № 2. С. 134–152.

¹⁵ Коротаев В.К. Миграционные установки населения Республики Беларусь
(результаты интервьюирования в населенных пунктах-ключках) // Весці БДПУ. Се-
рыя 3. Фізіка. Матэматыка. Інфарматыка. Біялогія. Геаграфія. 2016. № 3(89). С. 23–29.

¹⁶ Assfaw A.K., Minaye A. Explaining migration intention from selected psycho-
social variables in South Wollo, Ethiopia // Frontiers Sociology. 2022. Vol. 7. 05 Dec.

¹⁷ Wanner P. Can migrants' emigration intentions predict their actual behaviors?
Evidence from a Swiss Survey // Journal of International Migration and Integration. 2021.
Vol. 22. 28 Dec.

¹⁸ Carling J., Pettersen S.V. Return migration intentions in the integration–transna-
tionalism matrix // International Migration. 2014. 01 July.

¹⁹ Mjelva M.B., Carling J. Surveys on migration aspirations, plans and inten-
tions: a comprehensive overview. 2023. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10844803/>

²⁰ Migali S., Scipioni M. Who's about to leave? // A Global Survey of Aspirations and
Intentions to Migrate. 2014. N 3.

²¹ GIA: One in three global citizens want to immigrate. URL: <https://www.gallup-international.com/survey-results-and-news/survey-result/one-in-three-global-citizens-want-to-immigrate> (accessed: 09.05.2024).

²² Esipova N., Ray J., Srinivasan R. The world's potential migrants: who they are,
where they want to go, and why it matters. Gallup Inc. 2011; Gallup Inc. URL: <https://news.gallup.com/poll/468218/nearly-900-million-worldwide-wanted-migrate-2021.aspx>
(accessed: 09.05.2024).

²³ ВЦИОМ. Эмиграционные настроения: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehmigracionnye-nastroeniya-monitoring-3> (дата обращения: 09.05.2024).

²⁴ Ромир: Исследование Ромир/М-Холдинг: эмиграционные настрое-
ния в России и мире URL: <https://romir.ru/studies/issledovanie-romirm-holding-emigracionnye-nastroeniya-v-rossii-i-mire> (дата обращения: 09.05.2024).

²⁵ ФОМ: Миграция: установки россиян. Сколько жителей России хотели
бы переехать в Москву? URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14501> (дата обращения: 09.05.2024).

Концептуализация понятия “миграционная установка” тесно связано с теорией миграционного процесса. Трудовая миграция населения, как и любой другой вид миграции, является многостадийным процессом, что отмечал, например, С.Н. Айзенштадт в теории трех фаз миграционного процесса²⁶. Аналогичная концепция трехстадийности миграционного процесса была предложена Л.Л. Рыбаковским и Т.И. Заславской²⁷, и в дальнейшем развита О.Д. Воробьевой, добавившей четвертую стадию. Вне зависимости от методологического подхода к определению количества стадий миграции, формирование миграционных установок (намерений) ученые относят к первой (начальной) стадии. В этой связи акцент в изучении миграционных установок сделан на первой (начальной) стадии миграционного процесса.

Вместе с тем, в условиях наличия у мигранта нескольких возможных миграционных траекторий (от закрепления в стране-въезда до возвращения на родину) для разработки миграционной политики необходимо понимание намерений мигранта на стадии вхождения в принимающее сообщество, что обуславливает актуальность реализованного в исследовании подхода.

Методика исследования и социально-демографический портрет респондентов

В целях изучения различных аспектов адаптации иностранных работников, находящихся на территории России, было проведено социологическое исследование, посредством анкетирования. Респондентами выступили трудовые мигранты, граждане Украины, Молдавии, Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. Полевая часть исследования была реализована Исследовательским холдингом “Ромир” в июле 2023 г. Метод исследования — CAPI (уличный опрос с использованием планшетов). В ходе анкетирования были опрошены 1000 респондентов, осуществляющих трудовую деятельность на территории г. Москвы и Московской области, которые были отобраны на основе случайной (вероятностной) выборки. Ошибка выборки составила 4% при доверительном интервале в 95%. Данное значение ошибки выборки в классификации надежности результатов выборочного обследования оценивается как “обыкновенная надежность”, что полностью удовлетворяет требованиям исследования.

²⁶ Савоскул М.С. Обзор теорий международной миграции населения второй половины XX в. // Региональные исследования. 2015. № 4 (50). С. 59.

²⁷ Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Кн. 3. Теория трех стадий миграционного процесса. М., 2019. С. 36.

Далее будут приведены результаты опроса работников Украины (200 респондентов).

Среди опрошенных украинцев 61% были женщины и 39% мужчины. Превалирование доли женщин можно объяснить закрытием выезда с территории Украины для мужчин. Наибольшее число опрошенных (53%) находятся в возрастном интервале 30–49 лет и 23% информантов указали возраст в интервале 18–29 лет.

Значительная часть респондентов (37%) имеют несовершеннолетних детей. Подавляющее большинство трудовых мигрантов из Украины находятся в России со своими семьями (58%), что в контексте изучаемых миграционных установок может быть индикатором предполагаемой безвозвратной миграции и более успешной интеграции в принимающее сообщество. Трудовой миграционный поток из Украины характеризуется высокими показателями развития человеческого капитала. Так, 35% респондентов имеют высшее образование, 51% — среднее специальное, около 9% неоконченное высшее.

Согласно полученным данным 85% украинских работников подтвердили наличие работы, при этом 8% совмещали работу и учебу. Лишь 7% респондентов находились в поиске работы. Наибольшие доли респондентов заняты в сфере услуг (27%), строительстве (19%) и торговле (18%). Более 31% респондентов имеют среднемесячный доход в интервале 41–50 тыс. рублей, 21% — в интервале 51–60 тыс. рублей, еще 15% в интервале 61–70 тыс. рублей. Большинство респондентов (47%) указали, что “денег хватает на еду, оплату жилья, на мелкую бытовую технику, но не хватает на машину или квартиру”, также 45% отметили, что “денег хватает на еду, оплату жилья, но не хватает на мелкую бытовую технику”. Среди респондентов наибольшая доля тех, кто находится на территории России не более 3-х лет (53%), т.е. тех, кто переехал либо за год до СВО, либо уже во время его проведения. Доля тех, кто работает в РФ более 5-ти лет — 30%.

Причины миграции работников из Украины в Россию и длительность их нахождения

Установки на закрепление или миграцию (как возвратную, так и в третьи страны) могут формироваться у иностранных работников под воздействием широкого спектра социально-экономических, политических и психологических факторов. Так, причины переезда могут помочь исследователям в анализе возвратных установок. Например, при значительном превалировании выталкивающих факторов в стране-выезда, мигрант будет в меньшей степени ориентироваться на возвращение.

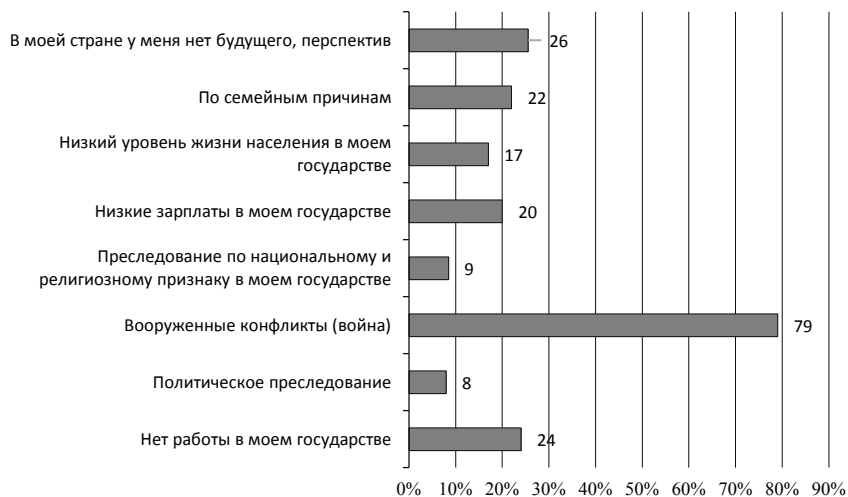

Рис. 1. Причины переезда у трудовых мигрантов с Украины, в %

Рассмотрим причины переезда трудовых мигрантов из Украины (рис. 1). Ответ “Вооруженный конфликт” является наиболее популярным у респондентов (79%). Второе место занимает вариант “В моей стране нет будущего...” (26%). Значительное число респондентов пожаловались на отсутствие работы (24%) и низкие зарплаты (20%). Также среди ответов фигурируют “политическое преследование” и “преследование по национальному признаку”. Исходя из распределения ответов респондентов можно сделать вывод, что в настоящее время поток рабочей силы из Украины является видом вынужденной миграции, использующей нормативно-правовую базу и механизм реализации временной трудовой миграции.

Миграционные установки трудовых мигрантов из Украины

В данной работе миграционные установки как специфический вид социальных установок рассматриваются в трех проявлениях:

1. Трудовой мигрант через определенное время (например, после окончания контракта) намерен вернуться на родину.
2. Трудовой мигрант через определенное время намерен мигрировать в третью страну, то есть Российская Федерация воспринимается как страна транзита.
3. Трудовой мигрант намерен остаться в РФ для продолжения трудовой деятельности, в том числе с дальнейшим получением гражданства. При таком сценарии временная трудовая миграция

трансформируется в безвозвратную, в миграцию на постоянное место жительства.

Непосредственно переезд, как вторая стадия миграционного процесса²⁸ является значимым событием, влияющим не только непосредственно на мигранта, но и на его ближайшее окружение, соответственно, принятие подобного решения тесно связано с процессом самоопределения и принятием индивидом сложного решения. В данном контексте миграционные установки являются внутренним желанием человека, сформированным под воздействием значительного числа факторов. В данной работе мы проведем анализ только некоторых из них: причина переезда, уровень образования мигранта, доход, длительность нахождения в России.

В качестве основного показателя мы рассматриваем переменную “Планы трудовых мигрантов на будущее”, так как она непосредственно демонстрирует миграционные установки пребывающих с целью трудоустройства (рис. 2). Согласно данным опроса, подавляющее большинство украинских мигрантов постараются остаться в России и получить гражданство (63%), у них практически отсутствуют возвратные миграционные установки (2% — это три респондента из выборочной совокупности). Также можно отметить отчетливо выраженную неопределенность (15% ответили “Не знаю, что буду делать”).

Рис. 2. Планы трудовых мигрантов на будущее, в %

Лишь 9% мигрантов рассматривают возможность миграции в третьи страны. Следует отметить, что у украинских работников

²⁸ Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Кн. 3. С. 36.

этот показатель наиболее высокий, среди всех групп мигрантов, опрошиваемых в исследовании (рис. 3).

Следует обратить внимание на схожесть у украинцев и молдаван миграционных установок на переезд в третьи страны (7% среди граждан Молдавии и 9% среди граждан Украины). Вероятно, существует зависимость между профессиональной квалификацией трудового мигранта и его миграционными установками относительно переезда в третью страну (по результатам опроса мигранты из Украины и Молдавии имеют более высокие образование и квалификацию, чем мигранты из Средней Азии). Также необходимо отметить, что достаточно большое количество молдаван и украинцев трудится в Европе и Северной Америке. Наличие значительного количества миграционных социальных сетей значительно упрощает миграцию в эти регионы и может влиять на формирование соответствующих установок.

Рис.3. Планы на будущее у трудовых мигрантов в разрезе стран, в %

Факторы, влияющие на формирование миграционных установок

Определение факторов, детерминирующих миграционные установки украинских работников, начнем с анализа влияния социально-экономических характеристик респондентов. Было установлено отсутствие статистически значимых различий планов на будущее

место жительства в зависимости от пола и возраста респондентов. Иная картина наблюдается в случае анализа влияния уровня образования респондентов. Наибольшие доли респондентов в выборочной совокупности включали мигрантов с высшим (35%) и средним специальным (51%) образованием. Подавляющее большинство украинцев в этих группах планирует остаться в России и получить гражданство (рисунок 4). При этом среди имеющих высшее образование наблюдается самая большая доля тех, кто планирует дальнейшую миграцию в третьи страны (16%), что еще раз дает возможность высказать предположение о наличии прямой зависимости между квалификационно-образовательными характеристиками и желанием “эмигрировать в другую страну”.

Наибольшие установки на закрепление и практически полное отсутствие планов на возвращение или переезд в третью страну наблюдается у группы имеющих среднее общее или неоконченное высшее образование.

Рис. 4. Планы мигрантов на будущее в зависимости от уровня образования, в %

Также на желание закрепления мигранта в принимающем государстве влияют как социально-экономические условия в стране нахождения, так и выталкивающие факторы на родине. Как отмечалось выше, главной причиной переезда в Россию респонденты назвали вооруженный конфликт (79%), который является мощней-

шим выталкивающим фактором. Анализ результатов опроса выявил наличие сильной связи ($p\text{-value} \leq 0,001$) между переменными “Постараюсь остаться в России и получить гражданство” и “Вооруженные конфликты на родине”. Т.е. респонденты, указавшие в качестве основной причины переезда в Россию наличие вооруженного конфликта на родине, выбирают в качестве своей миграционной стратегии закрепление в России.

Также выявлена связь ($p\text{-value} 0,015$) между переменными “Постараюсь работать в России, но буду ездить на родину”, “Заработаю деньги и вернусь на родину” и переменными “Отсутствие работы в стране происхождения” и “Низкие зарплаты в государстве происхождения”. Анализ показал, что респонденты, указавшие в качестве основной причины переезда отсутствие работы или низкие зарплаты в их государстве, не намерены оставаться в России, их основной целью является временная трудовая миграция с последующим возвращением.

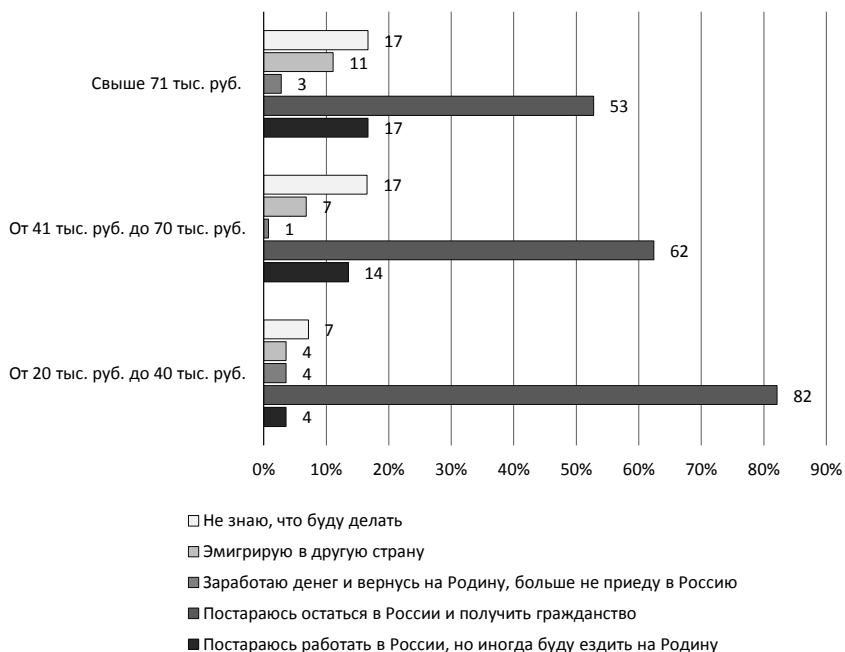

Рис. 5. Планы мигрантов на будущее в зависимости от уровня дохода, в %

Перейдем к оценке влияния уровня дохода на миграционные установки украинских работников. Анализ данных опроса выявил статистически значимые различия ($p\text{-value} \leq 0,001$). Диаграмма на

рис. 5 визуализирует четкую закономерность: чем ниже уровень дохода, тем выше доля тех, кто планирует остаться в России и получить гражданство. Если среди респондентов, получающих от 20 до 40 тыс. рублей в месяц, таких около 82%, то в группе зарабатывающих свыше 71 тыс. рублей — 53%. Также вместе с ростом уровня дохода растет и доля украинских работников, планирующих в дальнейшем переезд в третью страну. Среди тех, кто получает более 71 тыс. рублей в месяц, каждый 10-й имеет подобные установки.

Еще одним важным показателем для выявления миграционных намерений приехавших на заработки является длительность проживания в России. Наши исследования показывают, чем дольше мигрант находится на территории принимающего государства, тем сильнее проявляется желание закрепиться и натурализоваться, и снижаются возвратные установки²⁹.

Анализ результатов опроса выявил статистические значимые различия ($p\text{-value} \leq 0,001$) миграционных установок украинских работников в зависимости от длительности их нахождения в России. Среди мигрантов, проживающих в России менее года, доля желающих остаться в России наименьшая, хотя и составляет практически половину всей совокупности (45%). Планируют вернуться на родину в этой группе 9% респондентов, 18 — намерены переселиться в третьи страны, а 27% — ответили “не знаю, что буду делать”. Можно предположить, что данные показатели детерминированы тем, что мигранты, проживающие в России менее года, не прошли в полной мере процесс адаптации, находятся под воздействием активной фазы “культурного шока”, еще не имеют значимое для них социальное окружение и, скорее всего, недостаточно обустроились.

Наибольшая доля украинцев, желающих остаться в России и в дальнейшем получить гражданство, находится в группе проживающих от года, до трех лет, что объясняется завершением у большинства мигрантов процесса социальной адаптации.

Среди опрошенных, проживающих в России более трех лет, значительная часть имеет установку работать в России, но при этом посещать страну происхождения, что может свидетельствовать о том, что данные респонденты практикуют трудовую миграцию уже некоторое время и соответственно привыкли к подобному “кочевническому” образу жизни.

²⁹ Коженов В.В. Особенности социально-экономической адаптации трудовых мигрантов из Центральной Азии в России: Результаты комплексного социологического исследования 2021 года. Научный доклад. М., 2022.

Рис. 6. Планы мигрантов на будущее в зависимости от продолжительности пребывания в РФ, в %

Также мигрантам задавался вопрос, касающийся наличия или отсутствия у них связей с родиной, а также характера этих связей. Родственники и друзья мигранта могут оказывать влияние на его социальные установки, в том числе на миграционные намерения. Среди трудовых мигрантов из Украины достаточно широко распространена стратегия “сжигания мостов” (это также подтверждает низкая доля украинцев, обладающих возвратными установками — 2%). Так каждый четвертый мигрант из Украины не поддерживает связь с родственниками и/или друзьями.

С помощью процедуры одностороннего дисперсионного анализа (ANOVA) было выполнено сравнение планов мигрантов на будущее в зависимости от частоты общения с родственниками/друзьями, проживающими на родине респондента. Анализ результатов опроса выявил статистически значимые различия ($p\text{-value} \leq 0,001$) миграционных установок украинцев в зависимости от наличия или отсутствия у них контактов с социальным окружением на родине (H Крускала-Уоллиса 22,014). Респонденты, указавшие, что общаются с родственниками и друзьями “часто” и “довольно часто” вероятнее эмигрируют в третьи страны или вернутся на родину, после того, как заработают деньги. Те респонденты, которые редко общаются с друзьями и родственниками, оставшимися на родине, или никогда не общаются, вероятнее останутся в России и получат

гражданство или предпочитают работать в России и лишь иногда ездить на родину.

Проведенное социологическое исследование позволило сделать следующие **выводы**:

1. Большинство трудовых мигрантов из Украины имеют сформированные социальные установки на закрепление в Российской Федерации и получение российского гражданства. С позиции демографического развития эта категория мигрантов является важным ресурсом замещения естественной убыли в России. Культурная и религиозная близость к российскому населению, знание языка позволяют ускорить процесс адаптации и избежать роста социального напряжения в принимающем сообществе.

2. Основной причиной для трудовой миграции из Украины на текущий момент времени является экстремальный выталкивающий фактор — широкомасштабный вооруженный конфликт на родине, который в свою очередь детерминирует экономическую нестабильность и социальную неопределенность. В этой связи у украинских работников практически полностью отсутствуют возвратные миграционные установки. Вместе с тем, исчезновение выталкивающего фактора может изменить установки украинцев, вызвав волну возвратной миграции, даже после полной интеграции в принимающий социум и получение российского гражданства.

3. Среди трудовых мигрантов из Украины достаточно широко распространена стратегия “сжигания мостов”: каждый 4-й мигрант из Украины не поддерживает связь с родственниками и/или друзьями. Находясь в России, они могут подвергаться критике со стороны своего социального круга на родине, что также является фактором отсутствия возвратных установок.

4. Исследование показало, что материальный фактор влияет на направление миграционных установок. Чем выше ежемесячный доход, тем больше доля тех украинцев, которые рассматривают переезд “в другую страну”. Можно предположить, что респонденты с высоким уровнем дохода среди способов дальнейшего роста благосостояния рассматривают переезд в третью страну.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева Г.М. Социальная психология. М., 2002.

Более 5,3 млн беженцев с Украины и из Донбасса прибыли в Россию за год URL: Iz.ru. 20.02.2023. URL: <https://iz.ru/1452731/2023-01-10/vsemirnyi-bank-sprognoziroval-rost-vvp-ukrainy-na-33-v-2023-godu> (дата обращения: 06.03.2023).

Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / Сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.; М., 2005.

ВЦИОМ. Эмиграционные настроения: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehmigracionnye-nastroenija-monitoring-3> (дата обращения: 9.05.2024).

Данные МВД. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/40034334/> (дата обращения: 09.05.2024).

Данные Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 09.05.2024).

Денисенко М.Б., Мукомель В.И. Самочувствие трудовых мигрантов в период пандемии: российский кейс // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2021. № 3. С. 74–82. DOI: 10.26653/2076-4650-2021-3-06.

Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Самоопределение, адаптация и социализация: соотношение и место в системе социально-психологических понятий // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М., 2007.

Зайончковская Ж.А., Ноздрина Н.А. Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере социологического опроса в 10 городах) // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4. С. 98–112.

Калабихина И.Е. Иностранцы трудовые мигранты в России. Анкил, 2013.

Коженев В.В. Особенности социально-экономической адаптации трудовых мигрантов из Центральной Азии в России: Результаты комплексного социологического исследования 2021 года. Научный доклад. М., 2022.

Коротаев В.К. Миграционные установки населения Республики Беларусь (результаты интервьюирования в населенных пунктах-ключях) // Весці БДПУ. Серыя 3. Фізіка. Матэматыка. Інфарматыка. Біялогія. Геаграфія. 2016. № 3(89). С. 23–29.

Кузнецов И.Ю., Кузнецова С.А. Самоопределение личности на жизненном пути. Магадан, 2003.

Кузнецова С.А. Миграционные установки как специфический вид социальных установок // Вестник РУДН, серия Психология и педагогика. 2012. № 4.

Латова Н.В. Миграционные установки и предпочтения российских специалистов в контексте концепции человеческого капитала // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4(164). С. 429–450. DOI: 10.14515/monitoring.2021.4.1692.

Леденёва В.Ю. Адаптационные ресурсы социальной интеграции трудящихся-мигрантов в принимающей среде // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 8. С. 218–222. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.12>. EDN: FKGLMM.

Лычко С.К., Мосиенко Н.Л. Привлекательность города как фактор формирования миграционных установок студентов // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14. № 1. С. 160–169.

Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Ответ. ред. В.И. Мукомель. М., 2014.

Осадчая Г.И. Мигранты из Армении и Грузии в Москве. М., 2010.

Потемкина О.Ю. Украинские беженцы в Евросоюзе: новый миграционный кризис? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. № 2. С. 7–15. DOI: 10.15211/vestnikieran22022715.

Розинская Н.А., Розинский И.А. Украинская миграция в Россию: итоги и перспективы // Экономическая политика. 2020. Т. 15. № 4. С. 88–109. DOI: 10.18288/1994-5124-2020-4-88-109.

Ромир: Исследование Ромир/М-Холдинг: эмиграционные настроения в России и мире. URL: <https://romir.ru/studies/issledovanie-romirm-holding-emigracionnye-nastroeniya-v-rossii-i-mire> (дата обращения: 09.05.2024).

Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Кн. 3. Теория трех стадий миграционного процесса. М., 2019.

Рязанцев С.В., Скоробогатова В.И. Украинская миграция в приоритетах развития России // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 1. С. 38–51. DOI:10.17994/IT.2016.14.1.44.3

Савоскул М.С. Обзор теорий международной миграции населения второй половины XX в. // Региональные исследования. 2015. № 4 (50)

Сайт Института социологии ФНИЦС РАН. <https://www.isras.ru/publ.html?id=9664>

Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/31387860/> (дата обращения: 09.05.2024).

Сигарева Е., Сивоплясова С. Репродуктивные и миграционные установки современной молодежи стран ЕАЭС (на примере России, Казахстана и Кыргызстана) // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24. № 2. С. 134–152. DOI: 10.37178/ca-c.21.2.11

ФОМ: Миграция: установки россиян. Сколько жителей России хотели бы переехать в Москву? URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14501> (дата обращения: 09.05.2024).

Этнодемографические и социально-политические последствия иммиграции в России: методика оценки и подходы к совершенствованию миграционной политики. URL: <http://испи.рф/wp-content/uploads/2019/12/Информация-о-проекте-РФФИ.pdf> (дата обращения: 09.05.2024).

REFERENCES

Andreeva G.M. Social'naya psixologiya [Social psychology]. М., 2002 (in Russian).

Assfaw A., Minaye A. Explaining migration intention from selected psychosocial variables in South Wollo // Frontiers Sociology. 2022. N 3. 7:960203. doi: 10.3389/fsoc.2022.960203.

Bolee 5,3 mln bezhencev s Ukrainy' i iz Donbassa priby'li v Rossiyu za god [More than 5.3 million refugees from Ukraine and Donbass arrived in Russia in a year]. URL: Iz.ru. 20.02.2023. URL: <https://iz.ru/1452731/2023-01-10/vsemirnyi-bank-sprognoziroval-rost-vvp-ukrainy-na-33-v-2023-godu> (data obrashheniya: 06.03.2023) (in Russian).

Burde P. Social'noe prostranstvo: polya i praktiki: Per. s fr. [Bourdieu's Theory of Social Fields: Concepts and Applications] / Sost., obshh. red. per. i poslesl. N.A. Shmatko. SPb.; М., 2005 (in Russian).

Carling J., Pettersen S.V. Return migration intentions in the integration-transnationalism matrix // International Migration. 2014. Vol. 52. P. 13–30. DOI: <https://doi.org/10.1111/imig.12161>

Danny'e MVD [Data from the Ministry of Internal Affairs]. URL: <https://mvd.rf/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/40034334/> (data obrashheniya: 09.05.2024) (in Russian).

Danny'e Rosstat [Rosstat data]. URL: [https://rosstat.gov.ru/folder/12781\(data obrashheniya: 09.05.2024\) \(in Russian\).](https://rosstat.gov.ru/folder/12781(data obrashheniya: 09.05.2024) (in Russian).)

Denisenko M.B., Mukomel' V.I. Samochuvstvie trudovy'x migrantov v period pandemii: rossijskij kejs [Well-being of migrant workers during a pandemic: Russian case] // Nauchnoe obozrenie. seriya 1: E'konomika i Pravo. 2021. C. 74–82. DOI: 10.26653/2076-4650-2021-3-06 (in Russian).

Esipova N., Ray R., Srinivasan R. The world's potential migrants: who they are, where they want to go, and why it matters. Gallup Inc. 2011. URL: <https://news.gallup.com/poll/468218/nearly-900-million-worldwide-wanted-migrate-2021.aspx> (accessed: 09.05.2024).

E'tnodemograficheskie i social'no-politicheskie posledstviya immigracii v Rossii: metodika ocenki i podxody' k sovershenstvovaniyu migracionnoj politiki [Ethno-demographic and socio-political consequences of immigration in Russia: assessment methodology and approach to improving migration policy]. URL: <http://ispi.rf/wp-content/uploads/2019/12/Informaciya-o-proekte-RFFI.pdf> (Data obrashheniya: 09.05.2024) (in Russian).

Fedyuk O. Kindler M. Migration of Ukrainians to the European Union: background and key issues Ukrainian migration to the European Union // Lessons from Migration Studies. 2016. N 3. DOI:10.1007/978-3-319-41776-9_1.

FOM: Migraciya: ustanovki rossiyan. Skol'ko zhitelej Rossii xoteli by' pereexat' v Moskvu? [Migration: attitudes of Russians. How many Russian residents wanted to move to Moscow?]. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14501> (data obrashheniya: 09.05.2024) (in Russian).

Gallup Inc. URL: <https://news.gallup.com/poll/468218/nearly-900-million-worldwide-wanted-migrate-2021.aspx> (accessed: 09.05.2024).

GIA: One in three global citizens want to immigrate. URL: <https://www.gallup-international.com/survey-results-and-news/survey-result/one-in-three-global-citizens-want-to-immigrate> (accessed: 09.05.2024).

Heath A.F., Schneider S.L. Dimensions of migrant integration in Western Europe // Frontiers Sociologiy. 2021. N 3. P. 21. 6:510987. doi: 10.3389/fsoc.2021.510987 <https://www.isras.ru/publ.html?id=9664>

Kalabixina I.E. Inostranny'e trudovy'e migranty' v Rossii [Foreign labor migrants in Russia]. Ankil, 2013 (in Russian).

Korotaev V.K. Migracionny' ustanovki naseleniya Respubliki Belarus' (rezul'taty interv'yuirovaniya v naselenny'x punktax-klyuchax) [Migration attitudes of the population of the Republic of Belarus (results of interviewing in key settlements)] // Vesczi BDPU. Sery'a 3. Fizika. Mate'maty'ka. Infarmaty'ka. Biyalogiya. Geografiya. 2016. N 3(89) (in Russian).

Kozhenov V.V. Osobennosti social'no-e'konomicheskoy adaptacii trudovy'x migrantov iz Central'noj Azii v Rossii: Rezul'taty' kompleksnogo sociologicheskogo issledovaniya 2021 goda. Nauchny'j doklad [Special social'no-e'konomicheskoy adaptacii trudovy'x migrantov iz Central'noj Azii v Rossii: Rezul'taty' kompleksnogo sociologicheskogo issledovaniya 2021 year. Scientific report]. M., 2022 (in Russian).

Kuznecov I.Yu., Kuznecova S.A. Samoopredelenie lichnosti na zhiznennom puti [Self-determination of the individual on the path of life]. Magadan, 2003 (in Russian).

Kuzneczova S.A. Migracionny'e ustanovki kak specificheskij vid social'ny'x ustanovok [Migration attitudes as a specific type of social attitudes] // Vestnik RUDN. Seriya Psixologiya i pedagogika. 2012. N 4 (in Russian).

Latova N.V. Migracionny'e ustanovki i predpochteniya rossijskix specialistov v kontekste koncepcii chelovecheskogo kapitala [Migration attitudes and preferences of Russian specialists in the context of the concept of human capital] // Monitoring obshhestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'nye peremeny'. 2021. N 4(164). DOI: 10.14515/monitoring.2021.4.1692 (in Russian).

Ledenyova V.Yu. Adaptacionny'e resursy' social'noj integracii trudyashhixsya-migrantov v primimayushhej srede [Adaptation resources for social integration of migrant workers in the host environment] // Vestnik Universiteta (Gosudarstvenny'j universitet upravleniya). 2013. N 8. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.12>. EDN: FKGLMM (in Russian).

Lee E. A Theory of Migration // Demography, 1966. N 3.

Lipiec S. The legal services market for Ukrainians in the European Union: the example of Poland // Eastern European Journal of Transnational Relations. 2021. N 5(2). URL: <https://doi.org/10.15290/eejtr.2021.05.02.06>.

Ly'chko S.K., Mosienko N.L. Privlekatel'nost' goroda kak faktor formirovaniya migracionny' x ustanovok studentov [The attractiveness of the city as a factor in shaping the migration attitudes of students] // Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta. Ser.: Social'no-e'konomicheskie nauki. 2014. T. 14. N 1 (in Russian).

Malynovska O. International migration of the Ukrainian population since independence // Migration from the Newly Independent States. Societies and Political Orders in Transition. Springer, Cham. 2020. https://doi.org/10.1007/978-3-030-36075-7_8

Migali S., Scipioni M. Who's about to leave? // A Global Survey of Aspirations and Intentions to Migrate. 2014. N 3.

Ministerstvo vnutrennix del Rossijskoj Federacii [Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. URL: <https://mvd.rf/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/31387860/> (data obrashheniya: 09.05.2024) (in Russian).

Mjelva M.B., Carling J. Surveys on migration aspirations, plans and intentions: a comprehensive overview. 2023. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10844803/>

Migranty', migrantofobii i migracionnaya politika [Migrants, migrant phobias and migration policy] / Otvet. red. V.I. Mukomel'. M., 2014 (in Russian).

Osadchaya G.I. Migranty' iz Armenii i Gruzii v Moskve [Migrants from Armenia and Georgia in Moscow]. M., 2010 (in Russian).

Potemkina O.Yu. Ukrainskie bezhency v Evrosoyuze: novy'j migracionny'j krizis? [Ukrainian refugees in the European Union: a new migration hedgehog crisis?] // Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN. 2022. N 2. DOI: 10.15211/vestnikieran22022715 (in Russian).

Romir: Issledovanie Romir/M-Xolding: e' migracionny'e nastroeniya v Rossii i mire [M-Holding research: emigration sentiments in Russia and the world]. URL: <https://romir.ru/studies/issledovanie-romirm-holding-emigracionnye-nastroeniya-v-rossii-i-mire> (data obrashheniya: 09.05.2024) (in Russian).

Rozinskaya N.A., Rozinskij I.A. Ukrainskaya migraciya v Rossiyu: itogi i perspektivy' [Ukrainian migration to Russia: results and prospects] // E'konomicheskaya politiki. 2020. T. 15. N 4. DOI: 10.18288/1994-5124-2020-4-88-109 (in Russian).

Rybakovskij L.L. Istoriya i teoriya migracii naseleniya [History and theory of population migration]. Kn. 3: Teoriya trex stadij migracionnogo processa [Book 3: Theory of three stages of the migration process] M., 2019 (in Russian).

Ryazancev S.V., Skorobogatova V.I. Ukrainskaya migraciya v prioritax razvitiya // Rossii [Ukrainian migration in Russia's development priorities] // Mezhdunarodny'e processy'. 2016. T. 14. N 1. DOI:10.17994/IT.2016.14.1.44.3 (in Russian).

Savoskul M.S. Obzor teorij mezhdunarodnoj migracii naseleniya vtoroj poloviny' XX v [Review of theories of international population migration in the second half of the twentieth century] // Regional'nye issledovaniya. 2015. N 4 (50) (in Russian).

Shen J., Kogan J. Job loss or income loss: how the detrimental effect of unemployment on men's life satisfaction differs by immigration status // Frontiers Sociology. 2020. N 3. P. 14. 5:10. doi: 10.3389/fsoc.2020.00010

Sigareva E., Sivoplyasova S. Reproktivny'e i migracionny'e ustanovki sovremennoj molodezhi stran EAE'S (na primere Rossii, Kazaxstana i Ky'rgy'zstana) [Reproductive and migration attitudes of modern youth of the EAEU countries (on the example of Russia, Kazakhstan and Kyrgyzstan)] // Central'naya Aziya i Kavkaz. 2021. T. 24. N 2. DOI: 10.37178/ca-c.21.2.11 (in Russian).

Thomas W., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. N.Y., 1927.

Tomas U., Znanetskiy F. Metodologicheskie zametki [Methodological notes]. M., 1994 (in Russian).

Ukrainian citizens in the EU. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Ukrainian_citizens_in_the_EU#Ukrainian_citizens_authorised_to_stay_in_the_EU (accessed: 22.11.2022).

Van Hootegeem A., Meuleman B., Abts K. Attitudes toward asylum policy in a divided Europe: diverging contexts, diverging attitudes? // Frontiers in Sociology. Vol. 5. 21 May. 2020. P. 115–126.

VCIOM. E'migracionny'e nastroyeniya: monitoring [Emigration sentiments: monitoring]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehmigracionnye-nastroyeniya-monitoring-3> (data obrashheniya: 09.05.2024) (in Russian).

Wanner P. Can migrants' emigration intentions predict their actual behaviors? // Journal of International Migration and Integration. 2021. Vol. 22. 28 Dec.

Zajonchkovskaya Zh.A., Nozdrina N.A. Migracionny'j opy't naseleniya regional'ny'x centrov Rossii (na primere sociologicheskogo oprosa v 10 gorodax) [The migration hedgehog is the opiate of the population of the regional centers of Russia (based on the example of a sociological survey in 10 cities)] // Problemy' prognozirovaniya. 2008. N 4 (in Russian).

Zhuravlev A.L., Kuprejchenko A.B. Samoopredelenie, adaptaciya i socializaciya: sootnoshenie i mesto v sisteme social'no-psixologicheskix ponyatij [Self-determination, adaptation and socialization: correlation and place in the system of social-psychological concepts] // Psixologiya adaptacii i social'naya sreda: sovremennye podxody, problemy', perspektivy'. M., 2007 (in Russian).

СТУДЕНТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА НА РЫНКЕ ТРУДА (РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

А.С. Баркова, тьютор социологического факультета, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Современный рынок труда представляет собой динамичную структуру, предлагающую молодым специалистам широкий спектр возможностей и вызовов. Поведение соискателей на рынке труда детерминруется различными субъективными и объективными факторами, например, ценностными установками и ориентациями, а также возрастом, географическим положением и др. Молодежь XXI в., выросшая в эпоху информационных технологий и глобализации, приходит на рынок труда с новыми ценностями, ожиданиями и амбициями. Они стремятся к самореализации, развитию трудового потенциала и работе, которая приносит им удовлетворение и смысл. Молодое поколение во многом способствует трансформации рынка труда, поскольку приносит с собой новые практики и ценности, которые влияют на устоявшиеся подходы к работе и трудоустройству. Именно поэтому исследования молодежи представляют ценный материал для поиска и удержания молодых кадров. Исследования последних лет акцентируют внимание на том, что для современной молодежи удовольствие от работы является одним из решающих нематериальных факторов выбора рабочего места.

Статья посвящена исследованию особенностей отношения студентов социологического факультета МГУ к трудоустройству. Выпускники социологического профиля оказываются в уникальной позиции. Их образование представляет им широкий спектр знаний и навыков, востребованных в различных сферах деятельности. Они могут выбрать карьеру в маркетинге, социологических и аналитических исследованиях, PR и HR, а также в других областях, где требуется понимание социальных процессов. В результате исследования определены ключевые факторы, влияющие на выбор студентами сфер деятельности, методов поиска работы и успешное трудоустройство.

Ключевые слова: молодежь, рынок труда, трудоустройство, мотивация, социологический факультет, поведенческие стратегии.

* Баркова Анна Сергеевна, e-mail: ann.barkova@list.ru

STUDENTS OF THE SOCIOLOGY FACULTY ON THE LABOR MARKET (RESULTS OF EMPIRICAL RESEARCH)

Barkova Anna S., Tutor, Graduate student, Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ann.barkova@list.ru

The modern labor market is a dynamic structure that offers young professionals a wide range of opportunities and challenges. The behavior of applicants in the labor market is determined by various subjective and objective factors, such as values and orientations, as well as age, geographical location and others. The youth of the XXI century, who grew up in the era of information technology and globalization, come to the labor market with new values, expectations and ambitions. They seek self-actualization, development of labor potential and work that brings them satisfaction and meaning. The younger generation contributes a lot to the transformation of the labor market because it brings with it new practices and values that affect established approaches to work and employment. This is why youth research provides valuable material for finding and retaining young workers. Studies of recent years emphasize the fact that for modern youth the pleasure from work is one of the decisive factors in choosing a workplace.

The article is devoted to the study of the peculiarities of the attitude of students of the Sociology Faculty of Moscow State University to employment. Sociology graduates find themselves in a unique position. Their education provides them with a wide range of knowledge and skills in demand in various spheres of activity. They can choose careers in marketing, sociological and analytical research, PR and HR, and other fields that require an understanding of social processes. The study identifies the key factors influencing students' choice of fields of activity, job search methods and successful employment.

Key words: young people, labor market, employment, motivation, sociology faculty, social behavioral strategies.

Рынок труда является одним из ключевых социально-экономических механизмов, который определяет развитие любого общества. Данную структуру можно сегментировать по различным признакам и факторам¹ — по характеру труда, сферам деятельности, территории, возрастным группам и др. При этом деление на сегменты многомерно и зависит от целей конкретного анализа или исследования.

Одним из наиболее значимых, с управленческой точки зрения, является сегментирование рынка труда с выделением возрастных групп. Согласно методике Росстата, внутри границ трудоспособного возраста выделяются периоды по 5 лет (15–19 лет, 20–24 года и т.д.) с соответствующими группами населения². Таким образом стано-

¹ Нехода Е.В., Кучинова Э.С. Сегментация рынка труда: междисциплинарный подход // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2012. № 4 (20). С. 40–53.

² Труд и занятость в России. 2023: Стат. сб. // Росстат. М., 2023.

вится возможным работать с четко обозначенными совокупностями людей, которых при необходимости можно укрупнить в более удобные для анализа когорты. Например, существует деление на молодых, зрелых и возрастных участников рынка труда³. Каждая из трех выделенных групп имеет уникальные характеристики, влияющие на их взаимодействие с рынком труда. Молодые стремятся выйти на рынок труда и приобрести трудовой опыт, зрелая группа ориентирована по большей части на карьерное продвижение, а возрастные участники рынка труда могут стремиться улучшить свое финансовое положение, дополнив пенсию заработной платой. Другое возможное укрупнение возрастных групп — деление на лиц трудоспособного и нетрудоспособного возраста.

Молодежь на рынке труда

Особый интерес при исследовании рынка труда представляет молодежь, поскольку данная группа людей является наиболее динамичной частью населения. Молодежь старается определить векторы развития рынка и следовать им, а неотягощенность прошлым опытом работы детерминирует высокую трудовую мобильность этой социальной группы. На основе анализа ее поведения можно сделать важные выводы относительно общей динамики рынка труда. Впервые вступая в трудовые отношения, молодые люди зачастую приносят новые практики и ценности, что способствует изменению и трансформации всей сферы труда. Каждое поколение отличается жизненным опытом, связанным с периодом взросления: восприятием экономической и политической обстановки того времени, развитием соответствующих технологий и ценностей культуры. Все это сказывается на личностном становлении индивида и, в конечном счете, отражается на его профессиональном развитии.

В исследовании монгольских ученых⁴ проведен краткий обзор отношений представителей разных поколений к труду. Представители разных поколений отличаются не только предпочтениями к графику работы и формату занятости, но и, в целом, своим отношением к труду и ценностными ориентациями при выборе работы. Согласно их исследованию, такие факторы как баланс работы и личной жизни, постоянство работы, исполнительность в отношении

³ Гимпельсон В., Капелюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 122–143.

⁴ Цэцэгмаа Ц., Энхбаяр Ч., Алтанчимэг З. Отношение к труду и форма занятости поколений x, y, z: сходства и различия // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 5–2 (83). С. 6–10.

приказов руководства и в целом восприятия желаемой широты своей специализации воспринимаются представителями конкретных поколений совершенно по-разному. Авторы делают вывод о том, что многие из этих различий связаны не с сегодняшним возрастом представителей того или иного поколения, а сформировались тогда, когда они были молодыми.

В целом можно обобщить, что значительный вклад в трансформационные процессы на рынке труда вносят именно “вновь прибывающие” на него группы людей. Их новые ценности, практики и ожидания от работы меняют ландшафт трудовых отношений и приводят к эволюции рынка труда. Конечно, не стоит приуменьшать значения для этой эволюции внешних экономических и политических условий. Стоит вспомнить 2020 г., когда во время пандемии происходил массовый перевод сотрудников на дистанционный формат работы. В настоящее время карантинные ограничения сняты, однако удаленная работа с того времени стала составлять значимую долю предложения на рынке труда всех стран⁵. Однако, говоря о влиянии на рынок труда, которое исходит от его участников, следует подчеркнуть, что именно представители молодого поколения обладают мощным потенциалом к изменению данной структуры.

Для эффективного привлечения молодых специалистов необходимо проводить качественные исследования их мотивации и ценностей, чтобы понять их ожидания от работы и условий трудоустройства. Ценности, характерные для молодых людей, оказывают значительное влияние на их профессиональные амбиции и представления о работе. Поэтому качественные исследования жизненных приоритетов молодежи, по типу исследования Сбербанка 2017 г.⁶ представляют особый интерес. В результатах отмечалось, что современная для того времени молодежь не готова “вкалывать”, работа для них в первую очередь должна приносить удовольствие и доход и не отнимать много времени. В авторских опросах, выявляющих нематериальные ценности молодежи⁷, работа по душе также занимает одно из первых мест в рейтинге. Наиболее масштаб-

⁵ Статистика удаленной работы в мире (2024) // ИНКЛИЕНТ. URL: <https://inclient.ru/remote-work-stats/#lwptoc3> (дата обращения: 12.10.2024).

⁶ Исследование Сбербанка: 30 фактов о современной молодежи // ВШЭ. URL: [https://www.hse.ru/data/2017/03/28/1169798293/Исследование%20Сбербанка%2030%20фактов%20о%20совре..%20молодежи%20-%20ПАО%20Сбербанк%20\(2017\).pdf](https://www.hse.ru/data/2017/03/28/1169798293/Исследование%20Сбербанка%2030%20фактов%20о%20совре..%20молодежи%20-%20ПАО%20Сбербанк%20(2017).pdf) (дата обращения: 20.10.2024).

⁷ Железнякова С.И. Трудовая мотивация молодежи в условиях цифровой экономики: проблемы изучения // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 4. С. 159–167.

ное исследование отношения современной молодежи к труду было проведено компанией Deloitte в 2024 г. Выборка составила 22800 респондентов из 44 стран мира. Ценности, о которых говорилось выше — а именно чувство удовлетворенности от работы — важно более чем для 80% опрошенных⁸. Это свидетельствует о том, что для привлечения и удержания молодых кадров, важно предоставить им возможности для самореализации и развития личностного потенциала посредством интересной работы, содержащей вызовы и возможности для профессионального роста.

Поскольку для современной молодежи важен фактор самореализации, выходить на работу ее представители начинают раньше, чем более взрослое поколение. В 2022 г., согласно исследованию О.А. Золотиной и А.Т. Сагдеевой⁹ рынок труда демонстрировал увеличивающуюся тенденцию к раннему включению в рабочую силу не только выпускников учебных заведений, но и учащихся. Трудовая занятость молодежи в возрасте от 20 до 24 лет превышает 57%, что указывало на трансформацию стратегии выхода на рынок труда — от “сначала получить диплом, затем работать” к “выйти на работу во время обучения и набраться опыта”. С данными выводами согласуется проведенное на год позже исследование сервиса рекрутингового агентства HeadHunter о молодежной занятости¹⁰. Динамика активных резюме молодых специалистов в 2023 г. активно росла и опережала рынок в целом, хотя и носила сезонный характер (весной и летом активных резюме значительно больше, чем осенью и зимой).

Исследование рынка труда сквозь призму взглядов молодых людей и выпускников вузов критически важно для понимания его общей динамики и конкретных будущих трендов. Изучая мнения, потребности и ожидания молодежи, мы получаем ценную информацию о том, какие навыки и компетенции они развивают в себе, какие условия работы будут привлекать молодые кадры и как может измениться сама культура труда и работы в ближайшее время. Данная информация помогает работодателям адаптироваться к изменяющимся условиям и создавать более привлекательную рабочую среду для молодых специалистов.

⁸ 2024 Gen Z and Millennial Survey Living and working with purpose in a transforming world // Eticanews. URL: <https://www.eticanews.it/wp-content/uploads/2024/05/deloitte-2024-genz-millennial-survey.pdf> (accessed: 21.10.2024).

⁹ Золотина О.А., Сагдеева А.Т. Рынок труда и занятость молодежи в России // УПИРР. 2022. № 5. С. 71–78.

¹⁰ Что происходит на молодежном рынке труда прямо сейчас // HeadHunter. URL: https://hh.ru/article/32302?hhtmFrom=article&hhtmFromLabel=article_32301 (дата обращения: 15.10.2024).

Исследование ожиданий молодежи относительно роста или наоборот снижения популярности отдельных сфер занятости помогает определить перспективные направления развития рынка труда и идентифицировать те сферы, где будет наблюдаться приток молодых специалистов. Вряд ли молодые люди пойдут работать в трудовую отрасль, которую они не считают перспективной.

Кроме того, изучение молодежного сегмента рынка труда способствует определению проблем и вызовов, с которыми они сталкиваются при поиске работы. Помимо очевидной и неразрешимой проблемы, связанной с отсутствием трудового опыта, сюда можно также отнести недостаток информации в целом о рынке труда и его динамике, а также различные препятствия для развития карьеры в молодом возрасте. При понимании таких проблем различные государственные, муниципальные и образовательные структуры могут разрабатывать более эффективные программы поддержки молодежи на рынке труда и способствовать их успешному включению в рабочие процессы.

Трудоустройство студентов социологического факультета МГУ

Для исследования особенностей социально-трудовых отношений среди молодого поколения нами было проведено анкетирование студентов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Опрос проводился в феврале 2024 г. по репрезентативной выборке, учитывающей возраст и пол респондентов. Опрос осуществлялся как в бумажной, так и электронной форме (с использованием сервиса Google Forms). Всего было собрано 249 анкет, что по данным на время проведения исследования составляет 35% генеральной совокупности. Вопросы анкеты касались самых разных тем, связанных с трудоустройством будущих социологов: использование различных источников при поиске работы, поиск работы в интернете, выбираемые специальности и профессии, будущее рынка труда в России. В целом, анкета состояла из двух разделов:

- стратегии поиска работы и методы, используемые студентами, как уже искавшими работу, так и планирующими ее поиск в будущем;
- сферы, в которых студенты искали или планировали искать работу, а также где им удалось трудоустроиться.

Анализ полученных данных позволил выявить ряд тенденций в восприятии рынка труда и социально-трудовых отношений среди молодого поколения.

Особый интерес представляет сам факт поиска работы студентами. Все-таки студент — лицо, первостепенной задачей которого является обучение новому, усвоение знаний и развитие необходимых профессиональных и надпрофессиональных навыков. В процессе обучения в образовательных учреждениях далеко не всегда возможно совмещать работу и учебу. Студент становится перед выбором: пропускать занятия и работать или же посвятить себя обучению и не загружать себя трудовыми обязанностями. Как свидетельствуют исследования занятости молодых кадров, количество работающих студентов в нашей стране достаточно велико¹¹.

Подавляющее большинство респондентов нашего опроса (73%) уже имели опыт поиска работы. Данный факт представляется вполне естественным, поскольку для современных выпускников сейчас существует множество путей включиться в трудовую деятельность во время обучения. Сюда относятся многочисленные программы летних стажировок, временная и удаленная занятость, фриланс и т.п. Все эти варианты позволяют студентам получить практический опыт, развить профессиональные навыки, заработать деньги и увеличить свои шансы на успешное трудоустройство после окончания университета. В целом, молодежь склонна к гибким формам занятости, совмещающая учебу с работой или работая эпизодически¹². В связи с этим не удивительно, что значительная часть опрошенных уже сталкивалась с процессом поиска работы (конкретные данные о поиске работы представителями конкретных возрастных групп представлены в табл. 1).

Таблица 1

**Наличие опыта поиска работы у студентов
социологического факультета МГУ (в % от числа опрошенных)**

Опыт поиска работы	Возраст (лет)				В целом
	16–17	18–20	21–23	24–26	
Наличивается	75	73	82	43	73
Отсутствует	25	27	18	57	27

¹¹ Яркова Т.А., Михайлова Н.К. Занятость студентов на рынке труда: “старые” или новые тенденции? // Экономика труда. 2019. № 1. С. 587–598; Опрос: каждый второй студент совмещает учебу с работой // Моифинансы. URL: <https://моифинансы.рф/article/opros-kazhdyyj-vtoroj-student-sovmeshaet-uchebu-s-rabotoj/> (дата обращения: 12.10.2024).

¹² Третью молодёжи в России работает удалённо // top24news. URL: <https://top24.news/obshchestvo/tret-molodyozhi-v-rossii-rabotaet-udalynno> (дата обращения: 21.10.2024).

Анализ результатов опроса показывает интересную и, казалось бы, парадоксальную динамику в отношении опыта поиска работы в разных возрастных группах. Среди респондентов 24–26 лет более половины утверждают, что раньше не сталкивались с поиском работы. В то же время, среди студентов младшего возраста значительно больше тех, кто уже имеет опыт поиска работы. Однако, если связать фактор возраста с уровнем получаемого образования, картина проясняется. В среднем, бакалавриат как раз заканчивают в возрасте 22 лет. Профессиональные ориентации студентов формируются индивидуально, однако логично предположить, что те, кто выбрал продолжить обучение, нацелены скорее на получение более глубоких знаний и опыта, и для них вопрос о совмещении учебы и трудовой деятельности может вовсе не стоять. Они концентрируются на учебе: могут исследовать разные области знаний, пробовать себя в науке, заниматься волонтерством (а не работой) для приобретения опыта и т.п. Поэтому среди студентов, обучающимся по программам магистратуры и аспирантуры, процент тех, кто обращался к поиску работы действительно может быть меньше. Эти студенты прошли через своеобразное “сито”, выбрав продолжение обучения, а не вступление в трудовые отношения. В то же время среди выпускников бакалавриата, возраст которых в среднем составляет 22 года, действительно, большая часть ориентирована на вступление в трудовую деятельность и может начать трудиться во время учебы.

Если же обратиться к вопросу о том, как студенты осуществляли поиск работы, ответ на него будет однозначным — с помощью интернета. Интернет в современных реалиях представляет собой наиболее эффективный инструмент для поиска работы, обеспечивая соискателям доступ к обширной базе открытых вакансий. Динамичное обновление информации о вакансиях позволяет соискателям отслеживать изменения на рынке труда в реальном времени. Кроме того, онлайн-платформы предоставляют возможность сравнительного анализа условий трудоустройства, включая уровень заработной платы и требования к профессиональным навыкам, что позволяет соискателям оптимизировать свой поиск работы. 98% респондентов использовали интернет как один из источников поиска работы. Среди преимуществ обращения к данному инструменту респонденты отметили экономию времени и большой выбор вакансий. Ни одна другая форма поиска работы (ярмарка вакансий, знакомые и друзья и т.д.) не сможет дать соискателю внушительный

список вакансий за короткий срок, как это происходит при простом обращении к сайту рекрутингового агентства¹³.

Однако студенты-социологи отдают себе отчет и о недостатках поиска работы в сети. Несмотря на предоставление большого количества вакансий, не все из них содержат полностью достоверную информацию. В некоторых случаях указывается некорректная информация о заработной плате или обязанностях будущего работника, иногда объявление о вакансии попросту оказывается неактуальным. Проблема недостоверной информации о вакансиях, к сожалению, является почти непреодолимой. Использование некорректных данных о будущей работе (завышенная зарплата, дополнительные льготы, хорошие условия труда и т.п.) становится часто используемой тактикой для привлечения внимания кандидатов и увеличения интереса к компании. Опрос сервиса Работа.ру, проведенный в 2021 г., показал, что больше 70% респондентов сталкивались с ложью в вакансиях различных компаний¹⁴.

Помимо интернета, более половины опрошенных (52%) обращались к личным знакомствам при поиске работы. Респонденты понимают, что данный канал поиска, действительно, может способствовать успешному трудоустройству, ведь, по сути, он предоставляет доступ к эксклюзивной информации и увеличивает шансы на более плодотворную коммуникацию между работодателем и соискателем через “своего” человека. Следует отметить, что среди тех, кто еще не искал работу, 65% при наличии возможности будут обращаться к личным связям и знакомствам.

Стратегии поиска работы студентами

Отдельного и более пристального внимания заслуживают вопросы, касающиеся поведенческих стратегий студентов при поиске работы. Прежде всего нужно сказать, что любой соискатель может придерживаться различных стратегий, выбор которых зависит от интенсивности обращения к объявлениям о вакансиях, частоты откликов на них, глубины саморефлексии и постановки карьерных целей. Исходя из этого можно выделить два подхода к поиску работы — активный и пассивный¹⁵. Первый заключается в инициа-

¹³ Скрипниченко Л.С. Интернет как средство поиска работы и персонала // УПИРР. 2022. № 4. С. 48–52.

¹⁴ Опрос показал, сколько россиян сталкивались с ложью в вакансиях // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20210727/lozh-1743032642.html> (дата обращения: 13.10.2024).

¹⁵ Тореев В.Б. Рынок труда и стратегии поиска работы // Народонаселение. 2013. № 3 (61). С. 38–51.

ции соискателем первичного контакта с работодателем. Соискатель активно ищет работу, сравнивает и выбирает подходящие ему вакансии. Пассивный подход связан с простым ожиданием предложений от работодателей и минимальной активностью по части отбора вакансий. Наибольший интерес для настоящего исследования составляет активный тип поиска, поскольку именно он позволяет узнать, какими ресурсами пользуется соискатель, какие критерии поиска работы он выделяет и, в целом, как он отбирает подходящие вакансии. Пассивный поиск не дает столько информации о действиях соискателя. Он может только подтвердить, что соискатель ищет работу, но он не показывает сами методы поиска и задействованные ресурсы. Следует заметить, что пассивный поиск также может быть актуальным у студентов. Например, они могут размещать свои резюме на сайте рекрутингового сервиса и просто ждать откликов. Однако ничего, кроме наличия активного резюме, о соискателе в таком случае сказать невозможно.

Активный поиск в свою очередь может реализовываться разными путями. Исследователи выделяют три формы: бессистемный, сфокусированный и исследовательский¹⁶.

Суть бессистемного поиска можно кратко охарактеризовать принципом “на авось”. Соискатель откликается на все вакансии, которые попадают на глаза на всех доступных ресурсах. У соискателя лишь одна цель — трудоустроиться, при этом не важен собственный профессиональный интерес и актуальная квалификация. Саморефлексия при такой форме поиска отсутствует. Если соискатель в целом не боится сложной работы, то шансы быстро трудоустроиться возрастают, что относят к плюсам данного метода. Тем не менее, нельзя сказать, что для личного развития такая стратегия является эффективной, поскольку соискатель тратит поисковое время на зачастую не подходящие ему по статусу и умениям вакансии, в то время как можно было сосредоточиться на минимальном “просеивании” вакансий и отбору перспективных вариантов.

Сфокусированный поиск реализуется через первоначальный выбор специализации (четко очерченной процессуальной области) и сосредоточении внимания на соответствующих ей вакансиях. Важно изучить рынок труда в выбранной отрасли, понять требования работодателей, развить необходимые навыки для успешного

¹⁶ Crossley C., Scott H. Relation of job search and choice process with subsequent satisfaction // *Journal of Economic Psychology*. 2005. N 26. P. 255–268.

трудоустройства. Здесь уже можно говорить о том, что соискатель занимается саморефлексией, однако исключительно в рамках самооценки и анализа своих текущих способностей в конкретной выбранной сфере. Отклики на вакансии при данной форме поиска являются целевыми, поэтому шансы на успешное трудоустройство достаточно высокие. Более того, фокусировка на конкретной специализации позволяет развить необходимые навыки и знания, что делает кандидата более конкурентоспособным в выбранной сфере и опять же увеличивает шансы успешного трудоустройства. К минусам такой формы поиска относится ограниченность предложений. Кандидат может не обратить внимание на подходящие ему по навыкам и умениям вакансии, если они не попадают под выбранную специализацию. Например, если кандидат выбрал специализацию “Веб-разработка”, он может не обратить внимание на вакансию “Разработчик мобильных приложений”, хотя она требует схожих навыков и знаний в программировании, работе с базами данных и интерфейсами. Другой пример: кандидат, выбравший специализацию “Маркетинг в социальных медиа”, может пропустить вакансию “Контент-менеджер”, хотя обе специализации требуют навыков в создании контента, продвижении в онлайн-среде и анализе данных. Поэтому важно помнить, что сфокусированный поиск не должен быть слишком узким, необходимо быть открытым к новым возможностям и не бояться исследовать смежные специализации.

Третий, исследовательский, тип поиска работы представляет собой системный подход соискателя к анализу себя как специалиста и рынка труда. Суть такого поиска заключается в глубоком самопознании, оценки своих способностей, интересов и ценностей, и рассмотрению разных специализаций и сфер труда, которые будут максимально соответствовать личным предпочтениям. Человек не фокусируется на конкретной профессии или отрасли, а дает себе свободу выбора работы в самых разных сферах. Например, соискатель, занимающийся исследовательским поиском, может одновременно просматривать вакансии в сфере социальной аналитики и сфере маркетинга. Аналитика данных требует хорошего знания статистических методов, способности анализировать большие объемы данных и делать выводы. Маркетинг также часто опирается на анализ данных о поведении потребителей, эффективности рекламных кампаний и т.д. Если выбрана стратегия исследовательского поиска, соискатель постоянно оценивает себя и свои

способности для того, чтобы понять, насколько его навыки могут пригодиться в каждой конкретной сфере. Можно сказать, что здесь, в отличие от сфокусированного типа поиска, саморефлексия постоянна и адаптивна. В частности, соискателю потребуется заново настраивать себя для прохождения каждого нового собеседования. Кроме того, если сфокусированный тип поиска скорее опирается на специализацию, то исследовательский тип — на межпрофессиональные и личностные навыки. Разумеется, к минусам данного типа поиска можно отнести ресурсо- и времязатратность, поскольку постоянный самоанализ требует много времени. Однако именно с помощью такого типа поиска значительно увеличиваются шансы не просто найти подходящую в плане навыков и способностей работу, но и максимально раскрыть свой трудовой потенциал в ней.

Комбинация форм поиска также возможна. В зависимости от интереса и мотивации, которые со временем меняются, соискатель может переходить от исследовательского типа поиска к сфокусированному и даже бессистемному и наоборот. Он также может одновременно бессистемно откликаться на вакансии только одного профессионального направления, что представляет собой комбинацию бессистемного и сфокусированного подходов.

В нашем исследовании сфокусированный поиск работы был разделен на два “подвида” — фокус на конкретной профессии и фокус на конкретной компании. Такое разделение представляется актуальным, потому что в современных реалиях имидж компании может играть решающую роль в привлечении потенциальных работников. Студенты могут быть так впечатлены рекламой компании, что будут стремиться устроиться на любые вакансии в ней, даже если они не полностью соответствуют их специализации. Кроме того, студенты часто находятся в поиске своего пути и готовы испытать себя в разных профессиях, что тоже может привести их к фокусу на конкретной компании. Разделение сфокусированного типа поиска работы на два подвида помогло определить, что для студентов-социологов важнее: сама профессия или имидж организации, и в какой степени один фактор преобладает над другим. Респонденты также могли дополнительно указать свои собственные стратегии поиска. Результаты выявления используемых студентами-социологами стратегий поиска работы приведены в табл. 2.

Стратегии поиска работы студентов-социологов

Выбранная стратегия	Общий итог (%)
Сфокусированный на специализации поиск + исследовательский поиск	32,97
Сфокусированный на компании поиск + сфокусированный на специализации поиск	21,98
Сфокусированный на специализации поиск	18,13
Сфокусированный на компании поиск	6,04
Сфокусированный на компании поиск + исследовательский поиск	6,04
Сфокусированный на специализации поиск + бессистемный поиск	4,95
Исследовательский поиск	3,30
Бессистемный поиск	3,30
Исследовательский поиск + бессистемный поиск	1,65
Сфокусированный на компании поиск + бессистемный поиск	1,10
Поиск вакансии ближе к дому	0,55
Всего	100

Наиболее популярной стратегий среди респондентов является комбинация сфокусированного на специализациях и исследовательского типа поиска. Следует отметить, что сам по себе сфокусированный поиск является популярным как в чистом виде, так и в комбинации с другими стратегиями. Подобное преобладание сфокусированного поиска может быть объяснено относительной простотой и конкретностью данной стратегии. Студентам часто проще выбрать конкретную цель (профессию или компанию) и сосредоточиться на ее достижении, нежели проводить глубокую саморефлексию и исследовать свои способности в рамках исследовательского поиска. Такой подход к поиску работы обусловлен как отсутствием достаточного опыта самопознания, так и желанием оперативно включиться в трудовую деятельность и добиться успеха.

Наименее популярные позиции заняли бессистемный поиск и его комбинации с другими стратегиями. Данный факт свидетельствует о том, что респонденты в большинстве своем осознают необходимость целеустремленного подхода к поиску работы. Они не рассчитывают на случайность и понимают, что хаотичный отклик

на все вакансии без учета собственных интересов, квалификации и целей не приведет к желаемому результату.

Один респондент также указал конкретный и однозначный фактор фильтрации вакансий — “поиск работы ближе к дому”. В современных реалиях даже при поиске работы через интернет, возможно настроить в качестве фильтра открытых вакансий их гео-локацию и таким образом осуществлять отбор.

Критерии отбора вакансий студентами

Рекрутинговые платформы в интернете предоставляют соискателям доступ к обширной базе открытых вакансий. Просматривая предложения, кандидаты осуществляют их оценку на основе различных критериев. Последние могут представлять собой как материальные факторы (заработная плата, близость к дому и т.п.), так и нематериальные факторы (удовлетворенность работой, престиж и т.п.). Оценка вакансий является субъективным процессом, и важность тех или иных критериев может отличаться в зависимости от конкретного соискателя, его ценностей, опыта и жизненных установок. Ответы на вопрос относительно решающего критерия в выборе вакансии представлены на рис.

Рис. Определяющие критерии в выборе работы студентов-социологов

Как можно видеть, значительная часть респондентов выдвигает критерий заработной платы как определяющий в выборе места работы, т.е. в ситуации с двумя схожими вакансиями, но разной оплатой труда, выбор будет сделан в пользу наиболее высокой зарплаты. Заработная плата для студента, безусловно, является мощным моти-

вационным фактором, влияющим на его выбор места работы. Она является экономическим стимулом, обеспечивая студента финансовыми ресурсами, и одновременно показателем его статуса и социальной значимости, сигнализируя о высокой оценке обществом его навыков, знаний и умений. В исследовании “Талантист”¹⁷, проведенном в 2023 г., организаторы пришли к аналогичному результату. 75% опрошенной молодежи выбрали заработную плату определяющим фактором при оценке вакансий.

Интересно было сопоставить полученные результаты с проведенным также на социологическом факультете МГУ в 2018 г. исследованием на тему “Социальный портрет современного российского студента”¹⁸. Важной составляющей того исследования была оценка текущей занятости студентов, а также их взглядов на трудоустройство. Было выявлено, что необходимость зарабатывать себе на жизнь является основной причиной совмещения работы и учебы. Таким образом, в исследовании пятилетней давности заработная плата как критерий выбора работы воспринималась в первую очередь в своем экономическом значении. Ее статусный аспект раскрывался в оценке желаемого будущего. Тогда более половины опрошенных студентов выделили в качестве жизненного приоритета возможность получать высокие доходы в будущем, работая по своей профессии.

Сегодня обретение особого социального статуса также волнует очень многих студентов. Два следующих за зарплатой мотива выбора работы — “желание реализовать себя в выбранной специальности” и “желание начать самостоятельную жизнь” — связаны со стремлением повысить свой социальный статус. Причем, таких статусов два. Во-первых, студентов привлекает статус профессионала своего дела. А, во-вторых, для молодого человека или девушки привлекателен статус независимой личности. Жить без помощи родителей, самого себя содержать, быть свободным в своих решениях — вот те характеристики этого статуса, которые как стимулируют сам поиск работы, так и определяют выбор конкретной вакансии. Исходя из этого и высокая заработная плата как основание для предпочтения конкретной работы важна для студентов-социологов прежде всего как подтверждение высокого социального статуса человека, который ей занимается.

¹⁷ Исследование “Талантист” выявило, что важно для молодежи при выборе работодателя // Талантист. URL: <https://talantist.ru/news/talantist-chto-vazhno-dlya-molodezhi-pri-vybore-rabotodatela/> (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁸ Осипова Н.Г., Синяков А.В., Елишев С.О., Каневский П.С., Трофимов С.В. Социальный портрет современного российского студента: по результатам исследования на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 2017.

Сферы трудоустройства студентов-социологов

Выпускники социологического факультета обладают, помимо узкоспециализированных знаний, широким спектром компетенций, что делает их востребованными специалистами в различных областях. В процессе обучения вырабатываются востребованные на современном рынке труда личностные и профессиональные компетенции, среди которых можно выделить работу в команде, коммуникацию, самоорганизацию и саморазвитие. Согласно данным цифровой платформы РосНавык, разработанной в Томском государственном университете для оценки востребованности профессиональных и надпрофессиональных (личностных) навыков, именно эти “мягкие” навыки являются одними из самых часто встречающихся в объявлениях на сайтах рекрутинговых агентств¹⁹.

Студенты социологического факультета также развивают навыки работы с информацией, включая поиск, критический анализ, обработку и презентацию данных в целях выявления и решения социально-значимых проблем. Благодаря этим компетенциям они востребованы в сферах маркетинга, государственного управления, консалтинга, социальной работы, науки и образования, СМИ и PR и многих других областях.

Блок вопросов анкеты касался направлений поиска работы по сферам деятельности. Наиболее часто студенты социологического факультета искали работу в сфере исследований и аналитики (в маркетинговых агентствах и социологических центрах), маркетинге, рекламе и PR. Поиск работы увенчался успехом у 51% опрошенных. Топ-5 сфер, в которых респондентам удалось трудоустроиться, представлен в табл. 3.

Таблица 3

Топ-5 сфер трудоустройства студентов-социологов

Сфера	% трудоустроившихся
Маркетинг, реклама, PR (в государственных организациях и частных компаниях)	16,1
Образование и наука	12,9
Торговля, производство	12,9
HR	10,7
Исследования и аналитика (в социологических центрах и маркетинговых агентствах и)	9,6

¹⁹ РосНавык — актуальный запрос рынка труда на компетенции в России // РосНавык. URL: <https://rosnavyk.ru/> (дата обращения: 19.10.2024).

Среди областей трудоустройства социологов достаточно неожиданной выглядит сфера торговли и производства. Как показал сопутствующий опросу анализ информации, речь в данном случае не идет о трудоустройстве в сфере промышленной социологии, хотя на крупных отечественных предприятиях существуют социологические службы. Для студентов и молодых специалистов часто доступны входные, низшие позиции в торговых точках или на производственных предприятиях. Эти позиции могут быть относительно простыми в смысле требований к опыту и квалификации, что делает их доступными для широкого круга лиц. При этом даже на таких позициях социологи могут применить свои знания о поведении потребителей, взаимодействии с коллегами, разрешении конфликтов безотносительно специфике работы в конкретной отрасли.

Подводя итог проведенному исследованию, можно выделить несколько ключевых тенденций в поведении студентов социологического факультета на рынке труда. Во-первых, у них преобладает сфокусированная форма поиска работы. Студенты социологического факультета прежде всего ориентируются на профессиональную специализацию. Они хотят развивать полученные в ходе учебы навыки и умения. При этом определенная часть студентов ориентируется в большей степени на имидж компании, в которой будут работать. Во-вторых, в поиске работы студенты активно используют современные инструменты и каналы коммуникации: интернет и личные знакомства. Данные ресурсы предоставляют широкие возможности для поиска вакансий, контактов с работодателями и сбора информации о рынке труда. В-третьих, студенты социологического факультета в своем трудоустройстве нацелены на специфические сферы деятельности, такие как маркетинг, социологические исследования, аналитика, PR и HR. Это связано с тем, что они обладают знаниями и навыками, необходимыми для успешной работы в этих областях.

Важно отметить, что более половины опрошенных студентов уже успешно трудоустроились. Этот факт свидетельствует о высоком уровне профессиональной подготовки, полученной на факультете, и о востребованности специалистов с социологическим образованием на рынке труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гимпельсон В., Капелюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 122–143.

Железнякова С.И. Трудовая мотивация молодежи в условиях цифровой экономики: проблемы изучения // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 4. С. 159–167.

Золотина О.А., Сагдеева А.Т. Рынок труда и занятость молодежи в России // УПИРР. 2022. № 5. С. 71–78.

Исследование “Талантист” выявило, что важно для молодежи при выборе работодателя // Талантист. URL: <https://talantist.ru/news/talantist-cto-vazhno-dlya-molodezhi-pri-vybore-rabotodatelaya/> (дата обращения: 20.10.2024).

Исследование Сбербанка: 30 фактов о современной молодежи // ВШЭ. URL: [https://www.hse.ru/data/2017/03/28/1169798293/Исследование%20Сбербанка%2030%20фактов%20о%20совре..%20молодежи%20-%20ПАО%20Сбербанк%20\(2017\).pdf](https://www.hse.ru/data/2017/03/28/1169798293/Исследование%20Сбербанка%2030%20фактов%20о%20совре..%20молодежи%20-%20ПАО%20Сбербанк%20(2017).pdf) (дата обращения: 20.10.2024).

Нехода Е.В., Кучинова Э.С. Сегментация рынка труда: междисциплинарный подход // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2012. № 4 (20). С. 40–53.

Опрос показал, сколько россиян сталкивались с ложью в вакансиях // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20210727/lozh-1743032642.html> (дата обращения: 13.10.2024).

Опрос: каждый второй студент совмещает учебу с работой // Мои финансы. URL: <https://моифинансы.рф/article/opros-kazhdyy-vtoroj-student-sovmeshhaet-uchebu-s-rabotoj/> (дата обращения: 12.10.2024).

Осипова Н.Г., Синяков А.В., Елишев С.О., Каневский П.С., Трофимов С.В. Социальный портрет современного российского студента: по результатам исследования на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова”. М., 2017.

РосНавык — актуальный запрос рынка труда на компетенции в России // РосНавык. URL: <https://rosnavyk.ru/> (дата обращения: 19.10.2024).

Скрипниченко Л.С. Интернет как средство поиска работы и персонала // УПИРР. 2022. № 4. С. 48–52.

Статистика удаленной работы в мире (2024) // ИНКЛИЕНТ. URL: <https://inclient.ru/remote-work-stats/#lwptoc3> (дата обращения: 12.10.2024).

Тореев В.Б. Рынок труда и стратегии поиска работы // Народонаселение. 2013. № 3 (61). С. 38–51.

Третью молодежи в России работает удалённо // top24.news. URL: <https://top24.news/obshhestvo/tret-molodyozhi-v-rossii-rabotaet-udalynno> (дата обращения: 21.10.2024).

Труд и занятость в России. 2023: Стат. сб. // Росстат. М., 2023.

Цэцэгмаа Ц., Энхбаяр Ч., Алтанчимэг З. Отношение к труду и форма занятости поколений x, y, z: сходства и различия // МНИЖ. 2019. № 5–2 (83). С. 6–10.

Что происходит на молодежном рынке труда прямо сейчас // HeadHunter. URL: https://hh.ru/article/32302?hhtmFrom=article&hhtmFromLabel=article_32301 (дата обращения: 15.10.2024).

Яркова Т.А., Михайлова Н.К. Занятость студентов на рынке труда: “старые” или новые тенденции? // Экономика труда. 2019. № 1. С. 587–598.

REFERENCES

2024 Gen Z and Millennial Survey Living and working with purpose in a transforming world // Etcnews. URL: <https://www.etcnews.it/wp-content/uploads/2024/05/deloitte-2024-genz-millennial-survey.pdf> (accessed: 21.10.2024).

Chto proishodit na molodezhnom rynke truda prjamo sejchas [What's happening in the youth labor market right now] // HeadHunter. URL: <https://>

hh.ru/article/32302?hhtmFrom=article&hhtmFromLabel=article_32301 (accessed: 15.10.2024) (in Russian).

Cjecjegmaa C., Jenhbajar Ch., Altanchimjeg Z. Otnoshenie k trudu i forma zanjatosti pokolenij h, y, z: shodstva i razlichija [Attitudes to labor and form of employment of generations x, y, z: similarities and differences] // MNIZh. 2019. N 5–2 (83) (in Russian).

Crossley C., Scott H. Relation of job search and choice process with subsequent satisfaction // Journal of Economic Psychology. 2005. N 26.

Gimpel'son V., Kapeljushnikov R. Nestandartnaja zanjatost' i rossijskij rynek truda [Non-standard employment and the Russian labor market] // Voprosy jekonomiki. 2006. N 1 (in Russian).

Issledovanie "Talentist" vyjavilo, chto vazhno dlja molodezhi pri vybore rabotodatelja [Talentist survey reveals what is important to young people when choosing an employer] // Talentist. URL: <https://talantist.ru/news/talentist-chto-vazhno-dlya-molodezhi-pri-vybore-rabotodatelja/> (accessed: 20.10.2024) (in Russian).

Issledovanie Sberbanka: 30 faktov o sovremennoj molodezhi [Sberbank research: 30 facts about today's youth] // VShJe. URL: [https://www.hse.ru/data/2017/03/28/1169798293/Issledovanie%20Sberbanka%2030%20faktov%20o%20sovre.%20molodezhi%20-%20PAO%20Sberbank%20\(2017\).pdf](https://www.hse.ru/data/2017/03/28/1169798293/Issledovanie%20Sberbanka%2030%20faktov%20o%20sovre.%20molodezhi%20-%20PAO%20Sberbank%20(2017).pdf) (accessed: 20.10.2024) (in Russian).

Jarkova T.A., Mihajlova N.K. Zanjatost' studentov na rynke truda: "starye" ili novye tendencii? [Student employment in the labor market: "old" or new trends?] // Jekonomika truda. 2019. N 1 (in Russian).

Nehoda E.V., Kuchinova Je.S. Segmentacija rynka truda: mezhdisciplinarnyj podhod [Labor market segmentation: an interdisciplinary approach] // Vestn. Tom. gos. un-ta. Jekonomika. 2012. T. 4. N 20 (in Russian).

Opros pokazal, skol'ko rossiyan stalkivalis' s lozh'ju v vakansijah [Survey shows how many Russians have encountered lies in job vacancies] // RIA novosti. URL: <https://ria.ru/20210727/lozh-1743032642.html> (accessed: 13.10.2024) (in Russian).

Opros: kazhdyj vtoroj student sovmeshhaet ucību s rabotoj [Survey: every second student combines study with work] // Moifinansy. URL: <https://moifinansy.rf/article/opros-kazhdyj-vtoroj-student-sovmeshaet-ucību-s-rabotoj/> (accessed: 12.10.2024) (in Russian).

Osipova N.G., Sinjakov A.V., Elishev S.O., Kanevskij P.S., Trofimov S.V. Social'nyj portret sovremenного rossijskogo studenta [Social portrait of a modern Russian student]. Po rezul'tatam issledovanija na sociologicheskom fakul'tete MGU imeni M.V. Lomonosova". M., 2017 (in Russian).

RosNavyk — aktual'nyj zapros rynka truda na kompetencii v Rossii [RosNavik — current labor market demand for competencies in Russia] // RosNavyk. URL: <https://rosnavyk.ru/> (accessed: 19.10.2024) (in Russian).

Skripnichenko L.S. Internet kak sredstvo poiska raboty i personala [Internet as a means of job and personnel search] // UPIRR. 2022. N 4 (in Russian).

Statistika udalennoj raboty v mire (2024) [Statistics of remote work in the world (2024)] // INKLIENT. URL: <https://inclient.ru/remote-work-stats/#lwptoc3> (accessed: 12.10.2024) (in Russian).

Toreev V.B. Rynek truda i strategii poiska raboty [Labor market and job search strategies] // Narodonaselenie. 2013. N 3 (61) (in Russian).

Tret' molodjozhi v Rossii rabotaet udaljonno [One third of young people in Russia work remotely] // top24.news. URL: <https://top24.news/obshhestvo/tret-molodyozhi-v-rossii-rabotaet-udaljonno> (accessed: 21.10.2024) (in Russian).

Trud i zanjatost' v Rossii. 2023: Stat.sb. [Labor and Employment in Russia. 2023: Stat.sb] // Rosstat. M., 2023 (in Russian).

Zheleznjakova S.I. Trudovaja motivacija molodezhi v uslovijah cifrovoj jekonomiki: problemy izuchenija [Labor motivation of young people in the digital economy: problems of study] // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2021. N 4 (in Russian).

Zolotina O.A., Sagdeeva A.T. Rynok truda i zanjatosti molodezhi v Rossii [Labor market and youth employment in Russia] // UPIRR. 2022. N 5 (in Russian).

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-1-155-177

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО: В.М. ХВОСТОВ

С.А. Батуренко, канд. социол. наук, доц. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

На основании анализа первоисточников в статье рассматривается проблема роли и значения женщины в развитии культуры в трудах русского социолога XIX — начала XX в. Вениамина Михайловича Хвостова. Большое количество работ ученых посвятил различным аспектам проблемы женской эмансипации. Женский вопрос, проблема положения женщин в обществе, возникшее женское движение стали одним из предметов научного интереса Хвостова. Главная его идея заключается в утверждении неизбежно наступающей феминизации культуры. В статье показаны взгляды русского социолога на трансформации в сфере культуры, а также основные прогнозы относительно ее дальнейшего развития, учитывая активизацию женского движения и грядущие изменения в общественно-политическом положении женщины. Хвостов доказывает, что интенсивность и полнота развития культуры зависит от привлечения всех разнообразных сил членов данного общества с учетом способностей каждого. Освобождение женщины будет способствовать качественному изменению культуры, изменению самого ее характера. Автор статьи реконструирует картину будущего, созданную русским социологом-классиком. Следствием победы феминизма станет нравственный прогресс как для женщин, так и для мужчин. Борьба за женское достоинство для Хвостова означает борьбу за человеческое достоинство вообще. И именно в понятии человеческого достоинства лежит окончательное решение женского вопроса и многих других социальных проблем.

Ключевые слова: В.М. Хвостов, женский вопрос, женщина в культуре, эмансипация, человеческое достоинство.

* Батуренко Светлана Алексеевна, e-mail: level_s@rambler.ru

THE ROLE OF WOMEN IN THE DEVELOPMENT OF THE CULTURE OF THE FUTURE: CONCEPT BY V.M. KHVOSTOV

Baturenko Svetlana A., Cand. Sci (Sociol.), Assoc. Prof. of Department of history and theory of sociology of Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: level_s@rambler.ru

Based on the analysis of primary sources, the article examines the problem of the role and importance of women in the development of culture in the works of the Russian sociologist of the XIX — early XX century Veniamin Mikhailovich Khvostov. The scientist devoted a large number of works to various aspects of the problem of women's emancipation. The women's issue, the problem of the status of women in society, and the emerging women's movement became one of Khvostov's subjects of scientific interest. His main idea is to affirm the inevitable feminization of culture. The article shows the views of the Russian sociologist on transformations in the field of culture, as well as the main forecasts for its further development, taking into account the intensification of the women's movement and the upcoming changes in the socio-political position of women. Khvostov proves that the intensity and completeness of cultural development depends on the involvement of all the diverse forces of the members of a given society, taking into account the abilities of each. The liberation of a woman will contribute to a qualitative change in culture, a change in her very character. The author of the article reconstructs the picture of the future created by a Russian classical sociologist. The result of the victory of feminism will be moral progress for both women and men. The struggle for women's dignity for Khvostov means the struggle for human dignity in general. And it is precisely in the concept of human dignity that the final solution to the women's issue and many other social problems lies.

Key words: V.M. Khvostov, women's issue, woman in culture, emancipation, human dignity.

Введение

Вениамин Михайлович Хвостов (1868–1920) — известный ученый историк и правовед, социолог неокантианского направления. Он является автором работ по теории права, теории исторического процесса, по женскому вопросу, вопросам духовной культуры, этики, методологии социального познания. Творчество Хвостова остается актуальным для современной науки, ему посвящено большое количество исследований в разных областях знания: философии, истории, юриспруденции, психологии, социологии и других¹.

¹ Беновицкая Е.Р. В.М. Хвостов о социальной природе человека и государства // Теория государства и права. 2023. № 3(32). С. 36–56; Коломиец Г.Г. Истина, достоинство и преодоление в нравственном назначении человечества: по идейному наследию русского философа В.М. Хвостова // Поиск истины и правда жизни

Одной их важнейших и наименее изученных проблем, разрабатываемых ученым, была проблема женской эмансипации, роли женщины в различных областях социальной жизни, исследование изменения ее положения в обществе начала XX в., а также описание прогнозов относительно дальнейшего развития. Цель предпринятого теоретического исследования заключается в представлении главных тенденций изменения роли женщины в культуре, описанных русским социологом Хвостовым, выявлении общих закономерностей трансформации ее значения для развития общества. Главными методами данного теоретико-методологического и историко-социологического исследования выступили методы интерпретации и теоретической реконструкции.

Большое количество трудов Хвостов посвятил различным аспектам проблемы женской эмансипации². Среди этих вопросов одним из самых важных для него был вопрос о влиянии женщин на формирование и развитие культуры. Публикации русского социолога были первыми разработками в области изучения места женщины в культуре прошлого и настоящего. Его работы во многом задают горизонт современного актуального знания, позволяющий разобраться в сложных и многогранных вопросах роли, места и значения женщины в культуре. Особенно остро эти вопросы представлены в феминистской теории, рассматривающей современную культуру с точки зрения традиции маскулинной доминации и андроцентризма. Кроме того, новое звучание приобретают возможности научного прогнозирования дальнейшего развития влияния женщины в культуре.

Участие женщины в формировании культуры прошлого

Во многих своих трудах Хвостов отмечал исторически сложившуюся большую зависимость и подчиненное положение женщины в общественной жизни, приводя в пример факт отсутствия у

в пространстве современной культуры. Сб. мат-в XV ежегодного теоретического семинара. СПб., 2023. С. 85–91; *Лисицына Г.Г.* В.М. Хвостов и Московский институт социальной психологии (1917–1922) // История и архивы. 2023. № 1. С. 101–124; *Оганян К.К.* Взаимодействие нравственной личности и общества в социологии В.М. Хвостова в контексте духовно-нравственного кризиса современного общества // Вестник НГУЭУ. 2014. № 1. С. 190–204.

² *Хвостов В.М.* Женщина в обновленной культуре. М., 1917; *Он же.* Женщины и человеческое достоинство: исторические судьбы женщины. Природа женщины. Женский вопрос. М., 1914; *Он же.* Женщина накануне новой эпохи (Два этюда по женскому вопросу). М., 1905; *Он же.* О равноправии женщин. М., 1911; *Он же.* Психология женщин. О равноправии женщин. М., 1911; *Он же.* Участие женщины в умственной культуре человечества. М., 1914.

женщин политических прав, трудности в получении образования, большие ограничения в праве на наследство и многие другие. Вместе с тем, по мнению ученого, даже находясь в зависимом положении, женщина всегда вносила огромный вклад как в появление, так и в совершенствование культуры. В ранний период общественного развития именно она впервые начала заниматься земледелием, создала гончарное дело и кулинарию, была одновременно и воспитателем и врачом. Кроме того, одна из основных ролей женщины в развитии культуры заключалась в поддержании и распространении знаний. Однако, множество выполняемых женщиной ролей ученый характеризует как массовые и невидимые.

Вместе с тем Хвостов акцентирует внимание на значительной недооценке со стороны общества вклада женщины в создании современной умственной культуры. Ученый рассматривает роль женщины в развитии культуры, начиная с самых ранних периодов истории. Установившееся в примитивных человеческих обществах разделение труда между полами, привело к развитию изобретательности у женщин. Одно из величайших изобретений женщины — земледелие, которое стало основой оседлого образа жизни, а также “одним из необходимейших условий всякой высокой культуры”. Хвостов отмечает еще одну важную социальную миссию женщины — это сохранение домашнего очага. В первобытную эпоху огонь был трудно добываемым и сохранить его было нелегко. Имея дело с огнем, женщина закладывает начало гончарному делу, изобретая специальную посуду. Русский социолог называет эти изобретения первыми культурными завоеваниями женщин. Также для развития первобытной культуры имели большое значение еще два вида деятельности — врачевание и прорицательство. Учитывая слабое развитие первобытной медицины, эти виды деятельности были тесно взаимосоперплетены и переходили в колдовство и магию.

В более поздние исторические эпохи женское творчество продолжает развиваться. Проявляется оно уже в большей степени ни в новых изобретениях и открытиях, но, главным образом, в поддержании и распространении знаний, функции матери, воспитательницы, а также роли, связанной с формированием “безличной народной поэзии, всякого рода сказок, саг, мифов и тому подобных произведений массового творчества”³, которые создавались, передавались и сохранялись именно женщинами. Хвостов характеризует их деятельность как массовую и незаметную, но вместе с тем,

³ Хвостов В.М. Участие женщины в умственной культуре человечества. М., 1914. С. 7.

имеющую огромное значение для каждого человека и для всего человечества в целом.

Массовой и незаметной деятельности женщин в различные периоды истории посвящены более поздние исследования отечественных и зарубежных ученых, в частности, в области развития русской культуры. Одно из интересных известных современных исследований ставит в центр внимания наиболее значимые сферы женского знания и дискурса и их влияние на развитие культуры⁴. Гендер рассматривается исследователями как коммуникативная стратегия и более того, как одна из главных структурирующих черт современной русской деревенской культуры. Исследования подтверждают тот факт, что женщина была и является “бесценным источником, питавшим великую русскую культуру”⁵.

Хвостов также рассматривает историю формирования представлений о равноправии между мужчинами и женщинами как часть культуры. Он приводит примеры из прошлого Древней Греции и Рима, где уже наблюдались попытки осуществления идеи женского равноправия. На исторических примерах автор показывает, что и в сфере политической деятельности, например, римские женщины всегда были “вдохновительницами и деятельными помощницами мужчин”. Женщины принимали активное участие в умственной жизни народов, пришедших на смену грекам и римлянам античного мира. В частности, у древних германцев хоть практически и отсутствовало уважение к женщинам, по мнению ученого, но к умственным способностям женщины германцы показывали серьезное отношение. В начале Средних веков женщины продолжали пользоваться тем мнением, которое сложилось у древних германцев в отношении мудрости и знания. Женщинам не запрещалось заниматься науками, и они сыграли большую роль в просвещении германских народов.

Огромной является и та роль, которую женщины сыграли в распространении новой мировой религии — христианства. Хвостов приходит к выводу о том, что с течением времени культура стала настолько духовна по своему содержанию, что она должна была предоставить женщине более высокое место в обществе и больший простор для развития и расширения своей личности. В процессе развития общества на первый план все больше выдвигалась сила духовная и моральная, в которой женщины несколько не уступают мужчинам.

⁴ *Олсон Л., Адоньева С.* Традиция, трансгрессия, компромисс: миры русской деревенской женщины. М., 2016.

⁵ *Олсон Л., Адоньева С.* Традиция, трансгрессия, компромисс... С. 4.

Постепенно, как замечает Хвостов, научная сфера стала приобретать для мужчин значение серьезной и важной профессии, она стала носить мужской характер и получила статус “мужской науки”. Для женщин же, наоборот, доступ к занятиям наукой значительно осложнился. По мнению русского ученого, женщина оказалась не слишком близка абстрактным наукам и чрезмерному формализму в них, ей ближе знания соотнесенные с жизнью. В какой-то период времени она в большей степени становится вовлечена в область литературного творчества. Однако в средневековых городах встречались и женщины-писательницы, и музыканты, врачи, учительницы. На основании своих наблюдений Хвостов отмечает, что медицинские профессии у женщин были особенно развиты в Италии, где женщины имели возможность получить медицинское образование в известных университетах, и даже достигали больших высот в медицинской науке, занимая профессорские кафедры. Женщинам был открыт равный с мужчинами доступ в Болонский и другие университеты Италии. Эпоха Возрождения оказала на итальянских женщин также огромное влияние, культ свободной и сильной личности отразился и на положении женщины. Они принимают активное участие в общем гуманистическом движении, требующем для них одинаковых с мужчинами условий умственного развития, благодаря которому получают лучшую возможность приобрести более разностороннее образование. Хвостов описывает возникновение и тенденцию роста духовного общения между мужчинами и женщинами. Показывая достаточно благоприятную ситуацию для женщин, сложившуюся в Италии, он вместе с тем указывает на затруднения в развитии женской эмансипации в остальной Европе. С начала Нового времени в большей части европейских государств наблюдается понижение умственного уровня женщин, а также ухудшение их общественного положения. В Европе долгое время имели место политические религиозные волнения, под влиянием которых для женщин в целом сложились неблагоприятные нравы и порядки. В это время трудно обнаружить какие-либо значительные достижения женщин в культурной сфере. Кроме того, в истории осталось, по словам Хвостова, “ужасное пятно европейской жизни” — “охота на ведьм”, преследование женщин, названных ведьмами, сложившееся под влиянием вспыхнувшего религиозного фанатизма. Серьезным фактором, способствующим сложившейся практике, стало предубеждение католической церкви против женщины, в которой видели главным образом источник соблазна и греха. Другим фактором оказалось общее бесправие женщин, облегчающее их преследование

и наказание. В доказательство Хвостов приводит количественные данные, подтверждающие масштабность этих процессов. В XVI–XVII вв. в Германии было сожжено 100000 ведьм, в Англии — 30000, в Европе в целом около полмиллиона женщин, подозреваемых в колдовстве⁶. Подобные процессы происходили и в Северной Америке. По данным историков в некоторых странах охота на ведьм продолжалась до начала XIX в., в частности, в Испании “последняя ведьма была осуждена в 1807 году”⁷. Однако даже в данный, непростой для женщин, исторический период звучали и идеи другого характера. Появляются источники, говорящие о существовании авторов, публично требующих для женщин равных прав с мужчинами, и в первую очередь в области получения образования, утверждающих не только равенство, но даже превосходство, высшие способности женщин по сравнению с мужчинами. “Науки и искусства все были созданы женщинами; доказательством тому может служить тот факт, что они носят женские имена”⁸. Во Франции при Людовике XIV знатные дамы впервые заводят литературные салоны, куда приглашаются поэты и литераторы. В XVIII в. значимым явлением в жизни французского общества становятся известные “салоны”, где господствовала женщина. В них женщины активно занимались политикой, им удавалось оказывать влияние на общественные процессы, они увлекались философией энциклопедистов и во многом способствовали распространению новых идей. Некоторые историки рубежа XIX–XX вв. называют эти периоды “эпохами господства женщин”. Однако в целом в этот период в Европе образование женщин было на очень скромном уровне, женщины-ученые встречались исключительно редко.

Весь XIX в. был отмечен открытой борьбой женщин прежде всего за получение образования, передовой страной в этом отношении, по мнению Хвостова, оставалась Северная Америка. В Америке война за освобождение чернокожих привела вслед за идеей равенства рас к идее равенства полов. После этой войны для женщин наступают известные перемены, в частности, для них более свободным становится доступ в университеты, открываются лучшие возможности в более широком спектре профессий. В 60-х гг. XIX в. вслед за Америкой последовали Англия, Швейцария, Франция и другие страны, открывшие возможности получения женщи-

⁶ Хвостов В.М. Участие женщины в умственной культуре человечества. С. 13.

⁷ Там же. С. 14.

⁸ Там же.

нами высшего образования. Позже всех европейских стран, предоставивших женщинам доступ к высшему образованию, не этот путь встала Германия. В Германии женщины добиваются доступа в университеты только в 90-х гг. XIX в., но полностью университеты открываются для женщин только в начале XX в. Многие профессии еще долго оставались закрытыми для женщин этой страны. По приведенным Хвостовым данным в 1912 г. во всей Германии было только 125 женщин-врачей.

Отдельный интерес для русского социолога представляла история эмансипации женщин в России. В нашей стране вопрос о женском образовании в связи с особенностями исторического развития не мог быть поставлен всерьез до 60-х гг. XIX в., только после 1861 г. начинаются некоторые изменения в этой области. Большие препятствия, существующие на пути получения высшего образования, заставили российских женщин искать такие возможности за рубежом, наиболее популярными стали швейцарские университеты. Российские женщины проявили заметную настойчивость и решительность, добиваясь получения образования. Хвостов пишет: “В 1873 году в цюрихском университете считалось 108 русских женщин; женщины всех остальных стран представлены были там лишь в количестве 20-ти”⁹. Наиболее позитивной ситуация в области высшего женского образования в самой России стала только в 90-х гг. XIX — начале XX в. Первый женский медицинский институт был открыт в Петербурге в 1897 г., с этого периода наблюдается упрочение позиции женщин в системе высшего образования. С 1911 г. для женщин открывается возможность получения ученых степеней и занятия университетских кафедр. К 1913 г. в России насчитывалось около 30000 женщин, получающих высшее образование, что позволило стране занимать одно из передовых мест во всем мире в данной области. Хвостов перечисляет известных женщин-ученых и представителей искусства, показывая, что и в области современной науки, и в области искусства женщины могут представлять большую силу. Русский социолог был убежден в том, что сила женщин здесь не является случайной и временной, он пишет: “Я думаю, что стремление женщин к образованию стоит в тесной связи с общим характером современной культуры. Эта культура сделалась настолько духовна по своему содержанию, что она тем самым должна предоставить женщине более высокое место в обществе, чем прежде, и больший простор для развития и рас-

⁹ Хвостов В.М. Участие женщины в умственной культуре человечества. С. 20.

ширения своей личности”¹⁰. На первый план в современном обществе, по мнению ученого, выдвигается сила духовная и моральная, в которых женщины не уступают мужчинам, это приводит к более заметной роли женщин в обществе, ее более высокой оценке, и к достижению известного равенства.

Эмансипация женщин как проблема нравственной философии

Одна из известных работ Хвостова, вышедшая в 1905 г., “Женщина накануне новой эпохи. Два этюда по женскому вопросу”¹¹. Автор начинает свои рассуждения с постановки задачи изучения женского вопроса с точки зрения нравственной философии. По мнению ученого в течение всего XIX в. женское движение добилось значительных успехов как в теории, так и в практической реализации. Вместе с тем, по-прежнему даже среди интеллигенции упоминание женского вопроса или проблемы женской эмансипации чаще вызывает “скептическую усмешку”. Подобное отношение демонстрируют не только мужчины, но и сами женщины. Трудно найти другую область, в которой старые предрассудки играли бы такую значительную роль, как область женского вопроса.

По мнению Хвостова, настало время острой необходимости пересмотреть широко используемое понятие “природа вещей” в отношении женского вопроса, также как в свое время были пересмотрены прежние представления о мире докоперниканской эпохи. Автор ссылается на работы некоторых известных философов, рассматривающих женщин как низших существ. В частности, Артур Шопенгауэр, не видел преимущества женщин даже в красоте, он указывал на отсутствие у женщин не только красоты, но также интеллекта и чувства справедливости, отмечал необходимость поместить женщину под постоянную опеку, вследствие ее природного предназначения к повиновению. Хвостов также приводит слова о женщине Фридриха Ницше: “Ничто с самого начала не было так чуждо, так противно, так враждебно женщине, как истина; все ее искусство заключается во лжи, все ее прелести — во внешности и красоте”¹². С точки зрения Ницше, назначение женщины быть женой и матерью, экономкой и хозяйкой и постоянно находиться

¹⁰ Хвостов В.М. Участие женщины в умственной культуре человечества. С. 21.

¹¹ Хвостов В.М. Женщина накануне новой эпохи (Два этюда по женскому вопросу). М., 1905.

¹² Цит. по: Хвостов В.М. Женщина накануне новой эпохи... С. 15.

в подчинении у мужчины. Именно такое представление о “природе вещей”, как замечает Хвостов, нашло свое воплощение в современных законах и повседневной жизни.

Русский социолог утверждает, что женский вопрос находится в тесной связи с основными положениями этической философии и учением о социальной справедливости. Основной принцип справедливости — нормы права должны быть одинаковы для всех людей. Соответственно, следует рассмотреть основания исключения женщин из этого равенства. Первый аргумент в пользу установившегося порядка вещей — это утверждение о том, что женщина является действительно “низшей породой людей”. Она физически слабее мужчины. Как указывали противники женской эмансипации и идеи равноправия, кровь женщины содержит больше воды; мозг имеет меньший вес и объем; ослабление организма женщины в связи с периодическими циклами; период беременности и кормления грудью делает женщину неспособной к тяжелому труду; благодаря физиологическим особенностям женщина больше подвержена опасности тяжелых заболеваний. Также были распространены указания на то, что и в интеллектуальном отношении женщина ниже мужчины, так как она живет больше чувствами, нежели разумом. Учитывая этот факт, отмечается, что особенно опасными перечисленные свойства женщины были бы для политики, если бы она имела к ней доступ, она руководствовалась бы своими сиюминутными интересами. Склонность к клерикализму, ограниченность кругозора, отсутствие хорошего образования — все это ставит женщину в положение “низшей породы людей”. Еще один существенный довод касается вопроса об экономической эмансипации женщин. Утвердились представления о том, что имея экономическую независимость, женщина станет меньше времени уделять семье или вовсе не станет ей заниматься. Одно из возражений против женской эмансипации сводится к предположению о том, что уравнивание женщин с мужчинами в правах сделает их похожими друг на друга даже внешне. Еще один распространенный аргумент против — равенство прав предполагает и равенство обязанностей, однако равенство обязанностей установить невозможно (например, воинская обязанность).

Хвостов предлагает пересмотреть убедительность и правомерность всех этих аргументов, выдвигаемых против женской эмансипации. Он признает существующие между мужчинами и женщинами различия физического и психического характера, однако, отмечает отсутствие взаимосвязи или зависимости силы

психической от силы физической. С течением времени физическая сила перестает играть главную роль, на ее место приходят силы умственные и моральные. По мнению Хвостова, по своим нравственным свойствам женщина не только не ниже мужчины, но наоборот, выше него. Женщина в большей степени, по сравнению с мужчиной, является носителем светлых сторон человечества. Автор приводит примеры из истории и литературы, подчеркивая моральное превосходство женщин. Относительно установившейся в массовом мнении недооценки интеллектуального уровня женщины также ученым приводятся разные аргументы против такого утверждения. По мнению Хвостова, женщина значительно отличается от мужчины от природы, но это не является убедительным аргументом принижать ее достоинство, “ничто не дает основания сомневаться в равноценности обоих полов”¹³. Ученый пишет: “Но ведь требования разумного феминизма и не состоят в проповеди абсолютного социального тождества между ролями мужчины и женщины, а лишь в уничтожении тех несправедливых стеснений и ограничений, которые мешают женщине всесторонне развивать свою личность и занять в обществе то место, которое она может завоевать по своим личным свойствам”¹⁴. В представлениях Хвостова, эмансипированная женщина не утратит свои лучшие женские свойства и привлекательность. По мнению ученого правильно понятая эмансипация состоит “не в извращении женской натуры”, а в предоставлении ей возможности развивать ее лучшие свойства, а также находить им возможно более широкое применение. Хвостов опровергает и аргумент, касающийся связи между неравенством прав и обязанностей мужчин и женщин, указывая на их равенство перед законом (например, уголовный в большинстве цивилизованных стран), а также на равенство в налоговой сфере, воинская же обязанность компенсируется женщинами смертностью при рождении детей (будущих солдат).

Ученый приводит свои аргументы в пользу расширения прав женщин и их самостоятельности, отмечая факт влияния этого на пользу всего общества. В конечном итоге это приведет к “усилению гуманности, к облагораживанию жизни”. По мнению Хвостова, женщины нередко обладают значительными политическими талантами, о чем говорит исторический опыт женщин-правительниц. Допуск женщин к политической карьере может увеличить число талантов и в этой сфере. Образование и общественная деятельность нужна

¹³ Хвостов В.М. Женщина накануне новой эпохи... С. 25.

¹⁴ Там же. С. 30.

женщине в том числе и для более эффективного исполнения обязанностей жены и матери. Автор подчеркивает отрицательную роль и экономической зависимости женщины от мужчины, что формирует особенные негативные качества как мужчин, так и женщин. Экономическая независимость женщины, по убеждению Хвостова, приведет к улучшению и мужского и женского характера, и вместе с тем поднимет общественную нравственность.

Психологический фактор изменения роли женщин в культуре

На основании исследования женской психологии, Хвостов приходит к выводу о том, что женщина по своей природе является сравнительно более центральным существом, в то время как мужчина — периферийным. Женщина воспринимает из внешнего мира большее количество энергии, необходимой для построения и питания нового живого существа. В то время как мужчина расходует эту энергию во вне. По мнению Хвостова женщина менее эгоистична по сравнению с мужчиной. Именно женщина является носителем материнской любви, которая является основой всего альтруизма на земле. Женщина более сосредоточена в себе, обращена на чувства, ей характерна большая мистичность, религиозность и стыдливость. Именно эти качества, по прогнозам ученого, должны сыграть положительную роль в преобразовании культуры и пойти на общую пользу всего человечества. Более подробно этот вопрос раскрывается в работах “Психология женщин. О равноправии женщин” (1911) и “Женщина и человеческое достоинство: исторические судьбы женщины. Природа женщины. Женский вопрос” (1914)¹⁵.

Автор ставит одну из важнейших задач — обосновать идею равноправия женщин и их влияние на развитие культуры с точки зрения ее психологических особенностей. Хвостов соглашается с точкой зрения немецкого ученого Гейманса о том, что различия мужской и женской психики не являются различиями по ценности, а также в том, что различия между полами являются различиями не по качеству, а лишь по степени (психические свойства у всех одинаковые, но присущи в разной степени)¹⁶. Ученые утверждают, что эти различия имеют статистический характер. Авторы ориентируются на описание характеристик так называемого “среднего мужчины”

¹⁵ Хвостов В.М. Психология женщин. О равноправии женщин. М., 1911; Он же. Женщина и человеческое достоинство: исторические судьбы женщины. Природа женщины. Женский вопрос. М., 1914.

¹⁶ Хвостов В.М. Психология женщин. О равноправии женщин. С. 7.

и “средней женщины”, принимая во внимание тот факт, что в реальной жизни существует также большое и разнообразное количество отклонений от среднего. Хвостов перечисляет выявленные свойства “средней женщины”: *эмоциональность, фантазия, конкретность мышления, преобладание подсознательной сферы, единство женской психики и нравственная чистота*¹⁷.

С точки зрения этих свойств женской психики ученый пытается оценить роль женщины в развитии культуры будущего. Хвостов утверждает, что научное знание вооружает нас средствами для действия, но оно не указывает нам окончательных целей этого действия, эти цели определяются сообразно с общим назначением человека в мире, для этого необходимо полное и исчерпывающее знание о мире, которое не может дать наука, проникновение в самую суть жизни, на которое не способен интеллект¹⁸. Действительность слишком иррациональна или сверхрациональна, для того чтобы быть охваченной логическими схемами, которые ее сушат, обесцвечивают и лишают жизни.

Хвостов пишет: “Нравственное мировоззрение человека неизбежно включает в себя такие элементы, которые исходят не от логического разума”¹⁹. Учитывая этот факт, можно увидеть в новом свете роль и значение женщины в обществе. Даже если женщина пока не очень много сделала в науке и искусстве по сравнению с мужчинами, то все равно она играла и будет играть не менее важную роль. “Всем своим существом женщина ближе привязана к мирозданию, теснее связана с космическим процессом, чем логически анализирующий жизнь мужчина. Женщина многого не может доказать логически. Но она гораздо глубже нас чувствует мировую тайну, скрытую для нашего логического интеллекта”²⁰. Одна из основных функций женщины или даже ее главная историческая миссия, как ее называет Хвостов, это функция воспитательницы грядущих поколений, в которой женщина и осуществляет поддержание и укрепление нравственных начал в человечестве. Ученый полагает, что в этом и заключается главное свойство женщины и ее значение для человеческой эволюции. Настоящей сферой женщины он называет активную действенную нравственность. Практика жизни позволяет женщине поднимать человечество над повседневными заботами, напоминать нам о вечном.

¹⁷ Хвостов В.М. Психология женщин. О равноправии женщин. С. 7.

¹⁸ Там же. С. 33.

¹⁹ Там же. С. 34.

²⁰ Там же. С. 35.

Женщина как агент радикальной трансформации культуры: прогнозы будущего

Известная работа Хвостова “Женщина в обновленной культуре” (1917) посвящена исследованию трансформационных процессов, происходящих в культуре. В самом характере культуры намечается принципиальный поворот, который демонстрирует начало новой истории. Автор пишет: “Прошлое будет характеризоваться в общем, как эпоха преобладания физической силы и чисто умственной культуры. Будущее станет выделяться, как время, когда в культурном развитии постепенно и чем дальше, тем больше первенствующее место заняло альтруистическое чувство и сила духовная стала выше физического насилия”²¹. Хвостов ссылается на известного французского классика Огюста Конта, приходящего к идее любви как социального строя, с важнейшей в его теории общественного развития категорией “альтруизм”. Вечные истины, провозглашенные христианством, глубоко проникают в человеческое сознание и становятся главными основаниями политической жизни, они начинают действовать в обновленном виде и вступают в борьбу со старыми устоями, с прежним социальным порядком. Эти наблюдаемые трансформации демонстрируют выход прогрессивного человечества на новый путь, а также кардинальное обновление общечеловеческой культуры.

Русский ученый анализирует факторы, которые имели определяющее значение в процессах трансформации современной ему культуры. События, происходящие в течение первой мировой войны, показывают, как считает Хвостов, не гибель культуры вообще, но мучительную гибель “культуры старого мира, чтобы очистить место новой, более светлой и духовной”²². Однако мир новой культуры не будет абсолютно спокойным и тихим, полный (абсолютный) мир, по прогнозам ученого, вообще никогда не может быть установлен, пока люди остаются людьми. Тем не менее, происходящий поворот в культуре будет иметь огромное значение для всего человечества. В новом ее состоянии борьба между людьми примет иную форму, она будет вестись иными средствами, в прошлое уйдет физическая сила как решающий фактор, “на первый план выступит борьба идей и чувств”²³. Методы и средства борьбы станут более благородными. Хвостов утверждает неизбежное обновление всей культуры человечества как по форме, так и по содержанию.

²¹ Хвостов В.М. Женщина в обновленной культуре. С. 8.

²² Там же. С. 12.

²³ Там же. С. 13.

Другим важнейшим фактором происходящих изменений Хвостов считает влияние русской революции. Он указывает на тот факт, что прежде всего военные события 1914 г., вызвавшие революцию 1917 г. в России, послужили главными факторами в освобождении русской женщины. По мнению ученого, именно в России, а не в других европейских странах, произошел “великий переворот в положении женщин”, повлиявший и на другие страны. Одним из крупнейших социальных преобразований и достижений русской революции, он называет решение женского вопроса. Ученый неоднократно в разных своих трудах указывал на то, что XIX в. стал поворотным в истории женщин, открыто поставившим женский вопрос, а XX в. окончательно решит поставленную проблему и станет веком женщин. Хвостов называет этот вопрос самым острым, важным и широким, при этом все остальные проблемы современности, по его мнению, находятся в разной степени зависимости от решения женского вопроса. Автор поясняет, о каких именно вопросах идет речь. Проблемы политического устройства, государственного строя напрямую зависят от того, насколько женщины смогут принимать участие в данных процессах. Социально-экономические проблемы также связаны с женским вопросом, учитывая возможные изменения для женщин в профессиональной сфере. В вопросах нравственного мировоззрения, педагогических проблемах, и во многих других также очевидна прямая связь с решением проблемы положения женщины. Одним из наиболее интересных становится вопрос о том, как изменится будущая культура, останется ли она прежней, или под влиянием женщин в ней произойдут качественные изменения.

Хвостов пишет о том, что с точки зрения крайних эгалитаристов, предположительно должны исчезнуть все духовные различия между мужчинами и женщинами, это будет означать выполнение идентичных функций обоими полами, количественное увеличение полноправных граждан, тем самым роль женщины окажется незначительной для будущей культуры, которая не изменится качественно. Сам ученый исходит из убеждения о неравенстве всех людей от природы в разных отношениях, он признает и природное различие мужского и женского темпераментов, как естественное хоть и выраженное в разной степени. Это различие накладывает отпечаток на “разнообразные человеческие характеры”. По мнению автора, необходимо не забывать о различиях женской и мужской психики, которые невозможно устранить никаким равенством прав. Речь идет о принципиальной позиции Хвостова относительно данного вопроса. Но, придерживаясь такой точки зрения, ученый считает

великой роль женщин в преобразовании современной культуры, а развитие новой культуры — полезным для всего цивилизованного общества. Культурное развитие станет тем полнее и интенсивнее, чем больше разнообразия в силах и способностях отдельных членов. По убеждению Хвостова, коренное изменение в общественно-политическом положении женщины приведет не к количественным изменениям, но “солет в культурное творчество качественно-новое направление изменит самый характер культуры”²⁴.

Ученый высказывал свое убеждение в том, что количество женских ролей в социальной, культурной и политической жизни в будущем имеет объективную тенденцию расширения. Он был уверен в тенденции усиления значения женского элемента во всем, и в том, что это кардинальным образом трансформирует культуру, которая являлась, по его мнению, преимущественно мужской. С увеличением участия женщин, культура сможет наконец превратиться в *общечеловеческую*. Хвостов прогнозирует наступающую феминизацию культуры, означающую ее новое обогащение.

Многое, в том числе и культура, долго находясь в руках мужчин, получило слишком абстрактный, схематический и сухой характер, при изменении этого характера, по мнению ученого, произойдет решительное обновление всей жизни²⁵. Современная культура стала слишком рационалистичной, слишком мало места отводит воле и чувству, поэтому она воспитывает слишком слабых людей. Хвостов решительно приветствует требования современного ему женского движения в вопросе уничтожения всех препятствий, сдерживающих развитие личности женщины. Женщина должна непременно стремиться к освобождению, к завоеванию равных прав во всех сферах жизни, что послужит на пользу всему обществу. Для культурного развития необходимо привлекать все мало используемые силы. Автор многократно повторяет, что культура по преимуществу была создана в основном мужчинами, поэтому ее трудно назвать общечеловеческой, какой она может стать только при активном участии женщины. “И тогда, быть может, культура скажет нам новое слово, более истинное, чем то, что она до сих пор говорила”²⁶.

Одним из важнейших прогнозов Хвостова было утверждение факта неизбежно наступающей “феминизации культуры”. При этом речь идет об активном участии женщин в общественной и культурной жизни и связанного с этим качественного улучшения жизни

²⁴ Хвостов В.М. Женщина в обновленной культуре. С. 22.

²⁵ Там же.

²⁶ Хвостов В.М. Психология женщин. О равноправии женщин. С. 67.

общества в целом. Социолог предполагал, что изменения проникнут во все сферы социальной жизни. Он был убежден в том, что с течением времени женщины наложат свой отпечаток на все области общественного творчества. Под влиянием женщины будет ослаблен холодный формализм и “мертвящая рутина управления”. Также неизбежно произойдет трансформация и в правовой сфере. Учитывая тот факт, что законы являются по своей сути общими правилами и предполагают известную схематизацию жизни, тем не менее, даже эта область должна приобрести гибкость, дающую возможность в большей степени принимать во внимание конкретные свойства отдельных отношений.

Женщины лучше мужчин находят нужные пути, иногда иррациональные, но при этом правильные, они лучше чувствуют человеческую индивидуальность, проникают в психику отдельных людей. Эти способности значительно помогают в педагогике, позволяют усовершенствовать индивидуальные приемы воспитания и обучения. Женщина изменит науку и искусство, присущая женщинам любовь к живому и конкретному материалу будет служить противоядием чрезмерной склонности мужчин к оторванным от жизни абстрактным формулам и к “слишком холодному творчеству”. Ученый писал: “Женское влияние в культуре скажется неизменно шире и всесторонне и это поведет к большему выявлению в содержании культуры принципа любви, без которого никакая культура не имеет нравственной ценности”²⁷.

Другим важным прогнозом был вопрос возможности изменения самой женщины под влиянием радикальных перемен в условиях жизни и деятельности. Эти тенденции рассматриваются социологом как положительные, поскольку они будут осуществляться на основе предоставления женщинам большей свободы, которая, по мнению Хвостова, всегда имеет облагораживающее воздействие. Он призывает: “Вообще, дайте признание принципу человеческой личности во всей полноте и предоставьте каждому полу занять в обществе именно то положение, которое он по своим задаткам может в нем занять”²⁸.

С другой стороны, Хвостов также отмечает, что природа женщины в значительной степени останется неизменной. Он пишет: “...при всем том не изменится и не может измениться в корне женская природа, а вместе с тем, и присущий женщинам основной

²⁷ Хвостов В.М. Женщина в обновленной культуре. С. 27.

²⁸ Хвостов В.М. Психология женщин. О равноправии женщин.

темперамент”²⁹. И свободная женщина останется тем существом, основная функция которого рождение и вскармливание потомства, что определено природой. Говоря о возможных изменениях в психике женщины, Хвостов указывает на неизбежное исчезновение недостатков, сложившихся в условиях длительного подчиненного положения женщин в прежние времена.

Важными становятся вопросы о том, какими видами общественной и политической деятельности будет заниматься женщина, какими профессиями. Хвостов не дает однозначного ответа на эти вопросы, говоря лишь о том, что женщины также как и мужчины обладают всеми способностями, духовными свойствами, соответственно трудно найти много видов деятельности или профессий, которые были бы не под силу женщине. Ученый полагает, что жизнь сама распределит мужчин и женщин по профессиям в соответствии с наклонностями и способностями каждого индивида. По мнению Хвостова, свободная женщина не станет завидовать мужчине и подражать ему, она будет ценить достоинства присущие своему полу, будет бороться с недостатками. “Она не будет отказываться от своего пола, но, напротив, будет настаивать на признании своей самобытности и на движении к ней”³⁰.

Хвостов прогнозирует полное исчезновение насилия из международных и общественных отношений. По мнению ученого, в жизни будет господствовать духовный фактор, интеллектуальные и технические завоевания человеческого духа будут рассматриваться только как средства культурной деятельности, цели будут определяться господством чувства любви ко всем и “верой в высокое назначение человеческого духа”.

Автор ставит вопрос о ценности женского движения для изменения культуры в целом: “...женщина не только имеет право, но и нравственно обязана завоевать себе свободу и добыть себе полную возможность самостоятельного нравственного самоопределения”³¹. Хвостов поясняет некоторые аспекты крайностей современного ему феминизма, которые он не поддерживает, такие как полная идентичность мужских и женских ролей, жажда мести мужчинам за многовековое рабство женщин, отказ женщин от рождения детей и семьи и многие другие. Для Хвостова женское движение не означает восстание женщины против своего пола, а истинный феминизм не состоит в уподоблении мужчине (это называлось бы маскулиниз-

²⁹ Хвостов В.М. Женщина в обновленной культуре. С. 28.

³⁰ Там же. С. 31.

³¹ Хвостов В.М. Женщина и человеческое достоинство... С. 7.

мом, по словам автора). Смысл женского движения — в стремлении женщины, сохраняя свою женственность, становиться свободной самоопределяющейся личностью.

По мнению русского ученого, не стоит опасаться активизации женского движения и роста эмансипации женщин. Прогнозируя дальнейшее развитие некоторых социальных институтов, Хвостов был, например, убежден в том, что семья и семейная жизнь в будущем обществе не исчезнут в связи с растущей эмансипацией женщин. Семейная жизнь и семейные отношения представляют для человека огромное благо. Русский ученый отрицает идеи некоторых сторонников социализма, отстаивающих “свободную любовь”, уничтожение моногамного брака, социализацию воспитания детей и другие подобные идеи. По его мнению, свободная женщина по-прежнему будет оставаться хранительницей домашнего очага, будет источником тепла и уюта при любом общественном строе. По предположению автора, значение материнства и семьи для женщины в будущем, безусловно, изменится. Раньше семья и материнство были единственными возможными и вынужденными занятиями женщины, в будущем женщина будет избирать эти роли по свободному влечению, выполнять функции самостоятельно, располагая для этого достаточной свободой и образованием. Матери и жены в будущем будут заметно отличаться от настоящих, а их культурное влияние значительно возрастет.

Являясь главной потребительницей многих продуктов материального и духовного характера, женщина своими вкусами будет определять направление деятельности многих отраслей производства. В будущем ее вкусы еще больше облагородятся, станут более тонкими ее потребности, соответственно женщина как потребительница будет способствовать большему прогрессу производственной сферы. Хвостов предполагает, что в будущем женщины преимущественно останутся потребительницами, и в меньшей степени производительницами экономических и культурных благ. Он напоминает, что здесь не стоит забывать, об определяющем характере спроса и потребления. Подъем уровня потребительницы изменит характер производства. Женщины своим вкусом всегда влияли на развитие промышленной техники, произведений искусства, научной и философской мысли. Хвостов был убежден, что женщина является хранительницей “мистического смысла на земле и высшего религиозного чувства, которое подымает человека над уровнем повседневной жизни”³². Без влияния женщин культура останется

³² Хвостов В.М. Женщина и человеческое достоинство... С. 504.

слишком сухой, прозаичной и просто, по выражению автора, “невыносимой для живых людей”.

Ученый предполагает возможное изменение внешности и образа женщины в будущем, представлений о женской красоте. Женщины уже стали ощущать себя более свободными, смелыми и открытыми, следовательно красота женщины в будущем станет более духовной и прочной. Изменится внешность женщины, ее красота, ее одежда, которая станет более индивидуальной и оригинальной. Женщина будет позже вступать в брак. Хвостов прогнозирует изменения в понятиях чести мужчин и женщин, он пишет: “На место узкого понятия чести, различной для обоих полов, становится более широкое понятие *человеческого достоинства*, которое начинает применяться к женщине в равной степени с мужчиной”³³. В культуре будущего сформируется адекватное понятие достоинства с учетом особенностей обоих полов и, сформировавшись, оно должно стать действительно общечеловеческим. В качестве примера будущих изменений Хвостов говорит о неизбежном исчезновении такого понятия, как “старая дева”, подразумевающего судьбу женщины-неудачницы, которой не повезло вовремя выйти замуж, понятие, не применяемое по отношению к мужчинам. Вместе с ним исчезнет отношение окружающих, испытывающих сожаление и насмешку над ней, а также связанного с этим ощущения самой женщины как потерпевшей неудачу в том, что она считала основным и единственным своим предназначением в жизни.

Заключение

Более ста лет назад Хвостов писал: “Личность, сознающая свою ценность и представляющая нравственную самоцель, есть создание не природы, но культуры. А с этой точки зрения такой личностью-самоцелью является совершенно одинаково как мужчина, так и женщина”³⁴. Хвостов утверждает, что жизнь и ее продолжение не являются ценными сами по себе, они имеют ценность только в соответствии (и взаимосвязи) с тем нравственным содержанием, которое люди в нее вкладывают. Женское движение позволило женщине встать на путь обретения свободы, в этом и состоит его великое культурное значение. Благодаря женскому движению женщина станет свободной нравственной личностью и будет дальше продвигаться к нравственному совершенству.

³³ Хвостов В.М. Женщина и человеческое достоинство... С. 506.

³⁴ Там же. С. 507.

Хвостов ссылается на книгу о феминизме Эмиля Фагэ (“Феминизм”, 1910), соглашаясь с ним в его определении феминизма как “восстания женщины против себя самой, или точнее, против тех недостатков, которые были ей привиты прежним ее несвободным положением”³⁵. Следствием победы феминизма станет нравственный прогресс как для женщин, так и для мужчин. Борьба за женское достоинство для Хвостова означает борьбу за человеческое достоинство вообще. И именно в понятии человеческого достоинства лежит окончательное решение женского вопроса и многих других социальных проблем.

Русский социолог дает ясный прогноз относительно будущей трансформации роли женщины в культуре и общественной жизни в целом. На основании анализа различных факторов (исторических, психологических, экономических, этических) он приходит к выводам о наступающей феминизации культуры, о ее расцвете, о нравственном прогрессе, связанном с ростом влияния и значения женщины в будущем обществе. Хвостов во многом оказался прав, поставив вопросы, сохраняющие свою актуальность и в настоящее время. XX и XXI вв. действительно стали временем феминизации культуры. Некоторые вопросы остаются спорными, некоторые предположения русского ученого не могли быть точными, в частности, описание влияния психологических факторов и характеристик женщин, использование таких категорий, как “женский характер”, что объясняется недостаточным развитием психологии и социологии в XIX в. Однако современные ученые продолжают размышлять о роли и значении женщины в культуре будущего, в XXI в. эта проблема приобретает новое звучание, распадается на множество отдельных вопросов, требующих тщательной проработки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Астафьева П.Е.* Психический мир женщин. М., 1899.
- Батуренко С.А.* Развитие феминистских идей в рамках неокантианского направления русской социологии XIX — начала XX в.: Л.И. Петражицкий, В.М. Хвостов // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 66–73.
- Батуренко С.А.* “Женский вопрос” в работах русского правоведа и социолога неокантианского направления XIX — начала XX в. В.М. Хвостова // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 2. С. 61–74.
- Беновицкая Е.Р.* В.М. Хвостов о социальной природе человека и государства // Теория государства и права. 2023. № 3(32). С. 36–56.

³⁵ Цит. по: Хвостов В.М. Женщина и человеческое достоинство... С. 508.

Гейманс Г. Психология женщины. СПб., 1911.

Коломиец Г.Г. Истина, достоинство и преодоление в нравственном назначении человечества: по идейному наследию русского философа В.М. Хвостова // Поиск истины и правда жизни в пространстве современной культуры. Сб. мат-в XV ежегодного теоретического семинара. СПб., 2023. С. 85–91.

Лисицына Г.Г. В.М. Хвостов и Московский институт социальной психологии (1917–1922) // История и архивы. 2023. № 1. С. 101–124.

Огаян К.К. Взаимодействие нравственной личности и общества в социологии В.М. Хвостова в контексте духовно-нравственного кризиса современного общества // Вестник НГУЭУ. 2014. № 1. С. 190–204.

Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс: миры русской деревенской женщины. М., 2016.

Хвостов В.М. Природа человеческого общества // Научное Слово. М., 1903. Книга IX. С. 118–123.

Хвостов В.М. Женщина накануне новой эпохи (Два этюда по женскому вопросу). М., 1905.

Хвостов В.М. О равноправии женщин. М., 1911 (а).

Хвостов В.М. Психология женщин. О равноправии женщин. М., 1911 (б).

Хвостов В.М. Очерк истории этических учений. М., 1913.

Хвостов В.М. Женщина и человеческое достоинство: исторические судьбы женщины. Природа женщины. Женский вопрос. М., 1914 (а).

Хвостов В.М. Участие женщины в умственной культуре человечества. М., 1914 (б).

Хвостов В.М. Женщина в обновленной культуре. М., 1917.

Хвостов В.М. Основы социологии: учение о закономерности общественных процессов. Элементарный очерк. М., 1923.

REFERENCES

Astaf'eva P.E. Psihicheskij mir zhenshhin [The mental world of a woman]. М., 1899 (in Russian).

Baturenko S.A. Razvitie feministских idej v ramkah neokantianskogo napravlenija russoj sociologii XIX — nachala XX v.: L.I. Petrazhickij, V.M. Hvostov [The development of feminist ideas within the framework of the neo-Kantian course of Russian sociology of the XIX — early XX century: L.I. Petrazhitsky, V.M. Khvostov] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. N 425. P. 66–73 (in Russian).

Baturenko S.A. “Zhenskij vopros” v rabotah russkogo pravoveda i sociologa neokantianskogo napravlenija XIX — nachala XX v. V.M. Hvostova [The “Women’s Question” in the works of the Russian jurist and sociologist of the Neo-Kantian course of the XIX — early XX century V.M. Khvostov] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2018. T. 24. N 2. P. 61–74 (in Russian).

Benovickaja E.R. V.M. Hvostov o social’noj prirode cheloveka i gosudarstva [Khvostov on the social nature of man and the state] // Teorija gosudarstva i prava. 2023. N 3(32). P. 36–56 (in Russian).

Gejmans G. Psihologija zhenshhiny [Psychology of a woman]. SPb., 1911 (in Russian).

Hvostov V.M. Priroda chelovecheskogo obshhestva [The nature of human society] // Nauchnoe Slovo. М., 1903. Книга IX. P. 118–123 (in Russian).

Hvostov V.M. Zhenshhina nakanune novoj jepohi (Dva jetjuda po zhenskemu voprosu) [A woman on the eve of a new era (Two studies on the women's issue)]. M., 1905 (in Russian).

Hvostov V.M. O ravnopravii zhenshhin [On women's equality]. M., 1911 (in Russian) (a).

Hvostov V.M. Psihologija zhenshhin. O ravnopravii zhenshhin [Psychology of women. On women's equality Psychology of women. On women's equality]. M., 1911 (in Russian) (b).

Hvostov V.M. Ocherk istorii jeticheskikh uchenij [An essay on the history of ethical teachings]. M., 1913 (in Russian).

Hvostov V.M. Uchastie zhenshhiny v umstvennoj kul'ture chelovechestva [The participation of women in the intellectual culture of mankind]. M., 1914 (in Russian) (a).

Hvostov V.M. Zhenshhina i chelovecheskoe dostoinstvo: istoricheskie sud'by zhenshhiny. Priroda zhenshhiny. Zhenskij vopros [Woman and human dignity: the historical fate of a woman. The nature of a woman. Women's issue]. M., 1914 (in Russian) (b).

Hvostov V.M. Zhenshhina v obnovlennoj kul'ture [A woman in a renewed culture]. M., 1917 (in Russian).

Hvostov V.M. Osnovy sociologii: Uchenie o zakonomernosti obshhestvennyh processov: Jelementarnyj ocherk [Fundamentals of Sociology: The Doctrine of the regularity of social processes: An Elementary Essay]. M., 1923 (in Russian).

Kolomiec G.G. Istina, dostoinstvo i preodolenie v npravstvennom naznachenii chelovechestva: po idejnomu naslediju russkogo filosafo V.M. Hvostova [Truth, dignity and overcoming in the moral purpose of humanity: according to the ideological legacy of the Russian philosopher V.M. Khvostov] // Poisk istiny i pravda zhizni v prostranstve sovremennoj kul'tury. Sb. mat-v XV ezhegodnogo teoreticheskogo seminar. SPb., 2023. P. 85–91 (in Russian).

Lisicyna G.G. V.M. Hvostov i Moskovskij institut social'noj psihologii (1917–1922) [Khvostov and the Moscow Institute of Social Psychology (1917–1922)] // Istorija i arhiv. 2023. N 1. P. 101–124 (in Russian).

Oganjan K.K. Vzaimodejstvie npravstvennoj lichnosti i obshhestva v sociologii V.M. Hvostova v kontekste duhovno-npravstvennogo krizisa sovremenno go obshhestva [The Interaction of the Moral Personality and Society in V.M. Khvostov's Sociology in the context of the spiritual and moral crisis of modern Society] // Vestnik NGUJeU. 2014. N 1. P. 190–204 (in Russian).

Olson L., Adon'eva S. Tradicija, transgressija, kompromiss: Miry russkoj derevenskoj zhenshhiny [Tradition, Transgression, Compromise: The Worlds of a Russian Village Woman]. M., 2016 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-1-178-201

ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ МЕДИАТИЗАЦИИ*

А.В. Лядова, канд. социол. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

М.А. Заплетнюк, магистр социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234***

В статье анализируются особенности формирования психического здоровья российской молодежи в условиях цифровой медиатизации. Авторы отмечают, что, хотя данная тема широко представлена в научном дискурсе, среди исследователей нет единства мнения. Анализ актуальных подходов к изучению проблемы влияния новых медиа на психическое здоровье молодого поколения показывает, что наблюдается тенденция перехода от концепции “демонизации” к поиску позитивных аспектов. Тем не менее, однозначные оценки данной проблемы представляются все-таки ограниченными. В работе предложен дифференцированный подход, заключающийся в анализе обоих векторов влияния цифровой медиатизации на психическое здоровье молодежи, как позитивных, так и негативных аспектов. В этой связи авторами рассмотрены результаты проведенного эмпирического исследования российского сегмента блогосферы по проблемам психического здоровья. На основе полученных данных выделены группы блогеров (так называемые “нациентские” и “наставнические”), изучены особенности дискурса в них о проблемах психического здоровья. Также в работе проанализированы основные факторы психического здоровья, предложены критерии их классификации.

Ключевые слова: психическое здоровье, молодежь, психическое здоровье молодежи, цифровизация, цифровая медиатизация, новые медиа, блоги.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 23-28-01081, <https://rscf.ru/project/23-28-01081/>

** Лядова Анна Васильевна, e-mail: annaslm@mail.ru

*** Заплетнюк Мария Алексеевна, e-mail: maria_az756@mail.ru

MENTAL HEALTH OF YOUTH UNDER THE DIGITAL MEDIATIZATION

Liadova Anna V., PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: annaslm@mail.ru

Zapletnuk Maria A., Master in Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: maria_az756@mail.ru

The article deals with the study of mental health of Russian youth in the context of digital mediatization. The authors note that, although this topic is widely represented in the scientific discourse, there is no consensus among researchers. An analysis of current approaches to studying the problem of the influence of new media on the mental health of the younger generation shows that there is a tendency to move from the concept of “demonization” to the search for positive aspects. Nevertheless, unambiguous assessments of this problem still seem limited. The paper proposes a differentiated approach consisting in the analysis of both vectors of the influence of digital mediatization on the mental health of young people, both positive and negative aspects. In this regard, the authors reviewed the results of an empirical study of the Russian segment of the blogosphere on mental health issues. Based on the data obtained, groups of blogs (the so-called “patient” and “mentoring”) were identified, and the features of the discourse in them about mental health issues were studied. The paper also analyzes the main factors of mental health and proposes criteria for their classification.

Key words: mental health, youth, mental health of youth, digitalization, digital mediatization, new media, blogs.

Одним из актуальных направлений современного научного дискурса выступает изучение вопросов, связанных с проблемами психического здоровья. Рост исследовательского интереса к данной теме в последние годы обусловлен рядом факторов.

Во-первых, в условиях усложнения социальной реальности, стремительного техногенного развития современного общества, характеризуемого социологами как общество риска¹, в нем все глубже проявляются черты нестабильности, “текучести”², неопределенности³, непредсказуемости, неуверенности в завтрашнем дне, что провоцирует напряженность, конфликтность, снижение адаптив-

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.

² Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.

³ Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 1–11.

ных способностей человека, что в результате ведет к проблемам не только физического, но и психического здоровья⁴.

Как отмечают эксперты Всемирной организации здравоохранения (далее по тексту — ВОЗ), психические заболевания представляют актуальную проблему современного общества. Сегодня в мире около одного миллиарда человек страдают психическими расстройствами⁵. К наиболее часто фиксируемым психическим расстройствам ВОЗ относит деменцию, шизофрению, биполярные расстройства, депрессию⁶.

По данным Федеральной службы Государственной статистики (Росстат) в России число пациентов с психическими расстройствами и расстройствами поведения, состоявших под диспансерным наблюдением в 2022 г., составляло 1 407 600 человек⁷. Учитывая социальную стигматизацию, которая все еще встречается в российском контексте в отношении тех, кто обращается в профильные медицинские учреждения в связи с определенными проблемами своего психического здоровья, можно предположить, что реальные показатели гораздо выше. Кстати, это подтверждается и исследованиями оценки потребности россиян в психологической помощи⁸. Так, по мнению В.Н. Бузина и Т.С. Бузиной, “в психологической помощи нуждается не менее одной пятой трудоспособного населения России”⁹.

Во-вторых, рост исследовательского интереса к изучению проблем психического здоровья вызван влиянием пандемии новой коронавирусной инфекции Ковид-19, переживание которой привело к распространению среди населения состояний тревожности, неуверенности, страхов, что стало своего рода триггером формирования или усиления проблем психического здоровья¹⁰.

⁴ Злобина М.В., Первушина О.Н. Интолерантность к неопределенности и депрессия // *Reflexio*. 2017. Т. 10. № 2. С. 126–141.

⁵ Mental Disorders. WHO. <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/mental-disorders> (accessed: 22.10.2024).

⁶ Доклад о психическом здоровье в мире: охрана психического здоровья. Преобразования в интересах всех людей. Краткий обзор. Всемирная организация здравоохранения, 2022. URL: <https://www.who.int/ru/publications/i/item/9789240050860>

⁷ Здравоохранение в России. 2023: Стат. сб. М., 2023. С. 47–48.

⁸ Бузин В.Н., Бузина Т.С. Оценка населением доступности психологической помощи: социологическое исследование // Социальные аспекты здоровья населения. 2022. № 68(1). С. 13. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1347/30/lang,ru/> DOI: 10.21045/2071-5021- 2022-68-1-13 (дата обращения: 20.10.2024).

⁹ Там же. С. 10.

¹⁰ См.: Мосолов С.Н. Проблемы психического здоровья в условиях пандемии COVID-19 // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2020. № 120(5).

В-третьих, ВОЗ, рассматривая “психическое здоровье как неотъемлемую часть нашего индивидуального и коллективного здоровья и благополучия”, относит болезни, связанные с расстройством психики, к социальным значимым, так как их развитие ведет к дезадаптации индивида, потере у него социального интереса, снижению социальной активности, инвалидизации, преждевременной смертности, что крайне негативно сказывается на состоянии не только конкретного человека, его социального окружения, но и общественного организма в целом¹¹. Особое беспокойство в этой связи вызывает состояние психического здоровья современной молодежи. Согласно данным ВОЗ каждый седьмой подросток в возрасте 10–19 лет в мире (14%) сталкивается с проблемами психического здоровья¹². Депрессия, тревожность и поведенческие нарушения входят в число ведущих причин заболеваемости и инвалидности среди подростков, а самоубийства выступают как третья по значимости причина смертности в возрастной группе 15–29 лет¹³. В условиях пандемии молодые люди в возрасте от 14 до 24 лет оказались наиболее уязвимыми по состоянию психического здоровья¹⁴.

В этой связи сохранение и укрепление психического здоровья населения в целом, и особенно, его молодой когорты, профилактика психических расстройств, представляется актуальным и значимым направлением национальной политики и общественной деятельности¹⁵.

Следует отметить, что за последние годы российское государство уделяет особое внимание развитию программ, направленных на поддержку и улучшение психического здоровья молодых росси-

С. 7–15; *Шматова Ю.Е.* Влияние COVID-19 на психическое здоровье населения (как показатель человеческого потенциала): опыт зарубежных исследований // Проблемы развития территории. 2020. № 4 (108). С. 88–108. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.6; Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / Отв. ред. Т.А. Нестик, А.Л. Журавлев, А.Е. Воробьева. М., 2021; Mental Health and COVID-19: Early evidence of the pandemic's impact. Geneva, 2022.

¹¹ Доклад о психическом здоровье в мире: охрана психического здоровья... С. 5.

¹² Психическое здоровье подростков. Всемирная организация здравоохранения. 10 октября 2024 г. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/adolescent-mental-health> (дата обращения: 11.10.2024).

¹³ Там же.

¹⁴ Mental Health and COVID-19: Early evidence of the pandemic's impact.

¹⁵ Указ Президента Российской Федерации “О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года” от 07.05.2024 № 309. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?index=1> (дата обращения: 12.10.2024).

ян, включая как оказание профильной медицинской помощи, так и вовлечение молодежи в социально полезные практики¹⁶.

Однако большинство исследователей отмечает сохранение негативной динамики показателей психического здоровья российской молодежи, указывая на рост как традиционных расстройств, так и развитие новых девиаций, в частности, таких, как расстройства пищевого поведения, самобъективация, селфхарм и другие¹⁷.

Вследствие этого закономерным выступает вопрос о причинах этих негативных тенденций в молодежной среде, что актуализирует научный дискурс по данной проблематике и вызывает необходимость изучения особенностей конструирования психического здоровья современной молодежи.

На наш взгляд, при изучении данного вопроса необходимо сначала рассмотреть особенности концептуализации понятия “психическое здоровье”.

Согласно трактовке ВОЗ, психическое здоровье — это “состояние благополучия, при котором человек может реализовать свой собственный потенциал, справляться с обычными жизненными стрессами, продуктивно и плодотворно работать, а также вносить вклад в жизнь своего сообщества”¹⁸. Однако данная интерпретация не является однозначной, что обусловлено различиями в подходах исследователей к выделению критериев этого состояния.

В этой связи можно выделить несколько базовых подходов: медицинский, психологический, социально-психологический, экзистенциально-гуманистический.

¹⁶ Программы и сервисы охраны ментального здоровья: экспертный обзор. М., 2023. URL: <https://niiroz.ru/upload/iblock/b15/b15a6c2a010a8b31c6a140fa5772dba8.pdf>

¹⁷ См.: Антонова Н.Л., Нагноенко Д.В. Социальные факторы формирования пищевых расстройств: опыт социологического исследования // *Acta biomedica scientifica*. 2024. Т. 9(1). С. 23–31. DOI: 10.29413/ABS.2024-9.1.3; Комлев Ю.Ю. Киббердевиантность миллениалов: феноменология и пути противодействия // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии. 2020. С. 77–81. URL: https://alu.spbu.ru/files/2020/2020_programm_yalta.pdf; Лисенкова А.А., Труфанова Е.О. Цифровой эскапизм — от аддикции до аскетизма // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. Т. 5. № 3. С. 17–34; Профилактика самоповреждающего поведения среди подростков. Сценарий родительского онлайн-собрания / Авт.-сост. Р.Г. Дубровский. М., 2021; Чимаров С.Ю. Зарубежный опыт исследования предметного поля психологии гемблинг-аддикции личности современного цифрового мира // *Российский девиантологический журнал*. 2023. Т. 3. № 3. С. 290–303.

¹⁸ Психическое здоровье. Информационный бюллетень ВОЗ. 2016. Апрель. URL: <https://iris.who.int/handle/10665/340849>

В рамках первого из них психическое здоровье рассматривается как определенный уровень психического развития, соответствующий возрастной норме, что позволяет судить об адекватности развития психической системы и отсутствии психических нарушений. В данном контексте ключевыми являются конкретные показатели, позволяющие оценивать состояние психического здоровья индивида как нормальное, переходное, аномально-пограничное, патологическое. Хотя, как отмечают эксперты, следует иметь ввиду относительность определения самой нормы в данном контексте¹⁹, тем не менее, психические нарушения проявляются через такие признаки как аномальное восприятие индивидом себя и окружающего мира, а именно через обман и расщепление восприятия, аномальные представления и т.п.²⁰ Так, известный немецкий психолог и психиатр Карл Ясперс в своей работе “Общая психопатология” приводит достаточно примеров из клинической практики, иллюстрирующих подобные состояния: «...одна из пациенток гейдельбергской клиники, находясь в спокойном, сосредоточенном состоянии, видела головы людей и животных “словно вышитыми” на одеяле, а также на стене... Другая пациентка удивленно сообщала: “Вещи сами обретают форму; круглые дыры в оконных рамах [то есть отверстия для задвижек] превращаются в головы, и мне кажется, что они собираются укусить меня”»²¹.

Психологический подход предлагает более расширенную интерпретацию феномена здоровья, акцентируя внимание не на соотношении с усредненными показателями для выявления психических нарушений, а на степени интеграции индивида с окружающей его средой. В данном контексте психическое здоровье рассматривается в позитивном аспекте как определенный уровень успешной адаптации индивида. Так, в рамках разработки концепции психического здоровья британский исследователь Джон Карл Флюгел (J.C. Flugel), выступая в 1948 г. на первом Международном конгрессе по психическому здоровью, предложил рассматривать психическое здоровье “как условие, которое обеспечивает оптимальное физическое, интеллектуальное и эмоциональное развитие человека, которое позволяет человеку достичь удовлетворительного синтеза своих собственных потенциально противоречивых, инстинктивных побуждений; формировать и поддерживать гармоничные отношения

¹⁹ Белопольская Н.Л. Представления о психической норме и патологии: психологические критерии // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 3. С. 74–81; Фуко М. Психическая болезнь и личность. СПб., 2010.

²⁰ Ясперс К. Общая психопатология. М., 2020.

²¹ Там же. С. 99.

с другими; и участвовать в конструктивных изменениях в его социальной и физической среде”²².

Близким к психологическому, на наш взгляд, является социально-психологический подход, в контексте которого особое внимание уделяется социальным аспектам в определении психического здоровья. При этом следует отметить некоторые различия в позициях исследователей в выделении самих критериев. Так, известный отечественный психолог и педагог А.Н. Леонтьев, анализируя стадии развития психики у ребенка, указывал на значимость в этом процессе ведущего для данного этапа типа деятельности²³. По мнению его американского коллеги, не менее выдающегося ученого в области психологии, А. Маслоу, значимым является достижение самоактуализации, что указывает на взаимосвязь состояния психического здоровья с полноценным развитием личности индивида²⁴. В качестве критериев психически здоровых людей он выделил такие показатели, как: высшая степень восприятия реальности, более развитая способность принимать себя, других и мир в целом такими, какими они есть на самом деле, повышенная спонтанность, более развитая способность сосредотачиваться на проблеме, более выраженная отстраненность и явное стремление к уединению, самостоятельность и противостояние приобщению к какой-то одной культуре, большая свежесть восприятия и богатство эмоциональных реакций, более частые прорывы на пик переживания, более сильное отождествление себя со всем родом человеческим, более демократичная структура характера, высокие творческие способности²⁵.

В этой связи эффективным представляется использование термина “позитивное психическое здоровье”, который был введен британским социальным психологом австрийского происхождения М. Яходой²⁶. Данный исследователь определила шесть критериев эффективного психического развития, отнесла к ним такие признаки, как: позитивное отношение к самому себе, личностный рост, интеграция, автономность, истинное восприятие реальности и владение окружающей средой, которые включают адаптивность и здоровые межличностные отношения²⁷.

²² International Congress on Mental Health / Ed. by J.C. Flugel. L., 1948; *Bertolote J.* The roots of the concept of mental health // *World Psychiatry*. 2008. N 7(2). P. 113–116.

²³ Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1981. С. 509–519.

²⁴ Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1999.

²⁵ Maslow A.H. *Toward a psychology of being*. N.Y., 1968.

²⁶ Jahoda M. *Current concepts of positive mental health*. N.Y., 1958. DOI:10.1037/11258-000. hdl:2027/mdp.39015004395078.

²⁷ Ibid.

В рамках экзистенциально-гуманистического подхода психическое здоровье также рассматривается в контексте личностного развития, однако в связи с поиском смысла жизни, при этом основной акцент ставится на критерии социальной полезности как достигаемых целей, так и самой деятельности индивида. В этом контексте, на наш взгляд, анализировал состояние здоровья индивида и общества американский социолог немецкого происхождения Э. Фромм. В своем исследовании “Здоровое общество” в качестве основного критерия здоровья он выделил социальную продуктивность²⁸. Э. Фромм пишет: “...с точки зрения нормативного гуманизма мы должны прийти к иному пониманию душевного (*психического* — *авт. прим.*) здоровья. Та самая личность, которая с позиции отчужденного общества считается здоровой, с гуманистической точки зрения предстает как самая больная, хотя и не в плане индивидуального заболевания, а в смысле социально заданной ущербности. Душевное здоровье, в гуманистическом понимании, характеризуется способностью любить и творить... чувством тождественности, основанным на ощущении себя субъектом и носителем собственных сил и способностей, постижением внутренней и внешней реальности внутри и вне нас самих, т.е. развитием объективности и разума... Душевно здоровый человек — это тот, кто живет по любви, разуму и вере, кто уважает жизнь — как собственную, так и своего ближнего”²⁹.

Анализируя различия в предложенных дефинициях и критериях выделения психического здоровья, отечественный исследователь Б.С. Братусь предложил рассматривать феномен психического здоровья “не как однородное образование, а как образование, имеющее сложное, поуровневое строение”, которое содержит “высший уровень психического здоровья — личностно-смысловой, или уровень личностного здоровья, который определяется качеством смысловых отношений человека... уровень индивидуально-психологического здоровья, оценка которого зависит от способностей человека построить адекватные способы реализации смысловых устремлений... уровень психофизиологического здоровья, который определяется особенностями внутренней, мозговой, нейрофизиологической организации актов психической деятельности”³⁰.

В рамках современного дискурса российский исследователь И.В. Дубровина выдвинула идею разделения понятий “психическое

²⁸ Фромм Э. Здоровое общество. М., 2019.

²⁹ Там же. С. 224–225.

³⁰ Братусь Б.С. Аномалии личности. М., 1988. С. 59.

здоровье” и “психологическое здоровье”³¹. По мнению данного автора, “если основу психического здоровья составляет полноценное развитие высших психических функций, психических процессов и механизмов, то основу психологического здоровья — развитие личностной индивидуальности”³². И.В. Дубровина указывает, что “сутью психологического здоровья является постепенное осознание и принятие растущим человеком особенностей своего психического развития, своей личности, своей индивидуальности”³³.

Поддерживая идею И.В. Дубровиной о необходимости разделения терминов “психическое” здоровье и “психологическое” здоровье, представляется все-таки необходимым уточнение определения последнего следующим образом: психологическое здоровье — это динамичная конструкция, характеризующаяся оптимальным уровнем развития личности индивида, а также “состояние субъективного, внутреннего благополучия личности, обеспечивающее оптимальный выбор действий, поступков и поведения в ситуациях ее взаимодействия с окружающими объективными условиями, другими людьми и позволяющее ей свободно актуализировать свои индивидуальные и возрастно-психологические возможности”³⁴.

В целом, несмотря на определенные расхождения в трактовках понятия “психическое здоровье”, из анализа представленных подходов очевидно, что в контексте его изучения как социального феномена оно выступает как важнейшая характеристика развития личности, “способность человека адекватно и конструктивно отображать внешний мир в своем сознании, управлять своим поведением в нем — контролировать эмоции, справляться со стрессами и т.п.”³⁵, а также как основа благополучия и эффективного функционирования общества³⁶. Поэтому, как подчеркивает видный отечественный социолог Н.Г. Осипова, “его оценка включает адекватность отражения личностью внешней среды, адекватность отражения личности во внешней среде, согласованность целей лич-

³¹ Дубровина И.В. Психологическое здоровье личности в контексте возрастного развития // Развитие личности. 2015. № 2. С. 67–95.

³² Дубровина И.В. Психическое и психологическое здоровье в контексте психологической культуры личности // Вестник практической психологии образования. 2009. № 3(20) Июль–сентябрь. С. 19.

³³ Там же.

³⁴ Пахальян В.Э. Развитие и психологическое здоровье. Дошкольный и школьный возраст. СПб., 2006.

³⁵ Осипова Н.Г. Цифровые манипуляции психическим здоровьем современной молодежи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29(3). С. 7–27. DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-3-7-27. С. 11.

³⁶ Бузин В.Н., Бузина Т.С. Указ. соч. С. 5.

ности с ее самосохранением и развитием, способность достижения этих целей при помощи доступных ресурсов и в реальных условиях внешней среды”³⁷.

В этой связи значимыми в формировании и развитии психического здоровья современного человека выступают, прежде всего, социальные факторы.

Обзор релевантных публикаций по проблемам психического здоровья молодежи демонстрирует различный спектр основных причин, их вызывающих. Так, в работе О.Б. Поляковой и Т.И. Бонкало выделены такие группы факторов нарушений психического здоровья, как: а) переживания и негативный опыт в детском возрасте (буллинг, жестокое обращение, насилие); б) регулярные стрессы, перегрузки, многозадачность, постоянная “гонка на выживание” (недостигнутые или разрушенные жизненные цели, возрастные кризисы, депрессия, завышенные ожидания); в) семейная неопределенность и проблемы семейной жизни³⁸. Исследователи Л.А. Регуш, А.В. Орлова и Ю.С. Пежемская в качестве факторов указывают ключевые проблемы, переживаемые молодежью, а именно: 1) проблемы, связанные с общественной и личной безопасностью; 2) проблемы становления идентичности и общения со сверстниками; 3) проблемы, связанные с интернетом; 4) сложности с учебой и проблемы с будущим; 5) проблемы финансового (материального) благополучия; 6) проблемы взаимоотношений с родителями; 7) проблемы со здоровьем и отдыхом; 8) проблемы взаимоотношений с преподавателями и учебной деятельностью³⁹. В работе М.В. Кузьминовой и Т.А. Солохиной, на основе аналитического обзора представленных в научном дискурсе подходов к изучению роли социальных факторов в генезисе психических расстройств, также отмечается значимость социальной поддержки, гендерных аспектов и городского образа жизни⁴⁰.

Наряду с указанными выделяют влияние режима дня, особенно для учащейся молодежи, так как возрастание учебной нагрузки за последние годы негативно сказывается на продолжительности

³⁷ Осипова Н.Г. Цифровые манипуляции психическим здоровьем современной молодежи. С. 11.

³⁸ Полякова О.Б., Бонкало Т.И. Психическое здоровье: дайджест. М., 2023. С. 16.

³⁹ Регуш Л.А., Орлова А.В., Пежемская Ю.С. Модификация методики “Психологические проблемы молодёжи” в контексте цифровизации // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2022. Вып. 5. С. 337–348. DOI 10.33910/herzenpsyconf-2022-5-43. С. 341.

⁴⁰ Кузьминова М.В., Солохина Т.А. Роль социальных факторов в генезе психических расстройств: развитие исследований в XXI в. // Психиатрия. 2023. Т. 21(7). С. 31–45. DOI: 10.30629/2618-6667-2023-2.

ночного сна, на снижении вовлеченности молодых людей в рамках свободного времени в занятия физической культурой, спортом, творчеством, на основании чего рассматривается исследователями как фактор риска развития психического неблагополучия⁴¹.

Для современного общества эксперты ВОЗ⁴² подчеркивают особое воздействие социального неравенства, так как неравные возможности ведут к депривации потребностей, фрустрации, социальной изоляции и реклужии⁴³ (феномен “хикикомори”).

В целом, указанные факторы психического здоровья можно разделить на здоровьесберегающие и деструктивные (здоровьеразрушающие). При этом следует иметь ввиду, что, хотя действие выявленных факторов различно, их влияние является комплексным⁴⁴ и кумулятивным. Так, очевидно, что проблемы с взаимоотношениями в семье вызывают агрессивность или подавленность в состоянии молодого человека, что, в свою очередь, провоцирует конфликты со сверстниками, и, наоборот, ведет к снижению самооценки, социальной активности и реклужии.

Наряду с предложенной классификацией факторы, оказывающие воздействие на психическое здоровье, можно условно разделить на:

- а) традиционные: культура, семейный “климат”, социальная депривация, проблемы самоидентичности и социальной идентичности, несформированные мировоззрение и система ценностных ориентаций;
- б) новые, связанные с процессом цифровизации.

Последние часто обозначают обобщенно как фактор интернета⁴⁵, подразумевая воздействие различных аспектов и компо-

⁴¹ Чубаровский В.В., Лабутьева И.С., Кучма В.Р. Пограничные психические расстройства у обучающихся подростков: распространенность, факторы риска, основы психогигиены // Российский педиатрический журнал. 2018. Т. 21(3). С. 161–167. DOI: <http://dx.doi.org/10.18821/1560-9561-2018-21-3-161-16>. С. 163.

⁴² Доклад о психическом здоровье в мире: охрана психического здоровья. Преобразования в интересах всех людей. Краткий обзор. Всемирная организация здравоохранения, 2022. URL: <https://www.who.int/ru/publications/i/item/9789240050860>

⁴³ Литвинцев Д.Б., Можейкина Л.Б., Осьмук Л.А. Социальная реклужия и социальная секлужия как формы социального отчуждения: к постановке проблемы // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 122–131. DOI 10.31857/S013216250018711-5.

⁴⁴ Кузьминова М.В., Солохина Т.А. Роль социальных факторов в генезе психических расстройств: развитие исследований в XXI в. // Психиатрия. 2023. Т. 21(7). С. 31–45. DOI: 10.30629/2618-6667-2023-2. С. 33.

⁴⁵ Регуш Л.А., Орлова А.В., Пежемская Ю.С. Модификация методики “Психологические проблемы молодёжи” в контексте цифровизации.

нентов цифровой реальности, среди которых особое внимание у исследователей вызывают цифровые медиа вследствие новых возможностей, которые они предоставляют сегодня для конструирования социальной реальности⁴⁶. Для анализа воздействия цифровых медиа на социальный организм в научном дискурсе введено понятие “глубокой медиатизации”⁴⁷. Данный процесс характеризуется как всеобъемлющий и комплексный процесс, так как он охватывает все структуры социальной системы, включая и сферу здоровья.

Анализируя проблемы здоровьесбережения современного общества под влиянием новых медиа, представляется обоснованным использование введенного в научный дискурс соответствующего понятия “медиатизация сферы здоровья”, под которым понимается процесс трансформации существующей и конструирования новой институциональной структуры, социальных представлений, установок и паттернов в сфере здоровья вследствие воздействия новых медиа⁴⁸.

Наиболее активными пользователями новых форм взаимодействия в цифровой среде являются молодые люди, которые в силу их глубокой вовлеченности в цифровой мир часто называют цифровыми аборигенами. Так, по данным ВЦИОМ среди молодых россиян доля ежедневных пользователей электронных услуг составляет 92–96%⁴⁹.

Несмотря на то, что в научном дискурсе исследования влияния интернет-коммуникации на психическое здоровье молодежи имеют уже определенную традицию, среди ученых нет единства в оценке этого воздействия, в связи с чем позиции исследователей можно разделить на две группы: отражающие критические оценки, с одной стороны, и отмечающие позитивные эффекты, с другой⁵⁰. При этом,

⁴⁶ См.: *Aschoff N.* The smartphone society: technology, power, and resistance in the new gilded age. Boston, 2020.

⁴⁷ *Hepp A.* Deep mediatization. L., 2020.

⁴⁸ *Лядова А.В.* Особенности медиатизация сферы здоровья в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 3. С. 20–24. DOI: 10.24158/spp.2022.3.2; *Она же.* Медиатизация сферы здоровья под влиянием новых медиа: основные направления социологического дискурса // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30(1). С. 53–71. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-1-53-71>.

⁴⁹ ВЦИОМ. Наша цифровая повседневность. 14 мая 2024 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasha-cifrovaja-povsednevnost> (дата обращения: 02.10.2024).

⁵⁰ *Коновалов А.А., Божкова Е.Д.* Влияние современной цифровой среды на психическое здоровье (обзор) // Журнал “Приволжского исследовательского медицинского университета”. 2021. № 1 (66). С. 6–15.

их сравнение указывают на преобладание критической рефлексии. Так, по мнению экспертов ВОЗ, данные широкомасштабного исследования о воздействии электронных гаджетов на психическое здоровье молодых людей, результаты которого представлены в сентябре 2024 г., демонстрируют резкий рост показателей проблемного использования социальных медиа подростками за последние годы, по сравнению с предыдущим периодом⁵¹. При этом как проблемное в докладе определяется такое поведение, которое характеризуется симптомами зависимости, включая: неспособность контролировать использование социальных медиа, абстинентный синдром при прекращении их использования, отказ от других занятий в пользу социальных медиа и негативные последствия их чрезмерного использования для повседневной жизни⁵².

Высокая степень вовлеченности подростков и молодежи в цифровую среду и пребывание в ней по несколько часов ежедневно провоцирует развитие психической зависимости от социальных сетей, что проявляется в формировании апатии, аутического состояния, заторможенности, ведет к изменению сознания и восприятия окружающей реальности⁵³. Из-за чрезмерного пребывания молодежи в онлайн-пространстве возникает эффект отчуждения от реальности, что вызывает в дальнейшем трудности коммуникации в реальной жизни, эмоциональное “бедности”, неумению взаимодействовать в группе⁵⁴. Сами молодые люди, которые проводят в социальных сетях более двух часов в день, чаще сообщают о психологическом дистрессе⁵⁵.

По мнению Н.Г. Осиповой, цифровые медиа вызывают весьма опасные для молодежи коммуникационные эффекты, так как в от-

⁵¹ Электронные устройства и психическое здоровье подростков. ВОЗ. Пресс-релиз. 25 сентября 2024. URL: <https://www.who.int/europe/ru/news/item/25-09-2024-teens--screens-and-mental-health> (дата обращения: 02.10.2024).

⁵² Там же.

⁵³ Смирнов В.В. Информационное общество как механизм формирования “цифрового человека”: проблемы психического здоровья // Личность в информационно-образовательном пространстве: ответы на вызовы времени. Сб. докладов Всерос. науч.-практ. конф. М., 2018. С. 220.

⁵⁴ Бессчетнова О.В., Волкова О.А., Алиев Ш.И., Ананченкова П.И., Дробышева Л.Н. Влияние цифровых медиа на психическое здоровье детей и молодежи // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29(3). С. 462–467. DOI: <https://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-3-462-467>. С. 466.

⁵⁵ Nesi J., Wolff J.C., Hunt J. Patterns of social media use among adolescents who are psychiatrically hospitalized // Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. 2019. N 58. P. 635–639; Ulvi O., Karamehic-Muratovic A., Baghbanzadeh M., Bashir A., Smith J., Haque U. Social media use and mental health: a global analysis // Epidemiologia. 2022. N 3. P. 11–25.

личие от реального, «виртуальный диалог сводится к формальному, часто клишированному и свернутому обмену информацией... не позволяет адекватно воспринимать “образ другого” и, соответственно, выстроить эффективный способ коммуникации с ним», что ведет к личностным деформациям, кризису самоидентификации, самообъективации⁵⁶.

Тем не менее, анализ актуальных подходов к изучению проблемы влияния цифровизации на психическое здоровье молодого поколения показывает, что наряду с критическим дискурсом в ряде исследований отмечаются и позитивные аспекты влияния цифровизации и новых медиа на психическое здоровье молодежи. Так, в качестве положительного влияния социальных сетей на психическое здоровье ряд исследователей отмечает возможность получить доступ к программам реабилитации, включая анонимные сообщества, в которых люди со схожими проблемами могут поделиться ими с друг другом и найти соответствующую помощь, в том числе экспертную⁵⁷. Социальные сети могут способствовать повышению осведомленности о психическом здоровье, привлечению общественного внимания к отдельным его состояниям и причинам, их вызывающим среди отдельных социальных групп⁵⁸.

По мнению авторов данного исследования, при анализе рассматриваемой проблематики важно учитывать, что, с одной стороны, цифровизация социальной реальности сегодня выступает как необходимый и одновременно как необратимый процесс, что подтверждается хабиитуализацией цифровых форматов отношений и технологий в повседневности современного человека, а также их институциональном закреплении. С другой стороны, цифровая трансформация имеет различное воздействие, отличается неоднородностью, что указывает на амбивалентный характер этого процесса и возникающих вследствие этого последствий. Поэтому представляется обоснованным применение дифференцированного подхода и анализ обоих векторов влияния цифровой медиатизации

⁵⁶ *Осипова Н.Г.* Цифровые манипуляции психическим здоровьем современной молодежи. С. 13–17.

⁵⁷ *Rains S.A., Keating D.M.* Health blogging: An examination of the outcomes associated with making public, written disclosures about health // *Communication Research*. 2015. Vol. 42. N 1. P. 107–133; *Rideout V.* et al. Digital health practices, social media use, and mental well-being among teens and young adults in the US. N.Y., 2018; *Khalaf A.M.* et al. The impact of social media on the mental health of adolescents and young adults: a systematic review // *Cureus*. 2023. Vol. 15. N. 8. URL: e42990. doi: 10.7759/cureus.42990 (accessed: 10.10.2024).

⁵⁸ *Yakobus I.K.* et al. The use social media's on adolescents' mental health // *International Journal of Health Sciences*. 2023. V. 1. N 4. P. 425–438.

на психическое здоровье молодежи, как позитивных, так и негативных аспектов.

Для этой цели авторами было проведено эмпирическое исследование российских блогов, посвященных психическому здоровью⁵⁹. Данный формат был выбран в силу его достаточно высокой популярности среди современной молодой аудитории и интернет-пространства⁶⁰. Были проанализированы блоги, которые ведут молодые люди (18–35 лет). Исследование проводилось в период с февраля по апрель 2024 г. Выборку составили 50 онлайн-дневников⁶¹, размещенных на популярном видеохостинге⁶².

Методом контент-анализа блоги были разделены на две группы. К первой, которую было предложено назвать как “пациентские”, были отнесены онлайн-дневники, чьи авторы используют их для принятия своей болезни (26 из 50 выбранных блогов). Вторую группу, которая обозначена как “наставнические”, составили те онлайн-дневники, контент которых ориентирован на аудиторию с похожими проблемными состояниями с целью поделиться своим опытом переживания болезни и помочь другим преодолеть возникающие в связи с этим социальные и психологические барьеры (24 из 50 выбранных блогов).

Результаты проведенного анализа позволили сделать вывод, что блогинг как особая коммуникативная деятельность выполняет ряд значимых для контентмейкера и его аудитории функций, включая:

- 1) регулирующую функцию: как отмечают блогеры, рассказы и видеосюжеты об особенностях протекания болезни помогают им достигнуть осмысления своего состояния, “очертить” его темпоральные границы и, тем самым, достигнуть

⁵⁹ В проведенном исследовании были соблюдены рекомендации по этичному поведению при изучении личной информации и использованы только общедоступные персональные онлайн-блоги.

⁶⁰ В России растет популярность ЗОЖ. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12975793> (дата обращения: 08.10.2024).

⁶¹ Выборочную совокупность составили 50 персональных блогов. Выборка — многоступенчатая, квотная. Отбор проводился по следующим этапам и критериям: 1) возраст контентмейкера — от 18 до 35 лет; 2) активность блога (регулярное обновление контента); 3) ранжирование блогов по рейтингу (число подписчиков). Для обработки данных использовались такие методы, как: контент-анализ, иерархический кластерный анализ, дискурс-анализ.

⁶² Выборка проводилась на платформе Ютуб (по состоянию на 01.11.2024 данная платформа не являлась запрещенной в России). Количество пользователей видеохостинга в России составляет 50,5 млн человек в день (URL: <https://datareportal.com/essential-youtube-stats> (дата обращения: 01.02.2024)).

- некоторой определенности в понимании своей ситуации (*“Мне тяжело и страшно, блог мой способ принятия болезни”, “Да, я не могу контролировать это, но я научился с этим жить и творить”, “Моя болезнь не определяет меня”*);
- 2) интегративную функцию: блоги объединяют людей с похожими проблемами, что создает им “чувство локтя”, трансформируя их одинокое “Я” в разделяемое “Мы” (*“Я не один”, “Я рад (а), что вы понимаете меня”*);
 - 3) терапевтическую функцию: “проговаривание” проблемы в онлайн-дневниках способствует принятию болезни, дает возможности поделиться своими внутренними переживаниями, что помогает снизить уровень тревожности, стресса, а также, в некоторой степени, понять истоки проблемы, найти стратегии выхода (*“Я знаю, как помочь вам помочь мне”, “Я принял (а) свою болезнь и хочу помочь другим принять ее”*).

Сравнение групп блогов позволило выделить ряд особенностей конструируемого в них дискурса о проблемах психического здоровья.

Во-первых, в большинстве случаев преобладает *нарративный формат*: авторы повествуют о своем состоянии, его истории и переживании.

Во-вторых, в отличие от общего стиля блогинга, который отличается выраженной диалогизацией, ориентированностью на определенную аудиторию, конструирование виртуальной личности, наиболее соответствующей ожиданиям других или, наоборот (но и в том, и в другом случаях направленность на явные или косвенные отклики и оценки), исследуемые блоги в целом можно охарактеризовать как *монологические*, так как их авторы не стремятся “соответствовать” ожиданиям своих читателей.

В-третьих, используемая в них визуализация как инструмент репрезентации проблемы направлена не на конструирование привлекательности контента и его автора, упрощение восприятия, достижение эффекта воздействия на пользователей, а на *акцентирование эмоциональной компоненты*, трансляции субъективного опыта переживания болезни, передачу внутреннего состояния контент-мейкера. Так, в “пациентских” блогах чаще всего видео-монологи сняты на камеру мобильного телефона без постановочных эффектов в естественных условиях (домашняя обстановка), в речи блогеров преобладают лексемы, отражающие их подавленность, чувство беспомощности (*“мне страшно”, “я не знаю, как жить дальше”*).

При этом контентмейкеры не используют специальных языковых средств и стилистических приемов⁶³ для воздействия на аудиторию. По сравнению с “пациентскими”, “наставнические” блоги, хотя и отличаются большей диалогизацией, в силу того, что их авторы выражают стремление поделиться своим опытом и ориентированы на потенциальных пользователей со схожими проблемами (“я принял (а) свою болезнь и хочу помочь другим принять ее”), тем не менее и в этом случае блогеры не конструируют свою личность под ожидания других. В транслируемых образах отсутствует распространенный для ЗОЖ-блогинга эффект “до” и “после”. Контентмейкеры открыто рассказывают о своих неудачах и успехах в принятии болезни, а также способах управления ею.

Таким образом, представленный результаты демонстрируют, что блогинг по проблемам психического здоровья для молодых людей является своего рода инструментом переосмысления образа болезни через принятие своего состояния, которое требует управления, но с ним можно жить и развиваться, а также как особое коммуникативное пространство для обмена опытом переживания болезни, самореализации и приобретения социального капитала, что позволяет сделать вывод о позитивных эффектах цифровой медиатизации на психическое здоровье.

Наряду с указанными также можно отметить возможности расширения доступа психологической помощи и повышения уровня грамотности и информированности молодежи по вопросам психического здоровья, которое сегодня для данной категории выступает как значимая компонента их субъективного благополучия.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно выделить ряд позитивных и негативных аспектов влияния цифровой медиатизации на психическое здоровье молодежи.

К *положительным характеристикам* можно отнести то, что, выполняя разнообразные функции (регулирующую, коммуникативную, интегрирующую, терапевтическую, информационную), новые медиа позволяют молодежи преодолеть коммуникативные барьеры, проблемы социальной стигматизации, расширяют их возможности в доступе к информации, по реализации потребностей в общении, самовыражении.

Однако такие негативные явления, которые возникают в условиях цифровой медиатизации, как: деструктивный контент, дип-

⁶³ Болотнова Н.С. О некоторых жанрово-стилистических особенностях блога в аспекте регулятивности // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2012. № 1 (116). С. 211–216.

фейки, нарушение конфиденциальности данных, усиление социального давления, порождающее лайкоманию и т.п., оказывают вредное воздействие на психическое здоровье молодых людей, что ведет к депрессивным состояниям, дистрессу, самообъективации, формированию Интернет-зависимости, а в крайних ситуациях может провоцировать суицидальное поведение⁶⁴.

В этой связи, понимая вовлеченность молодежи в цифровую реальность, крайне важным представляется разработка и активное внедрение эффективных социально-правовых механизмов, направленных на защиту личности молодых людей и их психического здоровья в условиях цифровой реальности, что требует расширения соответствующих государственных программ, а также развитие гражданских инициатив по вовлечению молодых людей в социально полезные офлайн-практики, способствующие их социальной интеграции, приобретению конструктивного социального опыта и знаний. Наряду с указанным значимым является и формирование цифровой и психологической культуры у молодого поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонова Н.Л., Нагноенко Д.В. Социальные факторы формирования пищевых расстройств: опыт социологического исследования // *Acta biomedica scientifica*. 2024. Т. 9 (1). С. 23–31. DOI: 10.29413/ABS.2024-9.1.3.

Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.

Белопольская Н.Л. Представления о психической норме и патологии: психологические критерии // *Экспериментальная психология*. 2015. Т. 8. № 3. С. 74–81.

Бессчетнова О.В., Волкова О.А., Алиев Ш.И., Ананченкова П.И., Дробышева Л.Н. Влияние цифровых медиа на психическое здоровье детей и молодежи // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2021. Т. 29 (3). С. 462–467. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-3-462-467>

⁶⁴ См.: Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2014. Т. 11. № 3. С. 178–191; Бочавер А.А., Докука С.В., Сивак Е.В., Смирнов И.Б. Использование социальных сетей в интернете и депрессивная симптоматика у подростков // *Клиническая и специальная психология*. 2019. Т. 8. № 3. С. 1–18. DOI:10.17759/crpe.201908030; Коханая О.Е. Цифровые медиа как фактор, провоцирующий девиантное поведение несовершеннолетних // *Научные труды Московского Гуманитарного Университета*. 2022. № 1. С. 30–38. DOI: <https://www.doi.org/10.17805/trudy.2022.1.5>; Хломов К.Д., Давыдов Д.Г., Бочавер А.А. Кибербуллинг в опыте российских подростков // *Психология и право*. 2019. Т. 9. № 2. С. 276–295. DOI:10.17759/psylaw.2019090219; John A., Glendenning A.C., Marchant A., et al. Self-harm, suicidal behaviours, and cyberbullying in children and young people: Systematic review // *Journal of Medical Internet Research*. 2018. Vol. 20. N 4. P. 129. DOI: 10.2196/jmir.9044.

Болотнова Н.С. О некоторых жанрово-стилистических особенностях блога в аспекте регулятивности // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2012. № 1 (116). С. 211–216.

Бочавер А.А., Докука С.В., Сивак Е.В., Смирнов И.Б. Использование социальных сетей в интернете и депрессивная симптоматика у подростков // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8. № 3. С. 1–18. DOI: 10.17759/crpe.201908030

Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 3. С. 178–191.

Братусь Б.С. Аномалии личности. М., 1988.

Бузин В.Н., Бузина Т.С. Оценка населением доступности психологической помощи: социологическое исследование // Социальные аспекты здоровья населения. 2022. № 68(1).

Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / Отв. ред. Т.А. Нестик, А.Л. Журавлев, А.Е. Воробьева. М., 2021.

Доклад о психическом здоровье в мире: охрана психического здоровья: преобразования в интересах всех людей. Краткий обзор. Всемирная организация здравоохранения, 2022. URL: <https://www.who.int/ru/publications/item/9789240050860>

Дубровина И.В. Психическое и психологическое здоровье в контексте психологической культуры личности // Вестник практической психологии образования. 2009. № 3 (20). С. 17–21.

Дубровина И.В. Психологическое здоровье личности в контексте возрастного развития // Развитие личности. 2015. № 2. С. 67–95.

Здравоохранение в России. 2023: Стат.сб. М., 2023.

Злобина М.В., Первушина О.Н. Интолерантность к неопределенности и депрессия // Reflexio. 2017. Т. 10. № 2. С. 126–141.

Комлев Ю.Ю. Кибердевиантность миллениалов: феноменология и пути противодействия // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии. 2020. С. 77–81. URL: https://alu.spbu.ru/files/2020/2020_programm_yalta.pdf

Коновалов А.А., Божкова Е.Д. Влияние современной цифровой среды на психическое здоровье (обзор) // Журнал “Приволжского исследовательского медицинского университета”. 2021. № 1 (66). С. 6–15.

Коханая Е.Е. Цифровые медиа как фактор, провоцирующий девиантное поведение несовершеннолетних // Научные труды Московского Гуманитарного Университета. 2022. № 1. С. 30–38. DOI: 10.17805/trudy.2022.1.5

Кузьминова М.В., Солохина Т.А. Роль социальных факторов в генезе психических расстройств: развитие исследований в XXI в. // Психиатрия. 2023. Т. 21(7). С. 31–45. DOI: 10.30629/2618-6667-2023-2

Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 1–11.

Лисенкова А.А., Труфанова Е.О. Цифровой эскапизм — от аддикции до аскетизма // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. Т. 5. № 3. С. 17–23.

Литвинцев Д.Б., Можейкина Л.Б., Осьмук Л.А. Социальная реклужия и социальная секлужия как формы социального отчуждения: к постановке про-

блемы // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 122–131. DOI: 10.31857/S013216250018711-5.

Лядова А.В. Медиатизация сферы здоровья под влиянием новых медиа: основные направления социологического дискурса // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30(1). С. 53–71. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-53-71.

Лядова А.В. Особенности медиатизация сферы здоровья в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 3. С. 20–24. DOI: 10.24158/spp.2022.3.2.

Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1999.

Мосолов С.Н. Проблемы психического здоровья в условиях пандемии COVID-19 // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2020. № 5. С. 7–15.

Осипова Н.Г. Цифровые манипуляции психическим здоровьем современной молодежи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29(3). С. 7–27. DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-3-7-27.

Пахальян В.Э. Развитие и психологическое здоровье. Дошкольный и школьный возраст. СПб., 2006.

Полякова О.Б., Бонкало Т.И. Психическое здоровье: дайджест. М., 2023.

Программы и сервисы охраны ментального здоровья: экспертный обзор. М., 2023.

Психическое здоровье. Информационный бюллетень ВОЗ. 2016. Апрель. URL: <https://iris.who.int/handle/10665/340849>

Регуш Л.А., Орлова А.В., Пежемская Ю.С. Модификация методики “Психологические проблемы молодежи” в контексте цифровизации // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2022. Вып. 5. С. 337–348. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2022-5-43.

Фромм Э. Здоровое общество. М., 2019.

Фуко М. Психическая болезнь и личность. СПб., 2010.

Чимаров С.Ю. Зарубежный опыт исследования предметного поля психологии гемблинг-аддикции личности современного цифрового мира // Российский девиантологический журнал. 2023. Т. 3. № 3. С. 290–303.

Чубаровский В.В., Лабутьева И.С., Кучма В.Р. Пограничные психические расстройства у обучающихся подростков: распространенность, факторы риска, основы психогигиены // Российский педиатрический журнал. 2018. Т. 21(3). С. 161–167. DOI: 10.18821/1560-9561-2018-21-3-161-16.

Шматова Ю.Е. Влияние COVID-19 на психическое здоровье населения (как показатель человеческого потенциала): опыт зарубежных исследований // Проблемы развития территории. 2020. № 4 (108). С. 88–108. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.

Ясперс К. Общая психопатология. М., 2020.

REFERENCES

Antonova N.L., Nagnoenko D.V. Social'nye faktory formirovaniya pishhevyh rasstrojstv: opyt sociologicheskogo issledovaniya [Social factors in the formation of eating disorders: Experience of sociological research] // Acta biomedica scientifica. 2024. Vol. 9. N 1. P. 23–31. DOI: 10.29413/ABS.2024-9.1.3 (in Russian).

- Aschoff N.* The smartphone society: technology, power, and resistance in the new gilded age. Boston, 2020.
- Bauman Z.* Tekuchaja sovremennost' [Liquid modernity]. SPb., 2008 (in Russian).
- Beck U.* Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk Society: Towards a New Modernity]. M., 2000 (in Russian).
- Belopolskaya N.L.* Predstavleniya o psihicheskoy norme i patologii: psihologicheskie kriterii [Concepts of mental health and pathology: psychological criteria] // Eksperimental'naya Psikhologiya. 2015. Vol. 8. N 3. P. 74–81. DOI: 10.17759/exppsy.2015080307 (in Russian).
- Bertolote J.* The roots of the concept of mental health // World Psychiatry. 2008. N 7(2). P. 113–116.
- Besschetnova O.V., Volkova O.A., Aliev Sh.I., Ananchenkova P.I., Drobysheva L.N.* Vliyanie cifrovyyh media na psihicheskoe zdorov'e detej i molodezhi [The effect of digital mass media on mental health of children and youth] // Problemi socialnoi gigieni, zdravookhraneniya i istorii meditsini. 2021. Vol. 29. N 3. P. 462–467. DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-3-462-467 (in Russian).
- Bochaver A.A., Dokuka S.V., Sivak E.V., Smirnov I.B.* Ispol'zovanie social'nyh setej v internete i depressivnaya simptomatika u podrostkov [Internet Use and Depressive Symptoms in Adolescents: a Review] // Klinicheskaya i special'naya psihologiya. 2019. Vol. 8. N 3. P. 1–18. DOI: 10.17759/cpse.201908030 (in Russian).
- Bochaver A.A., Khlomov K.D.* Kiberbulling: travlja v prostranstve sovremennyh tehnologij [Cyberbullying: Harassment in the Space of Modern Technologies] // Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2014. Vol. 11. N 3. P. 178–191 (in Russian).
- Bolotnova N.S.* O nekotoryh zhanrovo-stilisticheskikh osobennostjakh bloga v aspekte reguljativnosti [Genre and stylistic peculiarities of blog in the aspect of regulativity] // Vestnik TGPU [TSPU Bulletin]. 2012. N1 (116). P. 211–216 (in Russian).
- Bratus B.S.* Anomalii lichnosti [Personality anomalies]. M., 1988 (in Russian).
- Buzin V.N., Buzina T.S.* Ocenka naseleniem dostupnosti psihologicheskoy pomoshhi: sociologicheskoe issledovanie [Assessment of psychological care availability by the population: a sociological study] // Social'nye aspekty zdorov'a naseleniya. 2022. Vol. 68. N 1. S. 13. DOI: 10.21045/2071-5021-2022-68-1-13 (in Russian).
- Chimarov S.Yu.* Zarubezhnyj opyt issledovanija predmetnogo polja psihologii gembling-addikcii lichnosti sovremennogo cifrovogo mira [Foreign experience of studying the subject field of psychology of gambling addiction of personality of the modern digital world] // Rossijskij deviantologicheskij zhurnal. 2023. Vol.3. N 3. P. 290–303. DOI: 10.35750/2713-0622-2023-3-290-303 (in Russian).
- Chubarovsky V.V., Labuteva I.S., Kuchma V.R.* Pogranichnye psihicheskie rasstrojstva u obuchajushhihsja podrostkov: rasprostranennost', faktory riska, osnovy psihigigieny [Border mental disorders in training teenagers: prevalence, risk factors, foundations of psycho-hygiene] // Rossijskii Pediatricheskii Zhurnal. 2018. Vol. 21(3). P. 161–167. DOI: <http://dx.doi.org/10.18821/1560-9561-2018-21-3-161-16> (in Russian).
- Doklad o psihicheskom zdorov'e v mire: ohrana psihicheskogo zdorov'ja: preobrazovanija v interesah vseh ljudej. Kratkij obzor. Vsemirnaja organizacija zdravookhraneniya [World mental health report: transforming mental health for all.

- Executive summary. World Health Organization]. 2022. URL: <https://www.who.int/ru/publications/i/item/9789240050860> (in Russian).
- Dubrovina I.V.* Psihicheskoe i psihologicheskoe zdorov'e v kontekste psihologicheskoy kul'tury lichnosti [Mental and psychological health in the context of psychological culture of personality] // *Vestnik prakticheskoy psihologii obrazovaniya*. 2009. N 3(20). P. 17–21 (in Russian).
- Dubrovina I.V.* Psihologicheskoe zdorov'e lichnosti v kontekste voznrastnogo razvitiya [Psychological health of the individual in the context of age development] // *Razvitie lichnosti*. 2015. N 2. S. 67–95 (in Russian).
- Foucault M.* Psihicheskaja bolezn' i lichnost' [Mental illness and personality]. SPb., 2010.
- Fromm E.* Zdorovoe obshchestvo [Healthy Society]. M., 2019 (in Russian).
- Hepp A.* Deep mediatization. L., 2020.
- International Congress on Mental Health / Ed. by J.C. Flugel. L., 1948.
- Jahoda M.* Current concepts of positive mental health. N.Y., 1958. DOI:10.1037/11258-000. hdl:2027/mdp.39015004395078.
- Jaspers K.* Obshchaja psihopatologiya [General psychopathology]. M., 2020 (in Russian).
- John A., Glendenning A.C., Marchant A., et al.* Self-harm, suicidal behaviors, and cyberbullying in children and young people: Systematic review // *Journal of Medical Internet Research*. 2018. Vol. 20. N 4. P. 129. DOI: 10.2196/jmir.9044.
- Khalaf A.M. et al.* The impact of social media on the mental health of adolescents and young adults: a systematic review // *Cureus*. 2023. Vol. 15. N 8. URL: e42990. DOI: 10.7759/cureus.42990.
- Kohanaya O.E.* Cifrovye media kak faktor, provocirujushhij deviantnoe povedenie nesovershennoletnih [Digital media as a factor provoking deviant behavior of minors] // *Nauchnye trudy Moskovskogo Gumanitarnogo Universiteta*. 2022. N 1. P. 30–38. DOI: <https://www.doi.org/10.17805/trudy.2022.1.5> (in Russian).
- Komlev Yu.Yu.* Kiberdeviantnost' millenialov: fenomenologiya i puti protivodejstvija [Cyberdeviance of Millennials: Phenomenology and Ways to Counteract It] // *Profilaktika deviantnogo povedeniya detej i molodjozhi: regional'nye modeli i tehnologii*. 2020. P. 77–81. URL: https://alu.spbu.ru/files/2020/2020_programm_yalta.pdf (in Russian).
- Konovalov A.A., Bozhkova E.D.* Vlijanie sovremennoj cifrovoj sredy na psihicheskoe zdorov'e (obzor) [Impact of the modern digital environment On mental health (review)] // *Zhurnal Privolzhskogo issledovatel'skogo medicinskogo universiteta*. 2021. N 1 (66). P. 6–15 (in Russian).
- Kuzminova M.V., Solokhina T.A.* The role of social factors in the genesis of mental disorders: development of research in the 21st century [Rol' social'nyh faktorov v geneze psihicheskikh rasstrojstv: razvitie issledovanij v XXI v.] // *Psihiatrija*. 2023. Vol. 21(7). P. 31–45. DOI: 10.30629/2618-6667-2023-2 (in Russian).
- Leontiev D.A.* Vyzov neopredelennosti kak central'naja problema psihologii lichnosti [The challenge of uncertainty as the key issue of the psychology of personality] // *Psihologicheskie issledovaniya*. 2015. Vol. 8. N 40. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v8i40.555> (in Russian).
- Liadova A.V.* Mediatizacija sfery zdorov'ja pod vlijaniem novyh media: osnovnye napravlenija sociologicheskogo diskursa [Mediatization of youth health in the age

of new media: the main trends in sociological discourse] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2024. Vol. 30(1). P. 53–71. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-53-71 (in Russian).

Liadova A.V. Osobennosti mediatizacija sfery zdorov'ja v uslovijah pandemii novoj koronavirusnoj infekcii [Features of mediatization in health sphere under the conditions of new coronavirus pandemic] // Obshchestvo: sociologijaka, psihologija, pedagogika. 2022. N 3. P. 20–24. DOI: 10.24158/spp.2022.3.2 (in Russian).

Lisenkova A., Trufanova E. Cifrovoy jeskapizm — ot addikcii do asketizma Digital [Escapism -From Addiction to Asceticism] // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. Vol. 5. N 3. P. 17–23 (in Russian).

Litvintsev D.B., Mozheykina L.B., Osmuk L.A. A. Social'naja rekljuzija i social'naja sekljuzija kak formy social'nogo otchuzhdenija: k postanovke problem [Social Reclusion and Social Seclusion as Forms of Social Withdrawal: to the Problem Statement] // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2022. N 9. P. 122–131. DOI 10.31857/S013216250018711-5 (in Russian).

Maslou A.G. Da'nie predely chelovecheskoj psihiki [The farther reaches of Human Nature]. SPb., 1999 (in Russian).

Maslow A.H. Toward a psychology of being. N.Y., 1968.

Mental Health and COVID-19: Early evidence of the pandemic's impact. Geneva, 2022.

Mosolov S.N. Problemy psihicheskogo zdorov'ja v uslovijah pandemii COVID-19 [Problems of mental health in the situation of COVID-19 pandemic] // Zhurnal nevrologii i psikiatrii im S S Korsakova]. 2020. N 5. P. 7–15 (in Russian).

Nesi J., Wolff J.C., Hunt J. Patterns of social media use among adolescents who are psychiatrically hospitalized // Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. 2019. N 58. P. 635–639.

Osipova N.G. Cifrovye manipuljacii psihicheskim zdorov'em sovremennoj molodezhi [Digital manipulation of the mental health of modern youth] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2023. Vol. 29. N 3. P. 7–27. URL: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-3-7-27> (in Russian).

Pakhalyan V.E. Razvitie i psihologicheskoe zdorov'e. Doshkol'nyj i shkol'nyj vozrast [Development and psychological health. Preschool and school age]. SPb., 2006 (in Russian).

Polyakova O.B., Bonkalo T.I. Psihicheskoe zdorov'e: dajdzhest [Mental health: digest]. M., 2023 (in Russian).

Programmy i servisy ohrany mental'nogo zdorov'ja: jekspertnyj obzor. M., 2023 (in Russian).

Psihicheskoe zdorov'e. Informacionnyj bjulleten' VOZ [Mental Health. WHO Newsletter]. 2016. April. URL: <https://iris.who.int/handle/10665/340849> (in Russian).

Rains S.A., Keating D.M. Health blogging: an examination of the outcomes associated with making public, written disclosures about health // Communication Research. 2015. Vol. 42. N 1. P. 107–133.

Regush L.A., Alekseeva E.V., Orlova A.V., Pezhemskaya Yu.S. Modifikacija metodiki "Psihologicheskie problemy molodjozhi" v kontekste cifrovizacii [Modification of the questionnaire Psychological Problems of Youth in the context of digitalization] // Gercenovskie chtenija: psihologicheskie issledovaniya v obrazovanii. 2022. N 5. P. 337–348. DOI 10.33910/herzenpsyconf-2022-5-43 (in Russian).

Rideout V. et al. Digital health practices, social media use, and mental well-being among teens and young adults in the US. N.Y., 2018.

Shmatova Yu.E. Vliyanie COVID-19 na psichicheskoe zdorov'e naselenija (kak pokazatel' chelovecheskogo potenciala): opyt zarubezhnyh issledovanij [Impact of COVID-19 on Mental Health of Population (as an Indicator of Human Potential): Experience of Foreign Studies] // Problemy razvitiya territorii. 2020. N 4 (108). P. 88–108. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108 (in Russian).

Ulvi O., Karamelic-Muratovic A., Baghbanzadeh M., Bashir A., Smith J., Haque U. Social media use and mental health: a global analysis // Epidemiologia. 2022. N 3. P. 11–25.

Vliyanie pandemii na lichnost' i obshchestvo: psihologicheskie mehanizmy i posledstvija [The Impact of the Pandemic on the Individual and Society: Psychological Mechanisms and Consequences] / Otv. red. T.A. Nestik, A.L. Zhuravlev, A.E. Vorob'eva. M., 2021 (in Russian).

Yakobus I.K. et al. The use social media's on adolescents' mental health // International Journal of Health Sciences. 2023. Vol. 1. N 4. P. 425–438.

Zdravoohranenie v Rossii [Healthcare in Russia]. 2023. M., 2023 (in Russian).

Zlobina M.V., Pervushina O.N. Intolerantnost' k neopredelennosti i depressija [Intolerance for ambiguity and depression] // Reflexio. 2017. Vol. 10. N 2. P. 126–141 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ В КИТАЕ

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-1-202-224

**ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ:
ДИНАМИКА И ТЕНДЕНЦИИ**

Цзо Ци, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья посвящена актуальным проблемам, связанным с цифровой трансформацией Китайской Народной Республики. В ней представлен систематизированный анализ важнейших аспектов цифровой трансформации в этой стране с различных точек зрения.

Цифровая трансформация — это, в первую очередь, процесс и средство реализации цифровой экономики, а Китай является одним из лидеров в этой области. Данные Китайской академии информационных и коммуникационных технологий показывают, что масштабы цифровой экономики Китая увеличиваются из года в год, а в 2022 г. они достигли 50,2 трлн юаней (около 7,27 трлн долларов), что составляет 41,5% ВВП Китая. Однако уровень развития цифровой экономики Китая все еще недостаточен: хотя цифровая экономика Китая имеет большие масштабы и лидирует в мире, но ее удельный вес во всей структуре экономической деятельности этой страны не высок. Цифровая экономика включает в себя цифровую индустриализацию и цифровизацию промышленности, особенности которых, подтверждаемые конкретными данными, подробно анализируются в статье.

Автором доказано, что цифровая трансформация Китая идет неравномерно. Существует огромное неравенство в уровнях проникновения трех основных секторов экономики. Цифровая трансформация имеет самый высокий уровень проникновения в секторе услуг — 44,7%, за ней следуют промышленный сектор — 24,0% и сельскохозяйственный сектор — 10,5%; прибрежные районы живут лучше, чем внутренние, южные лучше, чем северные. В настоящий момент Китай в основном завершил дизайн и структуру построения цифрового правительства. Тем не менее, в процессе построения цифрового правительства возникает много проблем, в числе которых перекрытие функций цифрового и традиционного правительства, изменение первоначальной структуры правительства, влияние новых правил и систем на текущую систему управления, которые детально рассматриваются в статье.

* Цзо Ци, e-mail: zq840474927@126.com

Преимущества цифровой экономики Китая сосредоточены в новых цифровых отраслях, таких как электронная коммерция, цифровые финансы, облачные вычисления, беспилотные летательные аппараты и фотоэлектрическая промышленность. Китай не только продвигает цифровую трансформацию в эти сферы экономической деятельности, но и осуществляет глубокую цифровую трансформацию в государственных услугах, таких как медицинское обслуживание, образование и безопасность. В то же время особенности цифровой трансформации обусловили такие социальные проблемы, как цифровое неравенство, отсутствие надежных цифровых систем управления и структурная безработица, которые детально анализируются в статье. Одним из эффективных средств решения этих проблем является цифровое доверие.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, Китай, цифровая экономика, цифровая индустриализация, цифровое правительство.

DIGITAL TRANSFORMATION IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: DYNAMICS AND TRENDS

Zuo Qi, Postgraduate Student of the Department of Modern Sociology of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: zq840474927@126.com

The article is devoted to the current issues related to the digital transformation of the People's Republic of China. It presents a systematic analysis of the most important aspects of digital transformation in this country from various points of view.

Digital transformation is, first of all, a process and means of implementing the digital economy, and China is one of the leaders in this field. Data from the China Academy of Information and Communications Technology show that the scale of China's digital economy is increasing year by year, and in 2022 it reached 50,2 trillion yuan (about 7,27 trillion dollars), which is 41,5% of China's GDP. However, the level of development of China's digital economy is still insufficient — although China's digital economy is large-scale and leads the world, its share in the overall structure of economic activity in this country is not high. The digital economy includes digital industrialization and industrial digitalization, the features of which, supported by specific data, are analyzed in detail in the article.

The author has proven that China's digital transformation is uneven. There is a huge disparity in the penetration levels of the three main sectors of the economy. Digital transformation has the highest penetration rate in the service sector — 44,7%, followed by the industrial sector — 24,0% and the agricultural sector — 10,5%; coastal areas live better than inland areas, the southern ones are better than the northern ones. At present, China has basically completed the design and structure of building a digital government. However, there are many problems in the process of building a digital government, including the overlapping functions of digital and traditional government, changes in the original government structure, and the impact of new rules and systems on the current governance system, which are discussed in detail in the article.

The advantages of China's digital economy are concentrated in new digital industries such as e-commerce, digital finance, cloud computing, unmanned aerial vehicles, and the photovoltaic industry. China not only promotes digital transformation in these areas of economic activity, but also carries out deep digital transformation in public services such as medical care, education, and security. At the same time, the characteristics of digital transformation have caused social problems such as digital inequality, the lack of reliable digital governance systems, and structural unemployment, which are analyzed in detail in the article. One of the effective means to solve these problems is digital trust.

Key words: digitalization, digital transformation, China, digital economy, digital industrialization, digital government.

Сегодня процессы цифровизации охватывают все сферы общественной жизни — от политики, экономики, культуры, экологии до различных практик повседневности, а цифровизация деятельности национальных правительств, государственных ведомств и промышленных предприятий позволяет говорить о цифровой трансформации современного общества. Цифровая трансформация — это всеобъемлющий процесс, определяемый не только бурным развитием электронно-цифровых технологий, но и серьезными институциональными изменениями с соответствующей адаптацией к ним различных социальных групп. В каждой стране этот процесс имеет свою специфику.

В Китае цифровая трансформация в целом продвигается относительно быстро, однако отличается неравномерностью широты, глубины и скорости как в региональном, так и отраслевом аспектах. Это связано с долгосрочным дисбалансом экономического развития Китая, а также с амбивалентными инновационными аспектами самой цифровизации. С одной стороны, цифровая трансформация обогащает социальную жизнь, повышает эффективность использования общественного труда, снижает транзакционные издержки, стимулирует экономическое развитие в целом, что приводит к росту социально-экономического благосостояния китайского общества. С другой стороны, кардинальные изменения, вызванные цифровой трансформацией, содержат много неопределенности и рисков для людей, что без должной реакции со стороны государства может привести к социальным беспорядкам и социальным волнениям, а в целом — понизить доверие к этому процессу.

Цифровая трансформация, начавшаяся в Китае сравнительно недавно, является сложным и не вполне устоявшимся процессом, поэтому теория цифровой трансформации находится только в процессе становления. Тем не менее такие социологи, как М. Кастельс,

Г. Абдрахманова, Н. Осипова, И. Вершинина, Ма Хуатэн, Г. Виал, Ж. Бодрийяр, М. Гейн, А. Хуан-Хаасе, О. Денисова, Э. Мухутдинов, Ф. Калвино, С. Крискуоло, Се Сюаньли, Ван Шихуэй, А. Кешелава, В. Буданов, А. Кешелава и некоторые другие исследуют концепции и характеристики цифровой трансформации. Оценку состояния цифровой трансформации, а точнее — цифровой экономики в современном Китае провели Чжао Син, Н. Днепровская, Ма Хуатэн, Л. Цанг, С. Чен, Чжоу Сяолинь, Е. Мурашова, Ян Цэ, Хуан Цифань, Ли Минхан, Н. Селвин, Д. Атор, Ф. Леви, Р. Мюрнейн, Л. Томайчук¹ и др.

Цифровая трансформация может рассматриваться как совокупность процессов социальных преобразований, связанных с цифровизацией. Этот процесс идет “рука об руку” с цифровой экономикой. Иначе говоря, цифровая трансформация — это процесс и средство реализации цифровой экономики.

Следует отметить, что цифровая экономика Китая была официально запущена только в последние десять лет, а термин впервые появился в отчете о работе правительства в 2017 г., почти на 20 лет позже, чем в США. Тем не менее, Китай добился впечатляющих прорывов во многих областях цифровой экономики. Так, в 2020 г. Международный институт управленческого развития (далее — МИУР) исследовал цифровую конкурентоспособность 62 стран и регионов мира. По результатам данного исследования, Китай занимает 16-е место в рейтинге стран мирового сообщества². Конференция ООН

¹ Чжао Син. Анализ статус-кво и тенденции развития цифровой экономики // Sichuan Administration Institute. 2016. № 4. С. 85–88; Днепровская Н.В. Формирование инновационной среды цифровой экономики: дисс. ... докт. эконом. наук: 08.00.05. М., 2020; Longmei Zhang, Sally Chen. China's digital economy: Opportunities and risks // International Monetary Fund. 2019. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/01/17/Chinas-Digital-Economy-Opportunities-and-Risks-46459> (accessed: 05.07.2023); Чжоу Сяолинь. Текущая ситуация и принципы построения цифрового правительства // Китайская информатизация управления. 2021. № 14. С. 162–163; Мурашова Е.В., Ян Цэ. Оценка условий цифровой трансформации компаний малого и среднего бизнеса в Китае // Московский экономический журнал. 2022. № 7. С. 503–515; Хуан Цифань. Цифровой Китай. Пекин, 2021; Ли Минхан, Чжан Цян и др. Скрытые опасности и контрмеры цифровых медицинских технологий // Медицинское и медицинское оборудование. 2011. № 9. С. 100–101; Selwyn N. Reconsidering political and popular understandings of the digital divide // New Media & Society. 2004. N 3. P. 341–362; Autor D., Levy F., Murnane R. The skill content of recent technological change: an empirical exploration // Quarterly Journal of Economics. 2003. N 4. P. 1279–1333; Томайчук Л.В. Цифровизация экономики Китая: риски и возможности для общества // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 3. С. 31–36.

² IMD. World Digital Competitiveness Ranking 2020. URL: https://www.imd.org/globalassets/wcc/docs/release-2020/digital/digital_2020.pdf (accessed: 05.08.2023).

по торговле и развитию (далее — ЮНКТАД) провела собственные исследования, в рамках которых оценила способности 158 экономик мира по использованию, внедрению и адаптации передовых технологий. В данном исследовании Китай занимает 25-е место. Также ЮНКТАД подсчитала поставщиков пяти передовых цифровых технологий (AI, IoT, Big data, Blockchain и 5G) в мире. По итогам исследования было выявлено, что на США приходится 72% этой категории поставщиков, на Китай — 10%, а на другие страны или регионы — 18%³. Следовательно, Китай является одним из лидеров мировой цифровой экономики.

В настоящее время в академических кругах нет единого мнения относительно конкретного определения цифровой экономики. Цифровая экономика имеет два основных значения: узкое и широкое. В узком значении цифровая экономика — это транзакция, которая происходит только в цифровом виртуальном пространстве⁴, или экономическая деятельность отрасли ИКТ и торговли цифровыми продуктами⁵. В широком значении цифровая экономика представляет собой новую обобщенную экономическую формацию, сочетающую реальность и цифровое пространство⁶. Основное различие между этими значениями цифровой экономики состоит в том, что первое ориентируется на развитие ИКТ и смежных отраслей, а второе делает акцент на влиянии и роли ИКТ во всем обществе на основе первого.

В целом, за последнее десятилетие было дано множество определений цифровой экономики, однако общепризнанным для большинства стран и ученых всего мира является определение, которое содержится в документе, представленном Китаем на саммите G20 в Ханчжоу в 2016 г. “Инициатива по развитию и сотрудничеству в области цифровой экономики G20”. В данном документе дается

³ UNCTAD. Technology and Innovation Report 2021. URL: <https://unctad.org/webflyer/technology-and-innovation-report-2021> (accessed: 10.05.2024).

⁴ Чжао Син. Анализ статус-кво и тенденции развития цифровой экономики // Sichuan Administration Institute. 2016. № 4. С. 86.

⁵ Department of Broadband, Communications and the Digital Economy. Australia's Digital Economy: Future Directions [R/OL]. URL: <http://apo.org.au/node/17766> (accessed: 09.04.2021); BEA. Digital Economy. Bureau of Economic Analysis U.S. Department of Commerce. URL: <https://www.bea.gov/data/special-topics/digital-economy>, свободный (accessed: 22.07.2021).

⁶ Днепровская Н.В. Формирование инновационной среды цифровой экономики; Наливайченко Е.В. Развитие цифровой экономики в условиях глобализации: Монография. Симферополь, 2019; Хэ Сяоинь. Сравнение концепции цифровой экономики, информационной экономики, сетевой экономики и экономики знаний // Times Finance. 2011. № 29. С. 47.

такое определение: “...цифровая экономика — это тактика ведения народного хозяйства, где оцифрованные знания и информация — ключевой производственный фактор, современные информационные сети — носитель информации, а информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) — движущая сила производительности и оптимизации структуры экономики”⁷. Далее в исследованиях цифровой экономики и цифровой трансформации Китая в качестве исходного будет использоваться именно это определение.

Согласно системе измерения ОЭСР, на долю цифровой экономики Китая (добавленная стоимость сектора ИКТ) в 2017 г. приходилось около 5% ВВП, что ниже, чем в развитых регионах или странах, таких как Китайский Тайбэй, Япония, Южная Корея и США⁸. Данные Китайской академии информационных и коммуникационных технологий (CAICT) показывают, что с точки зрения “широкой” цифровой экономики масштабы⁹ цифровой экономики Китая увеличиваются из года в год — с 2016 по 2022 гг. В 2022 г. они уже достигли 50,2 трлн юаней (около 7,27 трлн долларов), что составляет 41,5% ВВП Китая¹⁰. Темпы роста цифровой экономики Китая начали замедляться с 2019 г., в основном из-за влияния китайско-американской торговой войны и пандемии новой коронавирусной инфекции, однако темпы роста цифровой экономики Китая по-прежнему намного выше, чем темпы роста ВВП. Исследования китайских ученых Лонгмей Цанг и Салли Чен показывают, что каждый процентный пункт повышения общего уровня цифровизации экономики увеличивает ВВП на 0,3 процентных пункта¹¹.

Итак, быстрый рост цифровой экономики в последние годы стимулировал развитие экономики Китая в целом. Однако уровень развития цифровой экономики Китая все еще недостаточен. Напротив, масштаб цифровой экономики в США в 2021 г. достиг 15,3 трлн

⁷ Ма Хуатэн и др. Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики. М., 2019. С. 21–22.

⁸ OECD. OECD Economic Surveys: China 2022. P., 2022. P. 93–94.

⁹ Под масштабом цифровой экономики в дальнейшем подразумеваются широкая цифровая экономика; узкая цифровая экономика и связанные с ней показатели и понятия будут специально указаны.

¹⁰ CAICT. Отчет о развитии цифровой экономики Китая // Национальный высококласный профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития. 2022. URL: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202207/t20220708_405627.htm (дата обращения: 05.08.2023).

¹¹ Longmei Zhang, Sally Chen. China's digital economy: Opportunities and risks // International Monetary Fund. 2019. P. 9. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/01/17/Chinas-Digital-Economy-Opportunities-and-Risks-46459> (accessed: 05.07.2023).

долларов, что составляет более 65% ВВП, что намного превышает аналогичный показатель Китая. Хотя общая цифровая экономика Германии и Великобритании не так велика, как у Китая и США, на долю цифровой экономики в 2021 г. приходилось более 65% ВВП. Что касается Южной Кореи, Японии и других развитых стран, то их доля цифровой экономики в ВВП также выше, чем в Китае. Общая цифровая экономика Индии, численность населения которой равна численности населения Китая, в 2021 г. составила 679,9 млрд долларов, что составляет менее 30% ВВП¹². Таким образом, цифровая экономика Китая имеет большие масштабы и лидирует в мире, но ее удельный вес во всей структуре экономической деятельности Китая не высок, а это означает, что общее развитие цифровой экономики Китая все еще отстает от некоторых развитых экономик мира.

Одна из важных причин, по которой большинство стран и регионов мира продолжают продвигать цифровую трансформацию, заключается в том, что развитие цифровой экономики может стимулировать экономическую активность. По данным Китайской академии информации и коммуникационных технологий (CAICT), масштабы цифровой экономики Китая выросли с 15% ВВП в 2008 г. до 41,5% в 2022 г., а темпы роста цифровой экономики всегда превышали темпы роста ВВП¹³, что свидетельствует о том, что развитие цифровой экономики оказывает большое влияние на рост ВВП. К концу 2022 г. масштабы цифровой экономики Китая увеличились на 10,3% в годовом исчислении, а ВВП Китая вырос на 5,3%. Очевидно, что цифровая экономика является важной частью экономической деятельности Китая.

Цифровая индустриализация относится к отрасли, развивающейся вокруг технологий и сектора ИКТ, являющейся фундаментом и базовой отраслью для развития всей цифровой экономической деятельности. Поскольку цифровая индустрия представляет собой уникальную экономическую деятельность в эпоху цифровой экономики, она сыграла важную роль в создании социально-экономической добавленной стоимости. В 2022 г. масштаб цифровой индустриализации Китая достиг 9,2 трлн юаней, что составило 7,6% ВВП и 18,3% цифровой экономики¹⁴. Кроме того, цифровая индустрия

¹² CAICT. Белая книга о глобальной цифровой экономике // Национальный высокочеловеческий профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития. 2022. URL: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202212/t20221207_412453.htm (дата обращения: 05.08.2023).

¹³ Там же. С. 7.

¹⁴ CAICT. Отчет о развитии цифровой экономики Китая // Национальный высокочеловеческий профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития.

стриализация выполняет одну из важнейших функций: способствует инновациям и развитию традиционных отраслей.

Интеграция традиционных отраслей и ИКТ, т.е. цифровизация промышленности (или цифровая трансформация традиционных индустрий), играет заметную роль в росте цифровой экономики. В 2022 г. масштабы промышленной цифровизации примерно в четыре раза превысили цифровую индустриализацию, а темпы роста как промышленной цифровизации, так и цифровой индустриализации составляют около 10,3%¹⁵. Иными словами, цифровизация промышленности достигла быстрого роста и сыграла важную роль в развитии цифровой экономики и даже экономики в целом. Однако анализ развития промышленной цифровизации в США, Великобритании и других странах показал, что промышленная цифровизация Китая имеет большие масштабы, при этом ее удельный вес в общей экономической деятельности невелик. Таким образом, промышленное цифровое развитие Китая по-прежнему имеет большие перспективы, а цифровая экономика Китая располагает значительным потенциалом для стимулирования экономической деятельности в целом. Кроме того, хотя измерение масштаба цифровой экономики является составным показателем, который может отражать состояние развития и тенденций цифровой экономики между различными странами, он может в определенной степени отражать взаимосвязь между цифровой экономикой и ВВП.

Следует отметить, что цифровая трансформация Китая идет неравномерно.

Во-первых, существует огромное неравенство в уровнях проникновения трех основных секторов экономики. Уровень проникновения относится к проценту добавленной стоимости, принесенной цифровой трансформацией в традиционную отрасль, к общей добавленной стоимости отрасли. Уровень проникновения может отражать тенденцию степени развития цифровой трансформации в различных секторах экономики. Цифровая трансформация имеет самый высокий уровень проникновения в секторе услуг — 44,7%, за ней следуют промышленный сектор — 24,0% и сельскохозяйственный сектор — 10,5%¹⁶. Хотя с глобальной точки зрения цифровая трансформация сферы услуг происходит быстрее, чем в промышленности и сельском хозяйстве.

ных инноваций и развития. 2023. URL: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202304/t20230427_419051.htm (дата обращения: 15.08.2023).

¹⁵ CAICT. Белая книга о глобальной цифровой экономике... С. 12.

¹⁶ CAICT. Отчет о развитии цифровой экономики Китая. С. 18.

Так, в 2019 г. уровень проникновения цифровой трансформации в сфере услуг, промышленности и сельском хозяйстве Германии достиг 60,4%, 45,3% и 23,1% соответственно. Это больше, чем в Китае¹⁷. Более того, уровень проникновения цифровой трансформации в Германии в сельскохозяйственном и промышленном секторах более чем вдвое превышает аналогичный показатель в Китае. Иными словами, на данном этапе цифровая трансформация в различных секторах экономики Китая происходит очень неравномерно.

Во-вторых, развитие цифровой трансформации между регионами Китая также идет неравномерно. Региональное экономическое развитие Китая всегда было очень неравномерным: прибрежные районы живут лучше, чем внутренние районы, а юг лучше, чем север. То же самое относится и к цифровой трансформации. Гуандун является регионом с очень развитой экономикой в Китае и крупной провинцией в индустрии ИКТ. И по масштабам цифровой индустриализации, и по цифровизации промышленности Гуандун занимает первое место в Китае. Внутренние провинции, такие как Ганьсу и Цинхай, сильно отстают от ведущих регионов как по масштабам, так и по темпам роста цифровой экономики. Этот дисбаланс в цифровой трансформации, скорее всего, усугубит региональное неравенство в Китае и вызовет новые социально-экономические проблемы.

В эпоху цифровой экономики цифровые технологии привнесли новые изменения в деятельность правительства, коренным образом изменив его основные функции, структуру, операции, процессы и т.п. Создание цифрового правительства противостоит рискам и угрозам, вызванным цифровой трансформацией, и при этом гарантирует, что функции правительства останутся стабильными и эффективными в цифровой сфере. В настоящий момент Китай в основном завершил дизайн и структуру построения цифрового правительства. Государственные организации всех уровней создали полную сетевую систему под руководством Центрального Комитета Китая. Цифровое правительство охватило все провинции, муниципалитеты и автономные районы.

В настоящее время в Китае насчитывается в общей сложности 14 566 государственных веб-сайтов, включая национальную правительственную сеть, департаменты Государственного Совета и их управляющие агентства, которые охватывают три типа государственных дел, включая раскрытие информации, онлайн-отноше-

¹⁷ САИСТ. Белая книга о глобальной цифровой экономике.

ния и динамику государственных дел¹⁸. Тем не менее, в процессе построения цифрового правительства возникает много проблем, среди которых:

- 1) отсутствие общего планирования, проектирования и строительства на национальном уровне¹⁹;
- 2) наличие групповых различий, усложняющих построение цифрового правительства;
- 3) вертикальная структура правительства, влияющая на эффективность продвижения цифрового правительства.

Кроме того, создание цифрового правительства создало много проблем собственно правительству Китайской Народной Республики:

- во-первых, перекрывающиеся функции цифрового и традиционного правительства привели к растрате социальных и природных ресурсов;
- во-вторых, цифровое правительство нацелено на изменение первоначальной структуры правительства, и данная структурная перестройка приведет к таким последствиям, как “непригодность” низового персонала и хаотичность процедур;
- в-третьих, в процессе создания цифрового правительства необходимо формировать новые правила и системы, что оказывает влияние на исходную систему управления.

В настоящее время эти проблемы не могут быть решены только на техническом и институциональном уровнях, их необходимо решать совместно на всех уровнях общества.

Преимущества цифровой экономики Китая сосредоточены в новых цифровых отраслях, таких как электронная коммерция, цифровые финансы, облачные вычисления, беспилотники и фотоэлектрическая промышленность²⁰. Эти новые технологические отрасли представляют собой уровень развития цифровых технологий Китая. Быстрое развитие компаний электронной коммерции в интернете, представленных кампаниями “Алибаба” и “Джей Ди ком”, способствует общему развитию бизнеса электронной коммер-

¹⁸ CNNIC. Статистический отчет о развитии Интернета в Китае (49-й раз). URL: http://www.cnnic.net.cn/gywm/xwzx/rdxw/20172017_7086/202202/t20220225_71724.htm (дата обращения: 05.04.2022).

¹⁹ Чжоу Сяолин. Текущая ситуация и принципы построения цифрового правительства // Китайская информатизация управления. 2021. № 14. С. 163.

²⁰ Longmei Zhang, Sally Chen. China's digital economy: Opportunities and risks // International Monetary Fund. 2019. N 3. P. 4–6; UNCTAD. Technology and Innovation Report 2021. URL: <https://unctad.org/webflyer/technology-and-innovation-report-2021> (accessed: 10.05.2022).

ции Китая. Хотя первоначальным намерением цифровой финансовой индустрии Китая было осуществление надзора за средствами в транзакциях электронной коммерции для защиты покупателей и продавцов, их прав и интересов, постепенное углубление социальной цифровизации платежных систем, таких как “Алипэй” и “Вичат пэй” привело к разнообразию и расширению функций. Все это, в конечном счете, привело к быстрому развитию цифровой финансовой индустрии. В этом контексте традиционные финансовые учреждения, такие как банки и фондовые биржи, также добились функциональной цифровой трансформации и модернизации. Более того, интернет-гиганты в лице “БиЭйТиДжи” — (от заглавных букв компаний Байду, Алибаба, Тенсент, ДжейДи) создали зрелую цифровую экосистему, используя собственное влияние и преимущества, накопленные за длительный период времени. В результате они оказали влияние на развитие отраслей цифровых технологий в Китае, таких как искусственный интеллект, облачные вычисления, 5G и так далее. В 2020 г., скорость мобильной сети 5G в Китае достигла 96,84 Мбит/с, а общая скорость составила 146,62 Мбит/с, заняв первое место в мире²¹. Конечно, быстрое развитие новых отраслей неотделимо от мощной поддержки государства. По данным ЮНКТАД, инвестиции Китая в исследования и разработки в новые технологические области достигли 2% ВВП в 2020 г.²² Итак, по данным ЮНКТАД заметно, что Китай занимает лидирующие позиции среди более чем 100 стран мира.

Малые и средние предприятия (далее — МиСП) Китая в настоящее время являются самой потенциально крупной экономической группой в экономической деятельности страны. Они играют огромную роль в экономическом росте Китая и являются основными объектами Китая для продвижения цифровой трансформации предприятий в будущем. Российский ученый Е. Мурашова исследовала цифровую трансформацию китайских МиСП и обнаружила, что большинство представителей китайских МиСП считает, что цифровая трансформация необходима, но они к ней не готовы. К основным причинам этого явления относятся: 1) недостаточные способности в технике, знаниях и других; 2) недостаточные условия (устройство, таланты и т.д.); 3) отсутствие уверенности.

²¹ DIGITAL 2022: Global Overview Report. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2022-global-overview-report?utm_source=Global_Digital_Reports&utm_medium=Article&utm_campaign=Digital_2022 (accessed: 05.04.2022).

²² Ibid. P. 27.

По данным опроса ученых, “не осмеливаются трансформироваться” среди предприятий: средние — 82,05% и малые — 81,03%²³. В частности, МиСП в настоящее время не имеют глубокого понимания цифровой трансформации и не имеют базовых условий и профессиональных возможностей для такой трансформации. Перед лицом высоких трансформационных рисков МиСП не имеют соответствующих защитных мер и не могут получить конкретную поддержку и помощь от соответствующих ведомств и учреждений. Поэтому МиСП Китая сложно трансформируются, у них отсутствуют существенные гарантии и меры защиты от правительства.

Китай не только продвигает цифровую трансформацию в различные сферы экономической деятельности, но и осуществляет глубокую цифровую трансформацию в государственных услугах, таких как медицинское обслуживание, образование и безопасность. Пионером цифровой трансформации в Китае можно назвать медицину. В течение длительного времени ИКТ широко использовались в различных областях медицины для повышения уровня традиционных медицинских технологий. В 1970-х гг. врачи и поставщики медицинских услуг обменивались медицинской информацией о диагностике и лечении по телефону и электронной почте. Позже, с появлением интернет-технологий и датчиков, появились новые модели здравоохранения: телемедицина, электронное здравоохранение (e-Health), мобильное здравоохранение (m-Health) и цифровое здравоохранение (Digital Health). Сегодня масштаб цифровых медицинских услуг в Китае очень обширен, в основном из-за нехватки и неравномерного распределения медицинских ресурсов в Китае. Исследователь Хуан Цифань предположил, что одним из эффективных способов корректировки несбалансированного распределения ресурсов является совместное использование высококачественных медицинских ресурсов, поскольку этот подход характеризуется низкими инвестициями и высокой отдачей²⁴. Эффективное сочетание цифровых технологий и традиционной медицинской деятельности поможет расширить спектр услуг, повысить общую эффективность обслуживания в медицинской сфере, обогатить функции медицинской сферы и смягчить давление нехватки медицинских ресурсов, вызванное перенаселенностью.

²³ Мурашова Е.В., Ян Цэ. Оценка Условий цифровой трансформации компаний малого и среднего бизнеса в Китае // Московский экономический журнал. 2022. № 7. С. 509.

²⁴ Хуан Цифань. Цифровой Китай. Пекин, 2021. С. 288.

Таким образом, в настоящее время цифровая трансформация в медицинской сфере Китая происходит быстро, глубоко и широко-масштабно. Однако стремительная интеграция медицинской сферы и ИКТ также изменила традиционный порядок и нормы деятельности в исходной медицинской сфере, породила новые социальные и медицинские риски. В последние годы частота медицинских несчастных случаев в Китае увеличилась на 20%, среди причин которых большую долю составляют цифровые медицинские технологии²⁵. Безусловно, цифровые медицинские технологии включают в себя не только сами технологии, но и подразумевают профессионализм и нравственность медицинского персонала. Из-за адаптивности, вызванной интеграцией цифровых технологий и медицинской промышленности, а также неоднородных стандартов цифровых медицинских технологий, появились и другие проблемы, которые медицинская промышленность Китая должна срочно решить в процессе цифровой трансформации.

Цифровая трансформация в сфере образования также является важным вопросом продвижения цифровой трансформации в китайском обществе. В настоящее время цифровая трансформация в сфере образования в основном направлена на развитие технологий управления образованием и обучением. Цифровые технологии, представленные цифровыми платформами, укрепили управление в сфере образования и сыграли важную роль в надзоре за руководителями образования, преподавательским составом и студентами. Новые цифровые технологии значительно обогатили традиционные формы, модели и средства обучения, повысили качество и содержание обучения, предоставили возможность обучающимся учиться самостоятельно. При этом цифровая трансформация образования способствует снижению неравенства в образовательных ресурсах между регионами.

В настоящее время Китай активно продвигает цифровую трансформацию образовательной отрасли, но при этом существуют некоторые практические проблемы, в числе которых: 1) сложность покрытия расходов на цифровую трансформацию; 2) цифровая трансформация образовательных учреждений не имеет единых стандартов, механизмов и руководств; 3) цифровая трансформация образования возможно приведет к растрате ресурсов.

ИКТ сыграли огромную положительную роль в вопросах личной безопасности в реальном обществе. Исследователь Ян Чжиго

²⁵ Ли Минхан, Чжан Цян и др. Скрытые опасности и контрмеры цифровых медицинских технологий // Медицинское оборудование. 2011. № 9. С. 100–101.

изучил роль цифровых технологий в сфере общественной безопасности в Китае. Этот социолог считает, что цифровые технологии, такие как Большие данные и Интернет вещей пригодны для прогнозирования дорожно-транспортных происшествий, преступлений и террористических актов, поскольку они могут предоставить богатую, интуитивно понятную и точную информацию²⁶. Применение цифровых технологий в сфере общественной безопасности может гарантировать общественный порядок, увеличить средства обеспечения социальной безопасности, обогатить правоприменительные и надзорные функции государственных органов. Кроме того, на основе обеспечения социальной безопасности цифровые технологии могут решать традиционные социальные проблемы, такие как заторы на дорогах, поддерживать общественный порядок, контролировать социальную деятельность и создавать больше социальных благ.

Британский ученый Н. Селвин утверждает, что цифровой разрыв внутри страны зависит от таких факторов, как образование, возраст и социальный статус²⁷. В целом развитие цифровой экономики Китая началось относительно поздно, а накопившиеся за длительный период исторические и социальные проблемы (демографические проблемы, неравенство образования населения между районами, большой разрыв между богатыми и бедными) несколько замедляют этот процесс.

Тем не менее и в период цифровой трансформации Китай получил еще больше социально-экономических проблем, в основном это цифровое неравенство и отсутствие надежных цифровых систем управления. Цифровое неравенство связано с различиями в доступе и результатах использования ИКТ среди различных социальных групп, что конкретно включает три аспекта: цифровой разрыв, вытекающее из него неравенство результатов и неравенство возможностей.

Цифровой разрыв в первую очередь отражается в применении и популяризации интернета. Цифровая трансформация развивается на фоне трансформации информатизации. Можно сказать, что популяризация интернета является наиболее фундаментальным и основным фактором, влияющим на развитие информационной цифровизации в обществе. В настоящее время уровень проникно-

²⁶ Ян Чжигуо, Сюй Чжэн и др. Анализ больших данных системы видеонаблюдения общественной безопасности следующего поколения // Журнал Шанхайского университета: выпуск естественных наук. 2016. № 1. С. 81.

²⁷ Selwyn N. Reconsidering political and popular understandings of the digital divide // New Media & Society. 2004. N 3. P. 351.

вения интернета в большинстве развитых стран Европы и США достиг более 95%, а в России, которая также является бурно развивающейся страной и имеет самую большую территорию в мире, уровень проникновения интернета составляет более 85%. Однако, согласно данным Китайского информационного центра интернета (CNNIC), в настоящее время уровень проникновения интернета в Китае составляет только 75,6% и по этому показателю Китай значительно отстает от ведущих стран²⁸. По данным этого центра видно, что группа лиц, не использующих интернет, старше 60 лет составляла 37,4% от общего числа не использующих интернет, а население старше 60 лет составляло лишь 19,8% от общей численности населения²⁹. Кроме того, общий уровень знаний старшего поколения в Китае относительно низок, и оно не имеет элементарных навыков использования электронного оборудования и интернета. Поэтому популяризировать интернет в Китае очень сложно. Кроме того, проникновение интернета в регионы Китая идет также очень неравномерно: в 2022 г. уровень проникновения интернета в сельской местности (61,9%) был намного ниже, чем в городах (83,1%)³⁰.

На наш взгляд, причина такого результата заключается в том, что технические средства и уровень доходов в сельской местности весьма ограничены. Помимо этого наблюдается значимое старение населения в сельской местности. Китайские ученые Зе Сонг и Тэ Сонг измерили уровень развития ИКТ в разных регионах Китая и пришли к следующему выводу: уровень развития ИКТ в восточном регионе Китая выше, чем в центральном и западном регионах. Они также подтвердили, что основными факторами, влияющими на цифровой разрыв между регионами, являются доходы жителей, доля городского населения, уровень дохода на душу населения в ВВП и уровень образования³¹.

Следует отметить, что по мере продвижения цифровой трансформации социальные масштабы цифрового неравенства расширяются. Некоторые предприятия и организации в Китае выпустили и распространили большое количество цифровых дивидендов, что должно способствовать цифровому развитию. Но только люди, ко-

²⁸ CNNIC. Статистический отчет о развитии Интернета в Китае (51-й раз). URL: <https://www.cnnic.net.cn/n4/2023/0303/c88-10757.html> (дата обращения: 05.08.2023).

²⁹ Там же. С. 27.

³⁰ Там же. С. 26.

³¹ Song Z., Song T. et al. Spatial-temporal characteristics and determinants of digital divide in China: a multivariate spatial analysis // Sustainability. 2019. N 17. P. 45–46.

которые имеют доступ к цифровым технологиям или обладают высокой цифровой грамотностью, могут получить такие дивиденды. На самом деле цифровые платформы, используемые этими предприятиями, характеризуются снижением предельных издержек. Они готовы платить больший цифровой дивиденд за новых пользователей, но такие факторы, как личные знания, мотивация и отношение, ограничивают реализацию цифровой жизни для новых пользователей. С углублением цифровизации общества в общественных сферах, таких как образование, здравоохранение, культура и государственные дела, будет запущен ряд цифровых услуг, которые могут лишь усугубить цифровое неравенство.

Цифровая трансформация формируется и развивается в условиях информационного общества, однако по сравнению с Европой и США процесс информатизации и цифрового развития Китая, как уже было отмечено, начался относительно поздно и продвигался медленно. Поэтому в плане цифрового управления Китай не имеет многолетнего накопленного опыта европейских и американских стран, и институционализация цифровизации Китая в виде системы норм и правил еще не совсем совершенна. Более того, глобальное развитие цифровой трансформации идет очень быстро. Это поставило перед китайскими государственными органами огромные проблемы с точки зрения системы гарантий и системы управления. Несмотря на это, китайское правительство по-прежнему обладает высокими возможностями цифрового управления, и, согласно исследованиям IMD, и глобальному инновационному индексу (или GII), у Китая достаточно квалифицированного персонала и ресурсов, чтобы смягчить угрозы кибербезопасности, наносящие ущерб интернету (3-е место из 64 стран в 2022 г.), и он также имеет высокую конкурентоспособность в государственных онлайн-услугах (12-е место из 164 стран). Согласно официальным данным (CNNIC), не подвергались каким-либо киберугрозам в 2022 г. 65,9% китайских пользователей интернета, что на 39% больше, чем в 2017 г.

Следует отметить, что управление сетевой средой в Китае достигло положительных результатов, обеспечив безопасную и стабильную цифровую среду для цифровой деятельности и уверенность в непрерывном прогрессе цифровой трансформации.

Испанский исследователь М. Кастельс считает, что государство является инициатором революции в области информационных технологий и создателем соответствующих институтов и структур³². Цифровая революция является продолжением информационной

³² Кастельс М. Расцвет сетевого общества. Пекин, 2001. С. 81–82.

революции и такой же прорывной социальной революцией, как и революция в сфере информационных технологий. Таким образом, в эпоху цифровых технологий руководство национальной политикой и институциональные гарантии являются эффективными гарантиями реализации и продвижения цифровой трансформации.

Согласно текущим данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее — ВОИС), нормативно-правовая база Китая отстает от других стран в целом: с одной стороны, трудно проводить политику, направленную на содействие социальному развитию; с другой стороны, социальные предприятия имеют низкий уровень доверия и соблюдение социальных норм³³. Международный институт управления развитием объявил индекс цифровой конкуренции на 2022 г., и Китай занимает 17-е место среди 63 стран. Среди рассмотренных показателей показатели цифрового доступа и защиты личных прав граждан являются наихудшими. Во-первых, в части нормативно-правовой базы Китай занимает 36-е место по показателю прав интеллектуальной собственности, который улучшился на восемь позиций по сравнению с 2020. Однако, несмотря на это, он по-прежнему занимает срединное место среди 64 экономик. Во-вторых, китайское правительство показало низкие результаты по сравнению с другими странами с точки зрения плагиата программного обеспечения, защиты конфиденциальности пользователей и нормативно-правовой базы для своих данных: по этим показателям Китай занял соответственно 56-е и 59-е место из 64 стран³⁴. Это свидетельствует о том, что Китаю необходимо усилить защиту прав отдельных граждан и предприятий, а также необходимо привлечь достаточное внимание со стороны соответствующих государственных органов.

В настоящее время влияние цифровой трансформации и общая структура занятости в китайском обществе постоянно меняются. Поэтому влияние цифровой трансформации на экономическую деятельность проявляется не только в повышении эффективности экономической деятельности, снижении социальных и экономических издержек, но и в создании дополнительных рабочих мест. В 2020 г. количество рабочих мест, принятых на работу в сфере цифровой индустриализации в Китае, составило 32,6% от общего числа ново-

³³ Global Innovation Index 2022. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/2022/ (accessed: 17.08.2023).

³⁴ IMD World Digital Competitiveness Ranking 2022. URL: <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness-ranking/> (accessed: 17.08.2023).

бранцев в цифровой экономике, а количество принятых на работу сотрудников составило 24,2% от общего числа принятых на работу в цифровой экономике. Доля рабочих мест была значительно выше, чем у цифровой индустриализации в цифровой экономике за тот же период по удельному весу³⁵. Другими словами, цифровая индустриализация обладает большей способностью поглощать рабочие места, а основным представителем общей цифровой индустриализации является отрасль информационно-коммуникационных технологий.

Кроме того, на основе анализа структуры занятости промышленной цифровизации Китая было выявлено, что на долю научно-исследовательских и технических услуг приходится 18,26% должностей по найму всей цифровой экономики среди всех наймов³⁶. Согласно отчету об исследовании сотрудничества в области цифровой индустриализации между Университетом Цинхуа и ЛинкедИн, 99,4% рабочих мест, связанных с цифровой экономикой, требуют степени бакалавра или выше, а 46,8% требуют степени магистра или выше³⁷. Согласно отчету о развитии Всемирного банка за 2016 г., предполагалось, что 57% рабочих мест в странах Организации экономического сотрудничества и развития будут заменены искусственным интеллектом в ближайшие 20 лет³⁸. Этот тип работы затронет позиции в основном процедурного характера, на которых повторяющиеся физические и когнитивные задачи требуют работников низкой квалификации, выполняющих четкие процессы и правила³⁹.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что высокотехнологичные и развивающиеся отрасли Китая в цифровой экономике имеют огромный спрос на таланты, а структура занятости в Китае развивается от низкоквалифицированной, низкоуровневой структуры занятости к высококвалифицированной, высокоуровневой структуре занятости. Однако судя по прогнозам, преобразование структуры

³⁵ CAICT. Отчет об исследовании развития занятости в цифровой экономике Китая: новые формы, новые модели, новые тенденции. URL: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/ztbg/202103/t20210323_372157.htm (дата обращения: 05.04.2022).

³⁶ Там же. С. 10, 13.

³⁷ Ян Фейху, Чжан Юйвэнь, Лв Цзясюань. Влияние цифровой экономики на цель Китая по “стабилизации занятости” и меры по ее спасению // Журнал Университета финансов и экономики Дунбэй. 2021. № 5. С. 78–85.

³⁸ Всемирный банк. Доклад о мировом развитии 2016 года: Цифровые Дивиденды. Пекин, 2017 (на китайском языке).

³⁹ Autor D., Levy F., Murnane R. The skill content of recent technological change: an empirical exploration // Quarterly Journal of Economics. 2003. N 4. P. 279–333.

занятости усложнит ситуацию с занятостью в Китае. Развитие большого количества цифровых технологий заменило первоначальные рабочие места, что вызвало такие проблемы, как структурная безработица, техническая безработица и повышение требований к процессам, связанным с трудоустройством.

Что касается высококвалифицированных и высокоуровневых рабочих мест, необходимых для цифровой трансформации Китая, то, по мнению российского ученого Л. Томайчук, наблюдается не только нехватка квалифицированных работников в высокотехнологичных отраслях, но и серьезная потеря талантов, отвечающих их требованиям⁴⁰. В результате уровень безработицы в Китае еще больше вырос, а заработная плата на низкооплачиваемых работах еще больше понизилась. 2022 г. — это год с самым низким уровнем безработицы, начиная с 2018 г. По данным Национального бюро статистики Китая, по состоянию на конец 2022 г. уровень безработицы в городах Китая составил 5,5%, увеличившись в годовом исчислении на 1,1%⁴¹. Несмотря на влияние таких факторов, как пандемия новой коронавирусной инфекции и нестабильная международная ситуация, постоянное продвижение и углубление цифровой трансформации оказало большое влияние на структуру занятости в Китае.

Таким образом, цифровая трансформация — это процесс интеграции общества и цифровых технологий, новый этап общественного развития. Социальная цифровая трансформация — это долгосрочный процесс, многомерное (вширь/широко, глубину и скорость) развитие, цель которого — комплексное создание цифрового общества. Поэтому цифровая трансформация должна быть высокоуровневым, сбалансированным, стабильным, долгосрочным и всесторонним социальным процессом.

В Китае под руководством национального правительства цифровая трансформация будет полностью запущена во всем обществе. Однако процесс интеграции технологий и общества очень сложен и представляет собой процесс взаимной адаптации. Незрелость и быстрое развитие самих цифровых технологий усложняют этот процесс. Кроме того, из-за появления новых социальных форм возникли такие проблемы, как цифровой разрыв, цифровое неравен-

⁴⁰ Томайчук Л.В. Цифровизация экономики Китая: риски и возможности для общества // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 3. С. 35.

⁴¹ Государственное статистическое управление КНР. National data. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=A01&zb=A0E01&sj=202306> (дата обращения: 05.08.2023).

ство и низкая цифровая грамотность. На наш взгляд, цифровое доверие, как смазка социальной цифровой трансформации, может устранить сложности, вызванные рисками и неопределенностью в цифровой трансформации, тем самым снижая затраты, повышая эффективность, способствуя органическому единству общества и осуществлению социальной цифровой трансформации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Всемирный банк. Доклад о мировом развитии 2016 года: цифровые дивиденды. Пекин, 2017 (на китайском языке).

Государственное статистическое управление КНР. National data. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=A01&zxb=A0E01&sj=202306> (дата обращения: 05.08.2023).

Днепровская Н.В. Формирование инновационной среды цифровой экономики: Дисс. ... докт. эконом. наук. М., 2020.

Кастельс М. Расцвет сетевого общества. Пекин 2001.

Ли Минхан, Чжан Цян и др. Скрытые опасности и контрмеры цифровых медицинских технологий // Медицинское и медицинское оборудование. 2011. № 9.

Ма Хуатэн и др. Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики. М., 2019.

Мурашова Е.В., Ян Цэ. Оценка Условий цифровой трансформации компаний малого и среднего бизнеса в Китае // Московский экономический журнал. 2022. № 7.

Наливайченко Е.В. Развитие цифровой экономики в условиях глобализации: Монография. Симферополь, 2019.

Томайчук Л.В. Цифровизация экономики Китая: риски и возможности для общества // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 3.

Хуан Цифань. Цифровой Китай. Пекин, 2021.

Хэ Сяоинь. Сравнение концепции цифровой экономики, информационной экономики, сетевой экономики и экономики знаний // Times Finance. 2011. № 29.

Чжао Син. Анализ статус-кво и тенденции развития цифровой экономики // Sichuan Administration Institute. 2016. № 4.

Чжоу Сяоинь. Текущая ситуация и принципы построения цифрового правительства // Китайская информатизация управления. 2021. № 14.

Ян Фейху, Чжан Юйвэнь, Лв Цзяюань. Влияние цифровой экономики на цель Китая по “стабилизации занятости” и меры по ее спасению // Журнал Университета финансов и экономики Дунбэй. 2021. № 5.

Ян Чжигуо, Сюй Чжэн и др. Анализ больших данных системы видеонаблюдения общественной безопасности следующего поколения // Журнал Шанхайского университета: выпуск естественных наук. 2016. № 1.

CAICT. Белая книга о глобальной цифровой экономике // Национальный высокочеловеческий профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития 2022. URL: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bsps/202212/t20221207_412453.htm, свободный (дата обращения: 05.08.2023).

CAICT. Отчет о развитии цифровой экономики Китая // Национальный высококласный профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития. 2022. URL: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202207/t20220708_405627.htm (дата обращения: 05.08.2023).

CAICT. Отчет о развитии цифровой экономики Китая // Национальный высококласный профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития. 2023. URL: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202304/t20230427_419051.htm (дата обращения: 15.08.2023).

CNNIC. Статистический отчет о развитии Интернета в Китае (51-й раз) URL: <https://www.cnnic.net.cn/n4/2023/0303/c88-10757.html> (дата обращения: 05.08.2023).

REFERENCES

Autor D., Levy F., Murnane R. The skill content of recent technological change: an empirical exploration // *Quarterly Journal of Economics*. 2003. N 4. P. 279–333.

BEA. Digital Economy. Bureau of Economic Analysis U.S. Department of Commerce. URL: <https://www.bea.gov/data/special-topics/digital-economy> (accessed: 22.07.2021).

CNNIC. Statisticheskij otchet o razvitii Interneta v Kitae (51-j raz) [Statistical Report on China Internet Development (51st edition)]. URL: <https://www.cnnic.net.cn/n4/2023/0303/c88-10757.html> (data obrashcheniya: 05.08.2023) (in Chinese).

Chzhao Sin. Analiz status-kvo i tendencii razvitiya cifrovoj ekonomiki [Analysis of the Status Quo and Development Trends of the Digital Economy] // *Zhurnal Sichuan Administration Institute*. 2016. N 4 (in Chinese).

Chzhou Syaolin'. Tekushchaya situaciya i principy postroeniya cifrovogo pravitel'stva [Current Situation and Principles of Building a Digital Government] // *Kitajskaya informatizaciya upravleniya*. 2021. N 14 (in Chinese).

Department of Broadband, Communications and the Digital Economy. Australia's Digital Economy: Future Directions [R/OL]. URL: <http://apo.org.au/node/17766> (accessed: 09.04.2021).

DIGITAL 2022: Global Overview Report. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2022-global-overview-report?utm_source=Global_Digital_Reports&utm_medium=Article&utm_campaign=Digital_2022 (accessed: 05.04.2022).

Dneprovskaya N.V. Formirovanie innovacionnoj sredy cifrovoj ekonomiki [Formation of an Innovative Environment for the Digital Economy]: Diss. ... doct. ekonom. nauk. M., 2020 (in Russian).

Global Innovation Index 2022. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/2022/ (accessed: 17.08.2023).

Gosudarstvennoe statisticheskoe upravlenie KNR. National data [National Statistical Office of the People's Republic of China. National data]. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=A01&zb=A0E01&sj=202306> (data obrashcheniya: 05.08.2023) (in Chinese).

He Syaoin'. Sravnenie koncepcii cifrovoj ekonomiki, informacionnoj ekonomiki, setevoy ekonomiki i ekonomiki znanij [Comparison of the Concept of the Digital Economy, Information Economy, Network Economy and Knowledge Economy] // *Times Finance*. 2011. N 29 (in Chinese).

Huan Cifan'. Cifrovoy Kitaj [Digital China]. Pekin, 2021 (in Chinese).

- IMD. World Digital Competitiveness Ranking 2020. URL: https://www.imd.org/globalassets/wcc/docs/release-2020/digital/digital_2020.pdf (accessed: 05.08.2023).
- IMD World Digital Competitiveness Ranking 2022. URL: <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness-ranking/> (accessed: 17.08.2023).
- Kastel's M.* Rascvet setevogo obshchestva [The Rise of the Network Society]. Pekin, 2001 (in Chinese).
- Li Minhan, Chzhan Cyan* i dr. Skrytye opasnosti i kontrmery cifrovyyh medicinskih tekhnologiy [Hidden Dangers and Countermeasures of Digital Medical Technologies] // Medicinskoe i medicinskoe oborudovanie. 2011. N 9 (in Chinese).
- Longmei Zhang, Sally Chen.* China's digital economy: Opportunities and risks // International Monetary Fund. 2019. P. 9. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/01/17/Chinas-Digital-Economy-Opportunities-and-Risks-46459> (accessed: 05.07.2023) (in Chinese).
- Ma Huaten* i dr. Cifrovaya transformatsiya Kitaya. Opyt preobrazovaniya infrastruktury nacional'noj ekonomiki [China's Digital Transformation. Experience in Transforming the Infrastructure of the National Economy]. M., 2019 (in Chinese).
- Murashova E. V., Yan Ce.* Ocenka Uslovij cifrovoj transformatsii kompanij malogo i srednego biznesa v Kitae [Assessment of the Conditions for Digital Transformation of Small and Medium-Sized Businesses in China] // Moskovskij ekonomicheskij zhurnal. 2022. N 7 (in Russian).
- Nalivajchenko E. V.* Razvitiye cifrovoj ekonomiki v usloviyah globalizatsii: Monografiya [Development of the Digital Economy in the Context of Globalization: Monograph]. Simferopol', 2019 (in Russian).
- SAICT. Belaya kniga o global'noj cifrovoj ekonomike [CAICT. White Paper on Global Digital Economy] // Nacional'nyy vysokoklassnyy professional'nyy analiticheskij centr, platforma promyshlennykh innovatsiy i razvitiya. 2022. URL: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202212/t20221207_412453.htm (data obrashcheniya: 05.08.2023).
- SAICT. Otchet o razvitiy cifrovoj ekonomiki Kitaya [CAICT. China's Digital Economy Development Report] // Nacional'nyy vysokoklassnyy professional'nyy analiticheskij centr, platforma promyshlennykh innovatsiy i razvitiya. 2022. URL: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202207/t20220708_405627.htm (data obrashcheniya: 05.08.2023).
- SAICT. Otchet o razvitiy cifrovoj ekonomiki Kitaya [CAICT. China's Digital Economy Development Report] // Nacional'nyy vysokoklassnyy professional'nyy analiticheskij centr, platforma promyshlennykh innovatsiy i razvitiya. 2023. URL: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202304/t20230427_419051.htm (data obrashcheniya: 15.08.2023).
- Selwyn N.* Reconsidering political and popular understandings of the digital divide // New Media & Society. 2004. N 3. P. 351.
- Song Z., Song T.* et al. Spatial-temporal characteristics and determinants of digital divide in China: a multivariate spatial analysis // Sustainability. 2019. N 17. P. 45–46.
- Tomajchuk L. V.* Cifrovizatsiya ekonomiki Kitaya: riski i vozmozhnosti dlya obshchestva [Digitalization of the Chinese Economy: Risks and Opportunities for Society] // Evrazijskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. 2019. N 3 (in Russian).

UNCTAD. Technology and Innovation Report 2021. URL: <https://unctad.org/webflyer/technology-and-innovation-report-2021> (accessed: 10.05.2024).

Vsemirnyj bank. Doklad o mirovom razvitii 2016 goda: Cifrovye Dividendy [World Bank. World Development Report 2016: Digital Dividends]. Pekin, 2017 (in Chinese) (in Chinese).

Yan Chzhiguo, Syuj Chzhen i dr. Analiz bol'shih dannyh sistemy videonablyudeniya obshchestvennoj bezopasnosti sleduyushchego pokoleniya [Big Data Analysis of Next-Generation Public Security Video Surveillance System] // Zhurnal Shanhajskogo universiteta: vypusk estestvennyh nauk. 2016. N 1 (in Chinese).

Yan Fejhu, Chzhan Yujven', Lv Czyasyuan'. Vliyanie cifrovoj ekonomiki na cel' Kitaya po "stabilizacii zanyatosti" i mery po ee spaseniyu [The Impact of the Digital Economy on China's Goal of "Employment Stabilization" and Measures to Save It] // Zhurnal Universiteta finansov i ekonomiki Dunbej. 2021. N 5 (in Chinese).